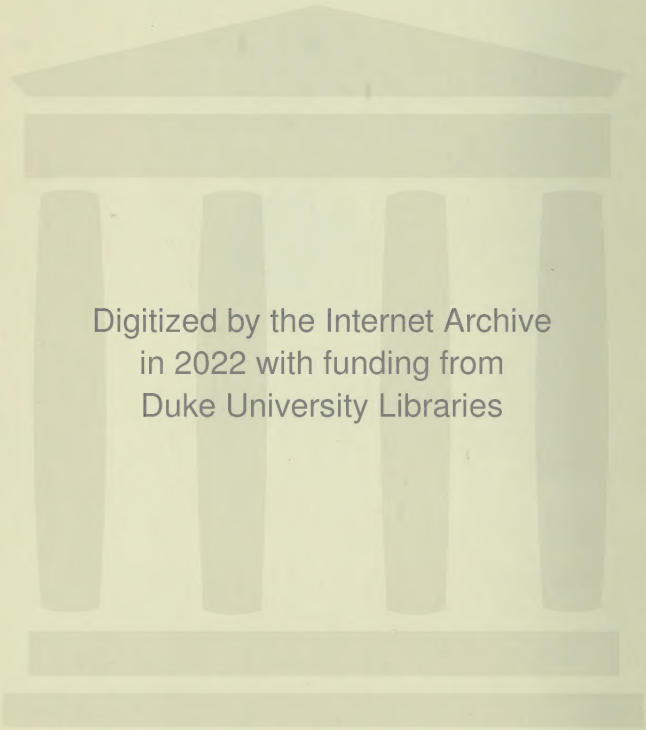
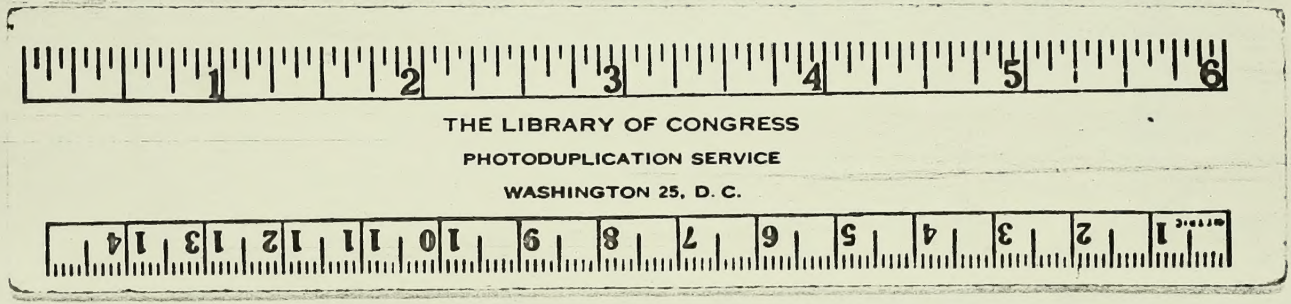
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pismavladimirase01solo

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1963


1
2
3
4
5
6
THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

ВЛ. СОЛОВЬЕВ

ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Э. Л. РАДЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»
ПЕТЕРБУРГ
1923

Solov'ev, Vladimir Sergeevich

ВЛ. СОЛОВЬЕВ

"Pis'ma,

ПИСЬМА

X-26525
Ср. 8522
V.4

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Э. Л. РАДЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

ПЕТЕРБУРГ

1923

197
5639P
dop.

B4266
.A4
Suppl.
Slavic Division

LIBRARY OF CONGRESS
JUL 10 1935
DIVISION OF DOCUMENTS

Российская Государственная Академическая Типография.
Петрообл№ 3193. — 2000 экз.

3814
5681

ПРЕДИСЛОВИЕ

103

Издаваемый ныне в свет том писем Соловьева может быть рассматриваем как дополнение к трем томам писем, ранее мною изданным, — а именно в 1908-1911 годах.

В состав настоящего тома вошли письма, частью уже напечатанные в разных повременных изданиях, частью появляющиеся впервые. К числу ранее опубликованных принадлежат, например, письма к И. С. Аксакову, к брату покойного философа Михаилу Сергеевичу Соловьеву и к М. М. Стасюлевичу. Часть писем к Стасюлевичу была уже отпечатана в I-ом томе, а именно те, которые доставил мне сам Михаил Матвеевич. После его смерти его переписка была издана М. Лемке и в ней письма отпечатаны в гораздо большей полноте. В настоящем томе помещены только те письма, которые не вошли в I-ый мною изданный том. Из писем к брату только одно — раннее — печатается впервые. Новыми письмами пополнена также переписка с А. Луговым и А. Пыпиным.

Из новых писем некоторые имеют весьма существенное значение для выяснения как личности философа, так и его миросозерцания. Особенно значительна переписка с Е. Таверньe и в ней письмо под № 13. Интерес представляют также письма к Т. И. Филиппову. По желанию издательства французский текст снабжен русским переводом.

Долг дружбы по отношению к покойному я выполнил. Само собой разумеется, что мне не удастся более получить писем, хранящихся у разных лиц, например, у наследников братьев Сергея и Евгения князей Трубецких. Я желал бы только еще увидеть в печати приготовленный мною том статей Соловьева, не вошедших в собрание сочинений или вовсе не появлявшихся в печати.

Что касается текста и орфографии писем, то я придерживался строго доставленных мне оригиналов или копий. В некоторых случаях это было довольно трудно; например, в письмах к Мартыновой не легко было восстановить текст — копии были несовершенны, и я не уверен, что мне это всюду удалось.

Э. Радлов

23 апреля 1923 г.
Петроград

ЛЬВУ ПАВЛОВИЧУ НИКИФОРОВУ *).

(Без даты).

1.

Многоуважаемый Лев Павлович!

Благодарю Вас за Ваше доброе, хотя и преисполненное недоразумений, письмо. Надеюсь, что главное из этих недоразумений скоро будет раз'яснено печатью, а потому спрошу Вас только: где вы видели тех либералов, о которых пишете,—я таких не встречал, и мне сдается, что это у Вас мечты воображения. А вот Вам действительный представитель того либерализма, с которым я имею дело, Михаил Матвеевич Стасюлевич. Помимо его литературных заслуг, я знаю его безусловно бескорыстную (он ни копейки не получает, а кой-что от себя прикладывает, кроме труда и времени) деятельность на пользу простонародия в Петербурге. Благодаря ему там за последние годы открыто несколько сот новых начальных училищ; также благодаря ему устроен городской фильтр, вследствие чего смертность от заразных болезней (главным образом в низшем классе населения, ибо высший воды не пьет) сократилась вдвое. Я не знаю в России человека, который заслуживал бы большего уважения, чем этот «либерал». Вообще эти ярлыки ничему действительному, по крайней мере в России, не соответствуют. Если даже принять ваш, весьма недостаточный критерий, то вот вам «либерал» Стасюлевич, который уже более тридцати лет как ничего не берет с народа и очень много дает ему, а с другой стороны народник К. и иные ему подобные преспокойно состоят на казенной службе и получают жалованье, а дают ли они что-нибудь народу—неизвестно.

Кстати: я должен вас разочаровать относительно себя. Вы не совсем верно меня поняли: я говорил, что уже 12 лет как не получаю никакого жалованья, ибо не состою ни на

*) «Вестник Европы» 1913, ноябрь.

какой службе, но когда в юности я был доцентом университета, а потом членом ученого Комитета, я получал свою тысячу рублей в год и не чувствовал при этом никаких угрызений совести. Это происходило, может быть, от моей безнравственности, а может быть от моего знакомства с росписью государственных доходов и расходов, из рассмотрения коей явствовало, что не только мои 1000 руб., но все те два или три миллиона, которые идут на поддержание учености в России, никакой важности не представляют, а с другой стороны совсем без всякой учености даже турки и китайцы обходиться не могут. О французских своих книгах не могу вам ничего сообщить. Их судьба меня мало интересует. Хотя в них нет ничего противного об'ективной истине, но то суб'ективное настроение, те чувства и чаяния, с которыми я их писал, мною уже пережиты.

Завтра еду в Петербург недели на две, на три; если в конце апреля или начале мая случится вам быть в Москве, наведывайтесь, пожалуйста,—очень рад был бы с вами еще увидеться.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

2.

Дорогой Лев Павлович!

Книгу Дреммонда «Ascent of man» я кончаю только этой ночью. Думаю, что она заслуживает перевода, но тоже с сокращением. Для начала попрежнему считаю удобнее Natural Law, как более принципиальную. От предисловия не отказываюсь, но сию минуту написать его как следует не могу; да и для редакции «Русской Беседы» мое появление осенью удобнее, чем летом, хотя вообще их рассчет на пользу моего участия в журнале не делает чести их практическому смыслу.

Если вы имеете какие-нибудь особые причины торопиться с этим делом, то напишите мне их в Петербург—Галерная, 20, ред. «Вестн. Евр.». Я уезжаю из Финляндии завтра и вернусь в конце мая.

Получил письмо большое от Арк. из Киева. Рад был факту письма, но содержание кисло-сладкое и отчасти нелепое. Он, между прочим, видит пример нравственного совершенства в Аврааме, намеревающемся заколоть своего

сына,—а разум и совесть уподобляет тому «ослу, которого надо оставить внизу горы Божией». Печальная была бы участь Господа Бога, если бы к нему могли восходить только существа без разума и совести. Буду отвечать А. в скором времени. Еще получил я письмо без подписи из Лукоянова (откуда и вы последний раз писали) по поводу моего «Принципа наказания». Письмо очень большое, почерк как будто ваш и образ мыслей также, но превратное понимание моей точки зрения такое, какого и от вас не ожидал бы. Выведите меня из недоразумения. А то я думал было ответить печатно при случае.

Будьте здоровы.

Искренно вас любящий *Влад. Соловьев.*

3.

Не посетуйте, дорогой Лев Павлович, за столь поздний ответ; мне так много приходится писать для печати, что на частную переписку остается совсем мало времени. Еще до получения вашего последнего письма я должен был оставить всякое сомнение в вашей неприкосновенности к Лукояновским письмам: те же авторы прислали мне еще письмо, более откровенное и уже явно не могущее иметь ничего общего с вами. Бер. И. еще в апреле решительно отказалась от всякого содействия как по вашему ходатайству, так и по всем другим подобным, с которыми я обращался; я думал, что вы об этом догадаетесь по моему молчанию. То, что вы пишете по поводу «Принц. наказ.», основано на недоразумении. По моей идее принцип наказания есть «*человеколюбие*» как к потерпевшему, так и к преступнику, а вы говорите, что я возвожу в принцип *насилие*. Насилие я допускаю, как необходимое в известных случаях средство для исполнения обязанности человеколюбия, совершенно так, как в примере Льва Ник. с бросанием детей из окошка при пожаре. Я уже воспользовался этим примером в статье о войне, которая скоро появится, и буду еще им пользоваться как очень удачной иллюстрацией *моей мысли*.

Очень бы желал быть предуведомленным, когда вы будете в Москве или в Петербурге, чтобы устроить свидание, а писать много имеет многие неудобства.

Храни вас Бог...

Любящий вас *В. Соловьев.*

4.

Многоуважаемый Лев Павлович!

Относительно перепечатки статьи моей об Огюсте Конте из Энциклопедического Словаря Брокгауза-Ефрона извещаю вас, что согласен на эту перепечатку при следующих трех условиях:

1) мне будут доставлены прежде напечатания две корректуры—одна в гранках и другая сверстанная, и статья будет напечатана согласно моим поправкам;

2) так как издание не имеет благотворительной цели, то при выходе книги мне будет уплачено за право печатания моей статьи сто пятьдесят рублей

3) я обязуюсь в течение пяти лет по выходе книги нигде не перепечатывать своей статьи и никому не передавать ее с этой целью; по истечении же пяти лет возвращаю себе право распоряжения означенною статьей.

С истинным уважением *Влад. Соловьев.*

24-го февраля 1896 года.

АННЕ НИКОЛАЕВНЕ ШМИДТ *).

1.

Многоуважаемая Анна Николаевна!

Прочитав с величайшим вниманием Ваше письмо, я рад был видеть, как близко подошли Вы к истине по вопросу величайшей важности, заложенному в самой сущности христианства, но еще не поставленному отчетливо ни в церковном, ни в общефилософском сознании, хотя отдельные теософы и говорят об этой стороне христианства (особенно Яков Беме и его последователи: Гихтель, Пордэдж, Сен-Мартен, Баадер). Мне приходилось много раз с 1877 года касаться этого предмета в публичных чтениях, статьях и книгах, соблюдая должную осторожность. Думаю на основании многих данных, что широкое раскрытие этой истины в сознании и жизни христианства и всего человечества предстоит в ближайшем будущем, а Ваше появление кажется мне очень важным и знаменательным.

*) Извлечены из книги: «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт», Москва, 1916 г.

Некоторые частности в Вашем письме для меня неясны, и прежде окончательного заключения я желал бы познакомиться: 1) с Вашей подготовительной статьей; 2) с Вашим автобиографическим сочинением и 3) главным образом, с Вами самими. Все это легко исполнимо, но только не сейчас, так как я на от'езде заграницу, откуда вернусь в половине лета вероятно, а в конце лета или начале осени могу побывать в Нижнем Новгороде, если Вы его не покидаете. По возвращении из заграницы я хотел бы с Вами списаться. Мне Вы тогда можете писать или в эту гостинницу, или, еще лучше, так: Петербург, Галерная, 20, Редакция «Вестника Европы», Влад. Серг. Соловьеву (все письма и посылки непременно заказными).

Но уже и теперь я могу раз'яснить одно недоразумение в Вашем письме, именно насчет Вселенского Собора. В настоящее время вопрос о его созвании никак не может иметь практического значения, по той причине, что созывать некому: папская власть признается одними католиками, а имперская разделена между четырьмя независимыми государствами: Россией, Германией, Австрией и Британией. Да и помимо этого, назначение вселенских соборов лишь в том, чтобы окончательно формулировать и провозглашать уже выясненные религиозные истины, а та истина, которая нас с Вами занимает, еще требует больших об'яснений.

Позвольте еще раз выразить мою радость по случаю Вашего письма и пожелать дальнейшего доброго общения между нами.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

8-го марта 1900 г.

2.

Многоуважаемая Анна Николаевна!

Получив посланные Вами бумаги, буду, не вскрывая конвертов, хранить их до Вашего востребования. Вот все, что пока могу обещать Вам по этому предмету. Что касается до Вашего сообщения мне о происшествии, случившемся с Вами 4 января 1885 года, то, благодаря Вас за доверие и признавая очевидную искренность и правдивость Вашего рассказа, я должен пока воздержаться от окончательного суждения о самом факте; обращу только Ваше

внимание на переданную Вами самими подробность, именно: что явление предполагаемого лица не произвело в Вас непосредственно никакого движения душевных чувств, так что впечатление было, так сказать, головное, а не сердечное. Это очень важный признак, давно замеченный церковными специалистами по этой части.

Разыскивать лицо, соответствующее инициалам І. Р., я не вижу человеческой возможности, а получить об этом прямые сообщения свыше не считаю себя достойным. Могу служить Вам тут лишь своей догадкой. І. Р. — Іуда Раскаявшийся? Но в адресном столе он, конечно, записан под другой фамилией, и, значит, если бы даже моя догадка была достоверна, то она осталась бы все равно бесполезной.

Вашу заметку по поводу лекции об антихристе я прочел издателю «Недели», и она, вероятно, будет напечатана, с некоторыми редакционными изменениями, если Вы ничего не имеете против.

Будущего своего адреса я не знаю в точности, но с апреля месяца Вы можете писать...

Бог даст, встретимся, когда будет нужно.

Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

(Конец марта или 1 апреля).

3.

Дорогая Анна Николаевна!

Мне было приятно прочесть Ваши полемические заметки, но, разумеется, печатать ничего подобного не нужно. Раз'ясняю евангельское выражение насчет «бисера». И. Б. и М.—поросята: первый поросенок циничный и нахальный, а второй—поросенок лицемерно-добродушный и плаксивый. Ваше серьезное к ним отношение показалось мне трогательным.

Больной приятель, к которому я должен был ехать на остров Корсику, быстро скончался, и я пока не еду заграницу. Собираюсь на несколько дней в Москву и вообще ничего определенного не знаю и не загадываю понапрасну.

Посылаю Вам книжку «Духовные основы», а недели через две надеюсь послать новое издание своих стихотво-

рений, а также «Три разговора» отдельной книжкой с поправками и дополнениями.

Будьте здоровы.

Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

(Начало апреля).

4.

Воскресенье, 22 апреля, Петербург.

Дорогая Анна Николаевна!

Не увидя, что будем. А пока мы верно чувствуем великое, но нестерпимо фантазируем и путаемся в пустяках. Три характерные пустяка: 1) Вы продолжаете смешивать меня с моим старшим братом, Всеволодом Соловьевым, имевшим какие-то темные дела с г-жею Блаватскою и написавшим об этом какую-то серую книгу, чему я ни душою, ни телом не причастен. Г-жу Блаватскую я никогда в жизни не видел и ни ее личностью, ни ее «чудесами» или «фокусами» никогда не занимался, а только (и весьма умеренно) теософическим движением с принципиальной стороны, о чем напечатал две заметки, не касающиеся личности и «практики» этой покойницы; 2) зная, как Вы цените мои стихи, я хотел оказать Вам любезность, прислав до выхода книжки те стихотворения, которые Вам были неизвестны. «Разрывать» книжку, как Вы говорите, я не имел ни возможности, так как она не была еще в моих руках, ни надобности, так как я решил непременно Вам ее доставить в целом виде, как только она выйдет; 3) заметив в одном Вашем письме лучшую редакцию одного моего стихотворения, я с удовольствием этим воспользовался. И из этого простейшего факта Вы выводите какие-то сложные заключения.

Довольно о пустяках.

Исповедь Ваша возбуждает величайшую жалость и скорбно ходатайствует о Вас перед Всевышним. Хорошо, что Вы раз это написали, но прошу Вас больше к этому предмету не возвращаться. Уезжая сегодня в Москву, я сожгу фактическую исповедь в обоих изложениях, не только ради предосторожности, но и в знак того, что все это только пепел. А о том, что под пеплом, я Вам расскажу сон одной давно умершей старушки. Она видела,

что ей подают письмо от меня, написанное обыкновенным моим почерком, который она называла pattes d'araignée. Прочтя его с интересом, она заметила, что внутри завернуто еще другое письмо на великолепной бумаге. Раскрыв его, она увидела слова, написанные прекрасным почерком и золотыми чернилами, и в эту минуту услышала мой голос: «вот мое настоящее письмо, но подожди читать», и тут же увидела, что я вхожу, сгибаясь под тяжестью огромного мешка с медными деньгами. Я вынул из него и бросил на пол несколько монет одну за другой, говоря: когда выйдет вся медь, тогда и до золотых слов доберешься. Советую Вам, Анна Николаевна, этот сон применить и к себе.

Я еду в Москву на похороны. В Нижний теперь приехать не могу, но во Владимир-на Клязьме — возможно, на несколько часов. Если Вы способны разговаривать, и если Вам не трудно приехать в Владимир, то напишите короткое письмо в Москву и скажите, какой из трех дней: пятница, суббота, воскресенье для Вас удобнее, но ни в каком случае не выезжайте из Нижнего до моей телеграммы из Москвы. Потому что ничего еще не решено, и по-моему лучше, может быть, отложить свидание до конца лета.

Пожалуйста, ни с кем обо мне не разговаривайте, а лучше все свободные минуты молитесь Богу.

Душевно Ваш *Влад. Соловьев.*

5.

Телеграмма.

(Из Москвы, 29 апреля 1900 года).

Нижний. Редакция «Нижегородского Листка». Анне Николаевне Шмидт. Если есть опасения здоровья, не выезжайте. Мне все равно нужно (быть во) Владимире по другому делу.

Соловьев.

6.

Дорогая Анна Николаевна!

Вот два слова в успокоение. Я жив, по-прежнему сохраняю к Вам неизменные чувства интереса и симпатии,

никакого неблагоприятного впечатления свидание с Вами не оставило, одним словом все по старому.

Теперь очень спешу, а на днях постараюсь написать больше.

Искренно к Вам расположенный *Влад. Соловьев.*

На днях в... (конец фразы в оригинале оторван).

7.

22 июня 1900 года.

Дорогая Анна Николаевна!

Приехав из деревни, нашел Ваше письмо от 17 июня. В нем много верного. Я тоже думаю, что прежняя историческая канитель кончилась. Ну, а дальнейшее: не нам дано ведать времена и сроки.

На днях еду в южную Россию на неопределенное время. Как видите, Ваше желание приехать в Петербург, чтобы видеться со мною, независимо от основательности или неосновательности этого желания, все равно не может осуществиться. Очень рад, что Вы сами сомневаетесь в об'ективном значении известных видений и внушений или сообщений, которых Вы не знаете. Настаивать еще на их сомнительности было бы с моей стороны не великодушно. По возвращении в Петербург (вероятно, в августе) напишу Вам непременно. Будьте здоровы, дорогая Анна Николаевна.

Искренно Ваш *Влад. Соловьев.*

ИВ. С. АКСАКОВУ [1]).

1.

(Конец декабря 1882 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я в четверть часа решил и собрался в Петербург проститься с одним старым приятелем [2]), который при смерти. Пробуду здесь до первых чисел января. Нельзя ли будет на этих днях прислать мне сюда корректуру моей статьи [3]) не для исправления, но я хотел бы кой-кому прочесть.

[1]) Перепечатано из «Русской Мысли», декабрь 1913 г.
[2]) И. О. Лапшин.
[3]) Начало «Великого спора».

Чтобы вас не задерживать, пусть мне вышлют только из типографии *лишний* экземпляр корректуры и не дожидаются его возвращения. Если набрана вторая статья, то я *очень хотел бы* ее получить (в гранках). Здесь я еще никого не видел (да немногих и увижу). Петербург показался мне немного оживленней, чем в прошлом году, но это может быть только от хорошей погоды.

Накануне моего от'езда я получил Ваше письмо. Нужно подождать новой присылки от Энгельгардта, посмотреть, в какой степени он сократил и смягчил свои излияния. Напечатать просто в виде статьи ни в каком случае невозможно, не по одним цензурным соображениям, но и по направлению и значению «Руси». Но при моем ответном письме напечатать сокращенную статью мелким шрифтом было бы возможно и весьма желательно, ибо Энгельгардт ведь не один такой, им теперь имя легион, и хорошо было бы раз навсегда leur dire leur fait в коротких, но ясных словах. Я впрочем пополнил и распространил свой ответ значительно. Завтра или послезавтра пришлю его копию (в новом виде) для Анны Федоровны [1]), которая хотела его кому-то послать. Поздравляю сердечно ее и Вас с праздником.

Истинно преданный Вам *Вл. Соловьев.*

Петербург, Европейская гостинница (на Михайловской).

Очень буду Вам благодарен, если пришлете корректуру: меня торопят прочесть эти статьи. Третья пишется, А. М. Иванцов первые одобрил. У меня был в Москве Эберман, кажется отличный человек [2]). Если увидите его, скажите, пожалуйста, что по возвращении займусь его работами.

2.

(Без даты, относится к 1882 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Не дается мне полемика. Только что приготовил я свой распространенный ответ Энгельгардту, чтобы послать его

---

[1]) Анна Федоровна Аксакова, жена Ив. Серг. дочь поэта Ф. И. Тютчева. См. о ней воспоминания Вл. Соловьева в т. III его «Писем», СПб., 1909 г., стр. 275—282.

[2]) Об Эбермане см. письмо Вл. Соловьева к Т. И. Филиппову, напечатанное в этом томе.

Анне Федоровне, и перечел его, как меня взяло раздумье. Вспомнил я мудрое изречение Кузьмы Пруткова:

У кого болит затылок,
Тем уж пятки не чеши.

Показалось мне, что толковать о таинствах и иерархии с людьми, для которых Бог есть только метафора, а Христос только примерного поведения человек или даже образцовый революционер, это значит именно чесать пятки больному. Подумал я это и бросил всю эту историю в камин. И теперь пишу другой ответ, весьма краткий, но, кажется, попадающий прямо в затылок. Что касается до распространения статьи Э., то я в этом не виноват. Л. Толстому я не мог ничего отдать, так как уже давно с ним не видаюсь, и он для меня «яко язычник и мытарь». Но есть в Москве один одержимый религиозным зудом юноша, М. С. Сухотин, который у меня выпросил для прочтения, а сам списал и распространяет эту копию, оригинал же находится у А. М. Иванцова.

Страхова еще не видал; когда увижу, постараюсь исполнить Ваше желание.

Когда *вторая* моя статья будет набрана, будьте добры прислать мне корректуру (гранки): хочу сделать несколько незначительных вставок и возвращу для печатания. Третья статья выходит довольно содержательной.

Истинно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

3.

(Январь 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я наказан за свое коснение в Петербурге — получил бронхит или трахеит—и, чтоб не получить чего-нибудь худшего, собираюсь домой. Видел перед Новым Годом Страхова и старался ободрить его: он пишет или собирается писать продолжение своей статьи *).

Первого нумера и корректуры второй статьи еще не получил. Надеюсь, придут до моего от'езда.

Студенты Петербургского университета (из несосланных) спрашивают, могут ли они через свою читальню под-

*) См. Н. Страхова «Взгляд на русскую литературу»—«Русь» 1883 г.

писываться на «Русь» с рассрочкой и некоторой уступкой; в таком случае они обещают до ста и более подписчиков. Если болезнь задержит меня в Петербурге, то обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: прикажите в типографии оставлять мне по мере печатания 1000 отдельных экземпляров моих статей величиной обыкновенный 8⁰ (с «Русский Вестник» или немного больше), в один столбец разумеется.

Я намерен по окончании их в «Руси» издать книжкой и хочу сделать экономию на наборе. Я бы сам написал в типографию, но не знаю ее адреса.

С тем, что Вы говорите по поводу Энгельгардта, я вполне согласен, и мой второй ответ написан именно в этом смысле.

До свидания, надеюсь скоро.

Прошу Вас передать мой сердечный поклон Анне Федоровне.

Истинно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

4.

(Без даты).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за доброе письмо. Я еще не совсем здоров, хоть и выезжаю. В Москве я думаю быть между середой и воскресеньем. Вы, вероятно, получили обратно корректуру, в которой я отнял конец у второй статьи (чтобы перенести его в начало следующей). Дело в том, что изложение идет здесь crescendo, и потому нужно было остановиться на самой высокой точке, чтобы не было задержки и спуска. Относительно оттисков я не желал удлинения строчек, а только чтобы в один столбец и с большими полями. Но теперь я *вообще* раздумал оставлять отдельные оттиски, потому что, гоняясь за экономией в наборе, можно потерять гораздо больше, если бы потом встретились препятствия от духовной цензуры,—тогда пропадет все издание.

Я надеюсь, что Вы еще не приказали набирать 1-ю статью. Простите за лишние хлопоты. Студентам передам, что Вы пишете, как только увижу кого-нибудь из них.

До свиданья.

Сердечный мой поклон Анне Федоровне.

Искренно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

5.

(Без даты).

Благодарю Вас, многоуважаемый Иван Сергеевич, за присылку 1-го № «Руси». С удовольствием прочел Вас, Страхова и Голохвастова. У Вас мне, между прочим, очень понравилось замечание о критическом положении в каком бы очутились наши отрицатели и либералы, если бы их пригласили «управлять Государством». Некоторый малый образчик такого позорища мы имели в министерстве Сабурова [1]), которого наконец даже бить стали за либеральную глупость, а он, бедный, вовсе не был глупее других петербургских либералов и даже считался хорошим юристом.

В своей статье я заметил две опечатки, несколько изменяющие смысл; для исправления их в следующем № прилагаю особый листок. Может быть, это мелочность с моей стороны, но напечатать поправку дело не сложное. Я все эти дни сидел дома по причине бронхита, а сегодня, несмотря на внутренний жар и внешний мороз, должен был выехать, и теперь ощущаю лихорадку; надеюсь однако, что Бог не выдаст—Петербург не с'ест.

Я решительно нахожу своего Орфея [2]) поэтичнее Хитровского Скобелева [3]) и потому решаюсь послать Вам его (в исправленном виде для второго номера).

Будьте здоровы.

Искренне преданный Вам *Влад. Соловьев.*

6.

(Без даты).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Третью статью окончил и завтра начинаю переписывать. Я все еще хвораю и тоскую в Петерб., но выбраться из него не могу.

2-й № «Руси» еще не получил, но просматривал у знакомых. Он так же полон и интересен, как и первый. Как в

---

[1]) А. А. Сабуров, управлял около года министерством народного просвещения.

[2]) «Три подвига», стих. Вл. Соловьева, нап. в № 2 «Руси» 1883 г.

[3]) «Последний поход». Похоронный марш М. Д. Скобелеву, соч. М. Хитрово, в № 1 «Руси».

переписке Самарина, Самарин неизмеримо выше своего противника! Прудон тоже не глуп, но Г-н [1]) из рук вон плох.

Вы мне писали как-то, чтоб не очень удлинять статьи, потому я 3-ью довел только до разделения церквей, и она не длинна, но довольно содержательна; *все* ереси, от первых гностических и до иконоборчества включительно, выведены из одного начала—реакции восточного бесчеловечного бога против Бого-человека, и с этим же связано мусульманство; затем в той же связи указывается основной грех Византии (и всего восточного христианства), которая, отстояв в учении православное христианское начало богочеловечности, не выдержала его в жизни и практически впала в ересь разделения божественного от человеческого, откуда я, с одной стороны, вывожу крайности монашества, а с другой стороны—об'ясняю временный успех мусульманства, открыто признавшего несоизмеримость божественного с человеческим. Все это я стараюсь высказывать осторожно и с благоговением к тому, что действительно священно.

Я слышал, что вся статья удостоилась презрительного отзыва от самого Каткова, который назвал ее «детским лепетом», а бедный Понин всюду добросовестно повторяет эти слова. Я поручил напомнить ему: аще не обратитесь и не будете яко младенцы, не имате внити в Царствие Божие. Но вообще я замечаю здесь qu'il y a un parti pris contre moi, и это именно с тех пор, как я стал скромнее и отказался от всяких притязаний, даже от притязания поучать нашу, по выражению Ю. Ф. Самарина, «неучащуюся молодежь». Когда я был самоуверенным мальчишкой, меня носили на руках и мой действительно «детский лепет» слушали с величайшим почтением. И теперь еще хорошо, что я не могу достигнуть совершенства в смирении, а то бы меня совсем никто не слушал.

Кстати о детском лепете — так как я уж Вам сообщил несколько плохих стихов, то вот Вам еще два стихотворения, написанных в младенчестве, посылаю их не для печати, а так почему-то вспомнилось [2]).

---

[1]) Герцен.

[2]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3, стр. 52.

7.

(Без даты, февраль 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Мою речь в память Достоевского постигли некоторые превратности, вследствие которых я могу Вам ее доставить только к 6 № «Руси». Дело в том, что во время моего чтения пришло запрещение мне читать, так что это чтение принимается яко бы не бывшее, и петербургские газеты должны умалчивать о вечере 19 февраля, хотя на нем было более тысячи человек. Вследствие того же полицейского запрещения попечитель Дмитриев, разрешивший речь, пожелал для собственного ограждения как можно скорее иметь ее текст, и я должен был поспешно ее списать для себя. Но эту иероглифическую копию послать Вам было невозможно, и вот я должен еще раз списывать — а речь довольно большая, а я к тому же расстроен и утомлен панихидами и похоронами одного старого приятеля [1]). Таким образом, о помещении речи в № 5 нечего и думать, а к Вам я сам привезу ее в Москву. Напечатать же ее нужно не как речь, а как статью и под другим заглавием. И все это наш друг К. П. Победоносцев.

Теперь о Вашем письме, которое я получил перед самым моим выездом из Москвы. Я искренне Вам признателен за дружественное расположение Ваше ко мне, в которое совершенно верю и которое надеюсь всегда сохранить. Также очень благодарен я Вам и за откровенность, с которою Вы ко мне обращаетесь в этом письме. Содержание же его вызывает с моей стороны некоторые об'яснения. Чтобы не запутывать дела, я ограничусь констатированием двух фактов и одним категорическим заявлением:

1) Содержание статьи о католич. и разд. церквей я обдумывал с прошлой весны, т. е. почти целый год.

2) Согласившись с Вами, что она в своем настоящем виде неудобна для напечатания по форме и тону *изложения*, я ни перед Вами, ни перед Ал. Мих. [2]) не отказывался ни от одного из выраженных в ней *взглядов*.

3) Говоря о примирении с католичеством, я тем самым уже предполагаю, что католичество в *принципе* не ложно, потому

---

[1]) И. О. Лапшина.

[2]) А. М. Иванцов-Платонов.

что с ложью мириться нельзя. Я в католичестве вижу ложное применение, а применение может и перемениться.

При таком взгляде мне действительно приходится по совести защищать католичество от несправедливых, по-моему, обвинений, а потому слух о моей апологии католичества не может меня пугать и удерживать от чтения статьи моим друзьям как в Москве, так и в Петербурге.

Спешу, чтобы не опоздать на почтовый поезд.

С искренним уважением преданный Вам *Влад. Соловьев.*

8.

(Февраль, 1883 г.)

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Отправив вчерашнее письмо, я подумал: не показалась бы моя краткость грубостью? Поэтому еще раз хочу Вас уверить в искренней признательности моей за Ваши дружественные чувства и в моем непременном желании всегда сохранять те добрые отношения, которые сложились между нами в последнее время. Во всяком случае вопрос о *примирении* великого спора не должен быть причиной малого спора между нами (а я уже заметил здесь в Петербурге, что кой-кому приятно было бы нас поссорить).

Вчера схоронил я одного старого приятеля, П. О. Лапшина, которого знавала Ваша матушка, и с которым был очень близок А. Н. Аксаков, который берет к себе на воспитание 12-ти летнего сына, своего крестника. В настоящее время эта компания (А. Н. Аксаков, Бутлеров) поглощена приездом в Петербург родоначальницы американского спиритизма К. Фокс; Бутлеров, сверх того, собирался читать публичные лекции о меднумизме, но наш общий благодетель К. П. Победоносцев лишил его этого удовольствия. Будьте здоровы. Надеюсь, что Анна Федоровна совсем поправилась. Собираюсь выезжать в середу 2-го марта.

Истинно Вас уважающий и преданный *Влад. Соловьев.*

9.

(Март 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Когда Вас поражает дурной запах, происходящий от лесных клопов или от падали, то Вы зажимаете нос и про-

ходите мимо. Но когда дурной запах происходит от гнойных ран на теле Вашего брата, то Вы, конечно, преодолеете свое отвращение, не станете распространяться о болезни, а постараетесь помочь больному. Не в моей власти исцелить разделенные церкви, но в моей власти и *обязанности* не растравлять их ран полемикой, а смягчать их словом справедливости и примирения. Если я не умею сказать этого слова, пусть скажет его кто-нибудь другой, но никто не говорит. Если мой путь не ведет к цели, пусть укажут другой, лучший, но никто ничего не указывает. Только и есть, что обличение католических грехов да вражда против папизма. Но обличение не облегчает, и вражда не врачует. По плодам их узнаете их. Какие плоды нашей тысячелетней полемики против католичества? Западу не помогли, Восток не оживили, а сами чужим недугом заразились. Не только греки, но и наши в своей вражде к католичеству увлекаются до фальсификации документов, как, например, казанская духовная академия в своем переводе актов вселенских соборов. Но я не хочу вдаваться сам в полемику. Полезнее будет указать основной пункт нашего с Вами недоразумения. Мне кажется, Вы смотрите *только* на папизм, а я смотрю прежде всего на великий, святой и вечный Рим, основную и неотъемлемую часть вселенской церкви. В этот Рим я верю, пред ним преклоняюсь, его люблю всем сердцем и всеми силами своей души желаю его восстановления для единства и целости всемирной церкви, и будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима.

Предлагаемое Вами изменение статьи возможно только если я перенесу вопрос совсем из области религиозной в область социально-историческую, где можно будет говорить не о *самом* вечном Риме, а только о его временном явлении. Такая точка зрения, может быть, покажется Вам менее отвлеченной, а по-моему это-то и есть абстракция. Но довольно спорить. Придется писать для Вас новую статью, а прежнюю, исправив и распространив в целое сочинение, издать за границей по-французски.

До свидания в конце этой недели. Речь переписывается.

Преданный Вам *Вл. Соловьев.*

10.

(Апрель 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я уехал в деревню недели на три дописывать одну книжку религиозно-нравственного содержания, которую намереваюсь издать отдельно этою же весной. Вместе с тем, я взял с собой кое-какой материал для продолжения «Великого спора», за писание которого примусь по возвращении в Москву и сдавши в типографию свою книжку. Для печатания сей последней мне нужно приготовить несколько денег, и я поручил моему брату Михаилу принять из редакции следующий мне гонорар за вышедшие статьи (в 1, 2, 3, 6, 7 № «Руси»). Я просил бы прислать ему, не дожидаясь моего возвращения.

Очень жалею, что не пришлось познакомиться с баронессой Раден, о которой я слышал много хорошего. Впрочем, я убедился, что относительно знакомств, так же, как относительно браков и смертей, имеет силу какая-то фатальность или маленькое провидение.

До свидания на Святой. Прошу Вас передать мое сердечное почтение Анне Федоровне.

Истинно уважающий Вас и преданный *Вл. Соловьев.*

11.

(Июнь 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я медленнее, чем думал, поправляюсь от своей болезни и только эти последние дни почувствовал себя в состоянии работать и принялся за продолжение «Великого спора»; думаю прислать Вам в начале июля, а пока посылаю маленькое стихотворение. В Москве я буду *может быть* в августе, а *наверное* (если не погибну) только к началу октября. Я это время много езжу по остаткам брынских лесов, а дома упражняюсь в языках: читаю униатскую полемику XVI века по-польски, а Данта по-итальянски. Слежу и за политикой: узнал о Вашей ссылке и об измене Чичерина *).

*) Дело касается речи Б. Н. Чичерина, произнесенной им по случаю коронации Александра III-го.

Будьте здоровы. Сердечно кланяюсь Анне Федор

Преданный Вам *Вл. Соловьев.*

Адрес мой пока (до конца Июля)—Брянск, Красный Рог.

12.

(Сентябрь 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Это послание Вы получите около дня Иоанна Богослова, и потому прежде всего поздравляю Вас с этим днем. Письмо Ваше я получил давно, но «Русь»—только вчера. Не хочу обижаться на Вас и на Ал. Мих. за свою статью, изувеченную без моего ведома и приведенную почти в неудобочитаемый вид.

Но есть одна вещь, которую я решительно не могу так оставить. Я не верил своим глазам, когда читал конец 20 примечания. Не только приписывается мне нелепое и невежественное утверждение (о председательстве пап на вселенских соборах), которого *я нигде никогда* не делал, но еще из этой ложно мне приписанной нелепости выводятся язвительные заключения и намеки на мою авторскую недобросовестность. Вы знаете мои отношения к Ал. Мих., а это примечание писал точно враг и притом враг не стеснявшийся в средствах нападения. «Председательство пап», «личное присутствие пап», *да где же, когда же* я об этом говорил? Ничего подобного нет в той единственной фразе, в которой у меня упоминается о председательстве на вселенских соборах; в этой фразе (статья № 14, стран. 34) говорится только: «римские *легаты* председательствовали на вселенских соборах, и восточные монахи выступали союзниками западных иерархов». Да ведь председательство римских легатов, напр., на IV или на VI вселенском соборе есть факт, действительно несомненный и общественный. Но где же здесь личное присутствие, где же здесь все соборы? В прежней напечатанной статье у меня также говорилось о председательстве на вселенских соборах и как раз противоположное тому, что мне приписывает Ал. Мих. Я рад, что у меня сохранился корректурный лист. Посылаю Вам его: прочтите подчеркнутое место и покажите Ал. Мих-чу.

Я написал необходимый ответ и требую его немедленного напечатания. Не обижайтесь этим словом, это не

юридическое требование, а нравственное и дружеское. Я считаю Вас и Ал. Мих. за людей без страха и упрека, считаю Ваш журнал за самый чистый в России. Но сделанная ошибка—нечаянно, я верю—должна быть исправлена: это дело не личное: заподозрена добросовестность писателя, и если явная неправда подозрения не будет указана, может быть потеряно доверие читателей. Если № 19 уже готов, это ничего не значит: мой ответ так короток, что его можно напечатать на особом листке, как Вы сделали с заявлением Чичерина. Но непременно в этом номере. Я оставил в своем ответе только самое необходимое и напечатаю его во всяком случае. Упрекаете Вы меня в неточностях. Если разуметь *фактические* неточности (о таких только и стоит говорить), то во всех примечаниях указана только одна фактическая неточность, правда, ужасно грубая—но она оказывается воображением Ал. Мих. Право, нужно скорее *это* исправить. Упрекаете Вы меня также в увлечениях. Дело в предмете увлечения. Я своего увлечения не стыжусь. Да я же Вас и предупреждал год тому назад. Хотел я Вам возразить кое-что в вашем письме о фетишизме, практицизме и т. д., но отлагаю до свидания. Над окончанием моих статей приходится задуматься: дело выходит. мудреное. Но, вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем великий спор. Разумеется, напечатание моего ответа есть и тут conditio sine qua non.

Но довольно об этом.

Если у Вас это последнее время была такая же хорошая осень, как здесь, то я надеюсь, что жизнь в деревне помогла здоровью Анны Федоровны. Передайте ей мой сердечный поклон. Рассчитываю выехать в Москву 1 октября. Итак, до скорого свидания.

С истинным уважением преданный Вам *Влад. Соловьев.*

Покажите это письмо Ал. Мих.

Рукописи статей сохраните, а также корректурн. листы.

13.

(Октябрь 1883).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

По долгом размышлении я пришел к тому заключению, что мне необходимо все-таки окончить «Великий спор» в

«Руси», необходимо и для себя, и для Вас, и для самого дела. Обо мне распространился решительный слух, что я перешел в латинство. Я бы не считал постыдным сделать это *по убеждению*, но именно мои убеждения не допускают ничего подобного. Употреблю глупое сравнение: представьте себе, что моя мать на ножах с своей сестрой и даже не хочет признавать ее за сестру. Неужели, чтобы помирить их, я должен бросить свою мать и перейти к тетке? Это нелепо. Все, что я должен делать,—это внушать всеми силами своей матери (и своим собратьям), что противница ее все-таки родная законная сестра, а не. . . . и при всех своих старых грехах все-таки порядочная женщина, а не. . . , и что им лучше и благороднее бросить старые счеты и быть за одно. Говоря без аллегории, я «хлопочу» вот о чем:

1) Чтобы представители нашей учащей церкви не считали церковный спор Востока и Запада порешенным в смысле *безусловного осуждения* западной церкви, на каковое осуждение они никаких высших полномочий не имеют.

2) Чтобы они не раздували спорных пунктов до нелепых и фантастических размеров.

3) Чтобы они сдали в архив свое «обличительное» и «полемическое» богословие, которое выдает себя уже одним названием, и вместо судейских и солдатских отношений к западной церкви допустили родственные и солидарные отношения в сфере религиозной, богословской и церковной, оставляя мирскую политику пока министрам и генерал-губернаторам. *Нравственная* перемена в нашем отношении к западной церкви будет первым шагом христианской политики, суть которой в том, что она исходит из нравственных чувств и *обязанностей*, а не *из интереса* и не из самомнения. Братское отношение к западной церкви противно нашим естественным интересам и нашему самомнению, но именно поэтому оно для нас нравственно-обязательно. Ни о какой внешней унии, вытекающей и из *компромисса интересов*, здесь нет речи, и в той *заключительной* статье, которую я хочу Вам дать, будет выражено *решительное осуждение* всем бывшим униям, и общим (Лионская, Флорентинская), и еще более частным (Брестская, доселе, к несчастью, существующая в Галиции). Желая этой статьей, между прочим, освободить себя от обвинения в одностороннем латинстве, я тем самым желаю снять и с Вас обвинение в напечатании моих статей. При указанном заключе-

нии в них не будет ничего для Вас предосудительного, ничего *противоположного* славянофильским принципам. А пока я просматриваю те назидательные статейки, о которых я Вам говорил, и первую из них не замедлю Вам выслать к № 21. Сколько времени я пробуду в Орле, не знаю. Я Вам телеграфировал о присылке мне гонорара за напечатанные статьи (последний раз я взял гонорар в Апреле). Если неудобно переводом на банк, то вышлите денежным письмом. Я приехал сюда внезапно и без денег и живу пока в долг.

Надеюсь в Орле много работать. Если (как я могу предвидеть) придется прожить здесь около месяца, то в течение этого месяца на день или на два приеду в Москву.

Итак, до свидания. Будьте здоровы. Мой глубокий поклон Анне Федоровне.

Преданный Вам *Вл. Соловьев.*

Орел. Гостиница «Берлин».

14.

(Ноябрь 1883 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Против собственной воли я очень обрадовался Вашему письму. Хотя я и не очень много работаю, но работа к сроку меня ужасно утомляет. А теперь я не тороплюсь и, не уставая, могу дать окончательную отделку моей окончательной статье.

В той моей рукописи, которую я собирался послать Вам сегодня, место об Императоре было уже исключено, не потому чтоб я отказался от этой идеи, а потому, что, изложенная кратко и отрывочно, она действительно могла бы вызвать неверные и грубые представления. Но в существе этой идеи нет ничего грубого. Нужно помнить, что такой многообъемлющий принцип, как «всемирный Император», «вселенский первосвятитель» и т. п., является прежде всего *как знамя* или как символ, а всякий символ, если его отделить от его идейного и жизненного содержания, есть нечто грубое и вещественное. Например, что может быть грубее креста: палка поперек палки! Впрочем, не думайте, что я усмотрел что-нибудь обидное для себя в Вашем замечании. Это невозможно уже потому, что идея

всемирной монархии принадлежит не мне, а есть вековечное чаяние народов. Из людей мысли эта идея одушевляла в средние века, между прочим Данта, а в наш век за нее стоял Тютчев, человек, как Вам хорошо известно, чрезвычайно тонкого ума и чувства. В полном издании «Великого спора» я намереваюсь изложить идею всемирной монархии большей частью словами Данта и Тютчева.

Что касается до смущения русских читателей и радости католиков по поводу моих статей, то первое огорчает меня больше, чем второе. Я вполне признаю нашу существенную солидарность с католиками и вполне верю в будущее наше видимое воссоединение, а потому одобрение католиков—будущих наших братьев и союзников в общем христианском деле—мне не в обиду. Не обидно мне внимание епископа Штросмейера еще и потому, что при всей своей латинской односторонней ревности (это общий грех) он, насколько мне известно, человек весьма почтенный и хороший епископ [1]).

Я совершенно понимаю и одобряю Ваше решение не допускать у себя дальнейшей полемики и оставить за собой последнее слово в «Руси». Если, паче чаяния, в этом Вашем последнем слове будет что-нибудь непременно требующее ответа с моей стороны (в общем интересе), то у меня остается возможность возразить Вам где инде. Но я этого совершенно не предвижу и не желаю [2]).

15.

(Апрель 1884 г.).

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я хотел быть у Вас на Святой, но узнал, что Вы на даче. Хотел заехать на этих днях, но получил лихорадку и не выезжаю; впрочем, надеюсь, что это не на долгое время, и что скоро с Вами повидаюсь.

Как в прошлом году я не желал, чтобы «Великий спор» породил маленькую ссору между нами, так и теперь не желаю, чтобы народные дела России дурно повлияли на наши личные отношения. Я сердился на Вас несколько времени за черезчур сердитый тон Вашей первой статьи и

[1]) См. «Письма Вл. Соловьева», I том, стр. 180.
[2]) Письмо без подписи, и продолжение затеряно.

за некоторые совершенно несправедливые замечания Ваши. Но, кажется, ни Вы, ни я вечно сердиться не можем.

Итак, до свидания. Передайте мое почтение Анне Федоровне.

Посылаю ей и Вам свои брошюры о Достоевском.

Душевно преданный *Вл. Соловьев.*

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ и Л. Н. СТАСЮЛЕВИЧ [1]).

1.

(Октябрь 1886 г.).

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, я испугался, увидев слово «бедствие» в начале Вашего письма, и думал, что дело идет о прекращении «Вестника Европы», потеря же моего листка есть случай скорее счастливый, ибо дает мне возможность исключить один слабый стих во втором стихотворении. Итак, посылаю Вам новый список исправленным, а четверостишие дополняю (для Вашего домашнего употребления) более длинною импровизацией, посвященной благочестивому союзнику нового капитана Бороздыны. Я узнал, что знаменитый епитроп гроба Господня, Тертий Иванович Филиппов, пропагандирует кн. Мещерского, как нового Мессию, превосходящего даже самого Каткова.

Ведь, был же ты, о Тертий, в Палестине
И море Мертвое ты зрел, о епитроп,
Но над судьбами древней мерзостыни [2])
Не размышлял твой многохитрый лоб.
И поддержать содомскую идею
Стремишься ты на берегах Невы...
Беги, безумец, прочь! Беги, беги скорее,
Не обращай преступной головы.
Огнем и жупелом внезапно опаленный,
Уже к теням в шеол содомский князь летит,
Тебя ж, о епитроп, боюсь, что не в соленый,
А в пресный столб суд Божий превратит.

---

[1]) Перепечатаны из 5-го тома «М. М. Стасюлевич и его современники в переписке», Спб. 1913, только те письма, которые не вошли в 1-й том «Писем», СПб. 1908. Два письма, помещенные в первом томе, датированы неправильно, а именно: № 3 и 23. Дата № 3—октябрь 1890, а № 23—апрель 1895. Некоторые письма напечатаны с двойной нумерацией, со сплошной и с той, которая имеется в переписке М. Стасюлевича.

[2]) Рифма простительная только в импровизации, но слово недурное. *Прим. В. С. С.*

Как видите, я не разделяю Вашего пессимизма и думаю, что в конце концов правда восторжествует даже над казенной субсидией.

Я, подобно краснокожему Индийцу, пою и благодушествую среди пытки. В то время как духовная цензура терзает невиннейший первый том моей «Теократии», светская цензура, несмотря на любезные письма ко мне Феоктистова [1]), придемила, повидимому, статью «Грехи России», посланную в «Новости» по просьбе редакции этой газеты. Что касается до моей критики Данилевского, то тут ничего противоцензурного не предвижу. Но бывает и непредвиденное. Я вообще готов ко всему худшему и с помощью добрых людей, сильных во французском языке, собираюсь превратиться до поры до времени во французского писателя. Нужда всему научит.

Истинно Вас уважающий *Влад. Сол.*

2.

Пречистенка, д. Лихутина.
Москва.
12 Окт. 1886.

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, очень приятно мне было получить Ваше письмо из Бретани: то, что Вы говорите о наших делах, кажется мне совершенною правдою, и мне приходилось то же самое толковать (с осторожностью) нашим добрым друзьям Хорватам, которые издали лучше видят историческое величие России, нежели те практические условия, при которых все это величие должно оставаться мертвым капиталом. Без всякого фатализма нельзя однако же считать простой случайностью наше двукратное победоносное фиаско перед стенами Константинополя—в 29 и 78 г.г. Что, в самом деле, могли бы мы туда внести и чем оправдать свое утверждение на берегах Босфора—кроме того самого византизма, который уже погубил Греческую Империю? Ваше (и мое) неверие в успехи нашей внешней политики вполне подтверждается историческою аналогией: с тех пор как сложилось русское государство, только при прогрессивных и либеральных (для своего времени) правительствах Россия распростра-

[1]) Начальник главного управления по делам печати.

няла свое международное значение и влияние. Тем не менее, я не унываю, ибо то, что у нас теперь величают «национальной политикой», и что я, с Вашего позволения, называю «политикою замороженного . . . на», держится только зловредным триумвиратом из лжецерковника П., лже-государственного человека Т. и лжепророка К.*), который, т. е. триумвират, несмотря на недавнее увенчание последнего из них оффициальными лаврами, видимо, дряхлеет и близится к концу. А с исчезновением этих людей, отводящих глаза честному и благонамеренному Государю, можно ожидать решительной перемены к лучшему. Чем может содействовать этой перемене русское общество и печать, вот вопрос, о котором приятно было бы с Вами побеседовать. К сожалению, едва ли вернусь в Петербург ранее конца Декабря. Во всяком случае, до свидания.

С совершенным уважением и преданностью.

Ваш покорный слуга *Влад. Сол.*

3.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина.
(Декабрь 1886).

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, если никто из Ваших сотрудников не занялся вышедшим недавно IV томом сочинений И. С. Аксакова (о свободе совести и печати), то я не прочь был бы сделать из него статью для В. Е., но не начну ее не получивши от Вас ответа, ибо я имею в виду преимущественно извлечения из Аксакова—наиболее сильные места. Самому написать в том же смысле теперь, пожалуй, нельзя, а выписывать из разрешенной цензурой книги едва ли решатся воспрепятствовать.

Еще, мне кажется, было бы полезно напечатать у Вас целиком, без комментарий и только с некоторыми подчеркиваниями, поучение архиеп. Никанора «о том, что ересеучение гр. Л. Толстого подрывает основы государственного порядка в России». Я не высоко ценю гр. Л. Толстого как мыслителя, но тут дело не в том, а в невообразимой подлости обличительных приемов со стороны корифея нашей иерархии и, главное, в том циническом неверии во

*) Т. е. К. П. Победоносцева, гр. Л. А. Толстого и М. Н. Каткова.

внутреннюю духовную силу своего дела,—неверии, которым пропитано все это «поучение». Если хотите, я сделаю в тексте проповеди необходимые подчеркивания и прибавлю несколько вступительных и заключительных слов в сдержанно-ироническом тоне.

Жду Вашего ответа. Время моего приезда в Петербург находится под сомнением.

С истинным уважением и преданностью
Ваш покорный слуга *Влад. Сол.*

4.

17 Сентября 1887 г.

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, посылаю Вам два стихотворения (для Ноябрьской кн. В. Евр.), а также еще четверостишие, но это уже не для напечатания, как «крик сердца», вырванный у меня нашим «единственным» публицистом. Единственный публицист, за смертью Каткова, есть, конечно, кн. Мещерский. Он хотя и безграмотен, но зато в качестве содомиста высоко держит знамя религии и морали. Прежде ему по его профессии приходилось более всего обращать внимание на задние статьи, но теперь он вдруг публикует, что в своей новой «большой газете он будет обращать особенное внимание на *передовые* статьи». Можно ли поверить такой резкой перемене направления? И не есть ли это маска для более удобного пропагандирования содомской идеи на основах православия, самодержавия и народности? Так я это понял и из глубины души воскликнул:

Содома князь и граждани Гоморры
Идет на Русь с газетою большой.
О Боже! Суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой!

Если к этому четверостишию присоединить старинное:

Накажи, святой угодник,
Капитана Бороздy и т. д.,

то это, кажется, будет достаточным ответом на притязательное выступление этого «строго-консервативного» писателя. A propos: новая редакция «Русского Вестника» троекратно приглашала меня сотрудничать, но, ощупав почву, я убедился, что эпигоны Каткова тщательно сохра-

няют его образ и подобие (разумеется, за исключением его таланта) и потому решительно воздержусь от всяких литературных с ними сношений.

Приятель мой Страхов готовит 4-ое издание «России и Европы» Данилевского. Мой взгляд на это сочинение диаметрально противоположен взгляду Страхова, и я готовлю обстоятельный разбор «России и Европы» с присоединением некоторых замечаний и о «Дарвинизме» того же автора. Я хотел было назвать свою статью «Философия пустых претензий», но из уважения к памяти Данилевского, который в других отношениях был почтенный и разумный человек, переменю заглавие. Когда этот разбор будет готов, пришлю его Вам, если же не сойдемся (чего не думаю), то имею в виду «Русскую Мысль». Очень жалею, что лишен свободы движения. Впрочем, надеюсь зимой хоть на несколько дней побывать в Петербурге. С начала Октября я в Москве, где адрес мой прежний: Пречистенка, д. Лихутина.

Истинно Вас уважающий *Влад. Сол.*

5.

18/6 Декабря 1887 г.
Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, посылаю Вам первую статью о «России и Европе». Как Вы увидите, я принял в соображение цензурные условия и исключил все собственно-политическое, а также все, что могло бы подлежать духовной цензуре. Если статья будет печататься в «Вестнике Европы», то прошу Вас покорнейше распорядиться, чтобы первая корректура (в гранках) посылалась Н. Н. Страхову (в Петербурге) у Торгового моста, д. Стерлигова, кв. 19, а вторая (сверстанная) мне в Москву (если это только не составит затруднений). В случае же непомещения статьи в В. Е., сделайте мне одолжение—пришлите рукопись.

У нас все благополучно. Университет закрыт, и 120 студентов отправлены с жандармами на родину.

Два главные консервативные органа России, повидимому, решились изобразить из себя тех двух волков, которые так погрызлись, что одни только хвосты остались.

Процветание государственных финансов утешает меня в расстройстве моих собственных. Все хорошо, что хорошо кончится.

С истинным уважением Ваш покорный слуга *Влад. Сол.*

P. S. Когда увидите г. Хомиховского, не будете ли так любезны сказать ему, что из конторы нужно мне посылать по следующему адресу: Москва, Ея П-ству Поликсене Владимировне Соловьевой, Пречистенка, д. Лихутина.

6.

3 Января 1888 г.
Сергиев Посад.

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, не получая от Вас никакого известия касательно посланной месяц тому назад статьи «Россия и Европа», предполагаю, что она будет печататься для Февральской кн. «Вестника Европы». Если так, то покорнейше прошу прислать мне корректуру (после Страхова) следующим образом: если до 10 Января, то Сергиевский посад (Моск. губ.), Вознесенская площадь, церковный дом, кв. А. О. Аксаковой, В. С. С.; если же после 10-го—то Москва, Пречистенка, д. Лихутина, В. С. С. Корректура мне нужна *непременно,* так как некоторые стилистические поправки необходимы, да и страховскую редакцию все-таки нужно будет проконтролировать.

Поздравляю Вас с новым годом, который отмечен не только тремя кренделями, но и пропажей без вести пяти университетов.

Петербургский период нашей государственной жизни начался введением просвещения...

Видел об'явление о 1-м № «Вестника» и с нетерпением желаю прочесть хронику, которая у Вас особенно хорошо пишется.

В начале Февраля почти наверное буду в Петербурге.

С истинным уважением преданный Вам *Влад. Сол.*

7.

12 Января 1888 г.
Ярославль.

Милостивый Государь Михаил Матвеевич, получив Ваше письмо накануне моего от'езда из Сергиева Посада в Яро-

славль, я сейчас же распорядился, чтоб корректура была мне немедленно доставлена из Москвы сюда. Ждал ее сегодня. Если не получу и завтра, то, вероятно, найду ее в Москве, куда отправляюсь послезавтра, 14 января. Пропажа Вашего первого письма доказывает мне, что моя мнительность относительно почты не лишена основания, и что лучше отправлять письма заказными.

Виноват перед Вами, что не об'яснил Вам как следует своего желания. Все дело здесь исключительно в личных отношениях. Я хотел только предоставить Страхову смягчить выражения оскорбительные (буде он найдет такие) для памяти Данилевского, к которому он благоговеет. Я этого чувства не разделяю, но не желал бы слишком оскорблять его ради старых приятельских отношений к Страхову. Впрочем, кажется, ничего обидного для Данилевского лично в моей статье не находится. Может быть, смягчу что-нибудь сам, Страхову-же скажу, что по обычаям «Вестника Европы» найдено неудобным предоставлять корректуру постороннему лицу.

Очень рад, что моя статья Вам понравилась, В области вопросов русской политической и общественной жизни я чувствую себя (эти последние годы) наиболее солидарным с направлением «Вестника Европы» и не вижу, почему бы разница в идеях, принадлежащих к области сверхчеловеческой, должна была, при тождестве ближайших целей, мешать совместной работе. Опыт убедил меня напротив, что такая работа нисколько не облегчается метафизическим единомыслием, когда люди *хотят* не одного и того же.

Надеюсь в недолгом времени побеседовать с Вами в Петербурге о предметах нашего общего желания.

С совершенным почтением остаюсь преданный Вам *Влад. С.*

8.

13 Февраля 1888 г.
Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Новый прием четвертного семени готовится, многоуважаемый Михаил Матвеевич, и от приезда в Петербург меня не отпугивает не только печатное нападение, но и устная беседа с Влад. Вас. Стасовым. Думаю выехать 8 марта, но, если хотите, могу прислать часть статьи раньше, а конец привезу с собою. *Корректуры* в гранках мне на этот раз

не нужно. Перемен в тексте не предвижу, а корректура (в полном смысле этого слова) в «Вестнике Европы» превосходна: ни одной опечатки я не заметил.

Какой удивительно обширный критический диапазон у нашей патриотической публицистики: с одной стороны «Новое Время», называет меня à mots (peu) couverts дураком и шутом гороховым, а с другой стороны «Русское Дело» провозглашает меня же великим человеком и «грандиозным явлением».

Помимо печатной бессмыслицы, слышал я более осмысленные устные отзывы от разных более или менее почтенных лиц и все очень сочувственные, например от Б. Н. Чичерина, Ѳ. М. Дмитриева, проф. Герье, наместника Троицкой Лавры архимандрита Леонида (!!) и друг.

Для второй статьи (при окончательной обработке) я желал бы воспользоваться новым изданием «России и Европы», в котором должны быть некоторые любопытные ретрактации Данилевского. Но, кажется, Страхов этого устрашился и задерживает издание до окончания моей статьи. Это выходит в роде того, как в молодости случалось *пересиживать* соперника у какой-нибудь прекрасной дамы.

До скорого свидания. Истинно уважающий Вас *Влад. Сол.*

Благодарю Вас за полученные оттиски и гонорар.

9.

(Август 1888).

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, простите, что замедлил ответом на Ваше любезное письмо.

Вы думаете, что я отдыхаю в Париже, а я, напротив, вспоминаю здесь о своем пребывании в Петербурге как о днях dolce far niente. С тех пор как я здесь, я 1-е написал и напечатал изрядной величины брошюру «L'idée russe» (отчасти в связи с «грехами»), 2-е переработал и переписал довольно большую книгу религиозно-политического содержания тоже на французском языке, которая должна выйти осенью, 3-е обдумал для Вас «грехи», но то, что Вы сообщаете об аресте «Национального вопр.», мало ободряет.

Еще не знаю, когда вернусь в Россию: в Августе, вероятно, а в октябре—почти наверное. Пишу: *почти*, потому

что некоторые добрые друзья пугают, что моя Idée russe заградит мне дорогу в отечество. Посмотрю, но мало вероятно. Если вернусь, то останусь скорее в Петербурге, нежели в Москве.

Здесь остаюсь еще недели 3 или 4. О французских делах много говорить не стоит. Могу только успокоить Вас на счет «храброго генерала». Он провалился основательно, и если еще выплывет, то во всяком случае не очень скоро.

Будьте здоровы и не принимайте слишком к сердцу водопроводов: лишь бы было чем умыться, а пить можно и чай. Прошу Вас передать мое почтение Любовь Исаковне.

Душевно преданный Вам *Влад. Сол.*

10.

11 Августа 1888.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Простите за долгое молчание. Получили ли Вы мою Idée russe? Вопрос о «Грехах России» прежде литературного обсуждения в «Вестнике Европы» принимает для меня оборот неожиданный. Из Петербурга приходят угрожающие известия. Я, с своей стороны, принял решение во всяком случае, возвратиться в Россию, но, повидимому, не в Петербург и не в Москву, а куда-нибудь подальше. Не желаю преувеличивать и придавать делу без надобности трагический оборот. Но, кажется, мне не миновать на этот раз почетного конвоя. Отсюда еду в Загреб, потом в Краков, а там—под сень самодержавия. Не пишу подробностей: узнаете в свое время. Будьте здоровы.

Душевно преданный Вам *Владимир Соловьев.*

11.

25 Августа 1888.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Спасибо Вам за скорую весть. Вот конец моей клерикально-либеральной статьи. Хотел бы по поводу ее поговорить кой о чем, но тороплюсь отправить сегодня письма. Ограничусь намеком. Катков повторял тысячу раз, что основное преимущество и жизненная суть России состоит в отсутствии самостоя-

тельной духовной власти, чем обеспечивается абсолютное единовластие государства. De facto он был прав, но не было ли бы полезным показать, что это единовластие государства de jure с христианской точки зрения есть *узурпация?* Для меня это вопрос религиозного убеждения, но я думаю, что это могло бы быть практически полезно и для всех.

Ярая ненависть к католичеству со стороны наших домашних *клерикалов* должна бы, мне кажется, внушить нашим либералам (к которым я и себя причисляю на практической почве) противоположные чувства.

Я одинаково не согласен как с теми, которые видят в папстве *цель* человечества (иезуиты), так и с теми, которые не хотят видеть в нем *необходимого средства.*

Однако мой намек переходит в рассуждение.

Еще раз спасибо за память. Прошу передать мое почтение Любовь Исаковне.

Душевно преданный Вам *Влад. Сол.*

О судьбе 50 экз. Idée russe никаких известий.

12.

3/15 Сентября 1888.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, С 18/30 Авг. я нахожусь не в Париже, а в лесу около Версаля. Письмо Ваше, однако, получил и желал бы непременно быть в Париже во время Вашего проезда. Итак, прошу Вас очень написать мне окончательно день и час, когда я могу встретиться с Вами в Париже. Написать Вы мне, надеюсь, успеете, так как сегодня только 3 Сент. (ст. ст.) а Вы говорили о 10 или 11. Если же Вы выедете раньше четверга, то, пожалуй, вернее будет телеграфировать. Не думайте, впрочем, что я имею на Вас какие-нибудь своекорыстные виды (насчет провоза бумаг и т. п.). Я решил не расставаться с своими рукописями и разместить их по своим карманам. Но я желал бы просто с Вами видеться, а также сообщить Вам одно решение, которое я принял и которое *может* иметь серьезные последствия. Так или иначе, но я вполне уверен, что мне придется этот год зимовать где-нибудь очень далеко от столичных мест. В дополнение к статьям моим (о 15 Июля) посылаю Вам следующую вы-

писку (к сожалению, запоздалую) моего младшего брата (из Москвы).

«15 Июля у нас ознаменовалось следующими событиями: в Москве во время крестного хода произошел громадный пожар, после которого 300 семейств остались без крова; в Киеве гроза затушила в самом начале всю иллюминацию, и скоропостижно умер на смотру тамошний генерал-губернатор; в Петербурге Орест Миллер произнес речь об отсутствии у нас инквизиции, о «широте», братолюбии и прочих преимуществах. Ни на кого, однако, кроме меня, эти события не произвели впечатления».

Писать мне следует (это уж не брат, а я говорю) тако: M. Sol. Viroflay (Seine et Oise) à Bonrepos (chez M. Leroy-Beaulieu) и телеграфировать просто: un tel Viroflay.

Будьте здоровы и до скорого свидания. Передайте, пожалуйста, мое почтение Любовь Исаковне.

Душевно преданный Вам *Влад. Сол.*

Если Вы остановитесь в гостинице, то примите в соображение, что я забыл, как она называется.

13.

12/24 Ноября 1888. Загреб.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Наконец я выбрался из Франции, устроив благополучно свои дела, т. е. продав рукопись моей французской книги подходящему издателю и поручив корректуру подходящим приятелям-французам. О. Пирлинг, русский иезуит, заявил мне устно и письменно, что никакого участия в издании моей книги принимать не может *вследствие различия наших взглядов,* откуда Вы можете заключить, насколько неосновательно известие «Гражданина» о моем намерении быть генералом иезуитского ордена.

Здесь в Загребе нашел две касающиеся меня вещи: во-первых, немецкую книгу под заглавием «Russisches Christenthum, dargestellt nach russischen Angaben von Victor Frank» (псевдоним). В книги этой три отдела: 1) Piotr Jakowlewitch Tschaadajew, 2) Wladimir Sergeewitsch Solowjew и 3) W. Ikonnikow.

Отдел, озаглавленный моим именем, состоит главным образом из точного перевода нескольких моих статей в

«Слав. Изв.». Если Вы слышали про книгу, то не знаете ли, кто ее автор?

Во-вторых, я нашел в одном журнале известие об ответе Страхова на мою «Россию и Европу». Это меня очень интересует, а отчасти и Вас касается, ибо за невозможностью писать прямо о грехах России, я мог бы написать у Вас о грехах Страхова, что в сущности все равно, так как в Страхове я вижу миниатюру современной России.

Я предполагаю остаться в Загребе дней десять, но Вы знаете мое свойство инерции, а потому если б Вам попался «Русский Вестник»—предполагаю, что мой хитроумный приятель подвизается в этом журнале—то не можете ли Вы извлечь оттуда его произведение, если оно не велико и прислать мне его сюда?

Из Загреба еду через Краков в Петербург. Итак, до свидания. Прошу Вас передать мое почтение Любовь Исаковне.

Истинно преданный Вам *Влад. Сол.*

14.

7/19 Дек. 1888. Загреб.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Вчера очень торопился отправить конец статьи, даже не перечел как следует. Если найдете какое-нибудь личное обращение слишком грубым или какую-нибудь шутку тяжелою—зачеркните пожалуйста. А между тем, мне кажется, нельзя оставить без ответа искусное литературное. . . . моего старого приятеля. А откладывать для лучшей обработки ответа было бы по двум причинам неудобно: во-первых, и так уже поздно, а во-вторых, мне этого рода полемика так неприятна, что я долго с нею возиться не выдержал бы.

Завтра уезжаю отсюда и к (русскому) Рождеству полагаю быть в Петербурге. С тех пор как я в Загребе, я ежедневно втягиваю в себя «дым отечества», так как мой хозяин получает «Новое Время».—A propos; думаете ли Вы, что появление хотя бы и совершенно невинной статьи с моей подписью в «Вестнике Европы» не встретит никаких препятствий? В случае надобности можно было бы оставить без подписи, изменивши соответствующие места из первого лица в третье. Возможно допустить, что я нашел себе защитника против Страхова. Защищал же меня В. П. Безобразов в «Наблюдателе». Впрочем, надеюсь, что сойдет и так.

Повидимому, статья Страхова особенного внимания на себя не обратила, иначе кто-нибудь сообщил бы мне о ней раньше. Тем не менее я знаю, что в последнее время и в известных кругах Страхов стал пользоваться чуть не авторитетом, и изобличить его восточные грехи дело по-моему не бесполезное, хотя и очень скучное. Это первая и, надеюсь, последняя статья в этом роде мною написанная, и я почувствовал вчера большое облегчение, сдавши на почту последние листы.

Итак, до скорого свидания. Мой глубокий поклон Любовь Исаковне и благодарность за любезное напоминание.

Истинно Вас уважающий *Влад. С.*

15.

Вена,
25 Декабря 1888
6 Января 1889

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Поздравляю Вас и Любовь Исаковну с новым годом. Думал встретить его в Петербурге, но застрял здесь ради нескольких необходимых мне книг, которыми не успел заняться в Париже и которых нет в петербургской Библиотеке. Надеюсь поспеть к крещенским морозам.

Если посланная статья может явиться в Январе, то прошу оставить в Феврале местечко для ее окончания; оно не велико, но более соответствует заглавию. Под прикрытием страховской полемики я хочу все-таки сказать кое-что. Если бы я оказался druckfähig, то у меня есть в мысли еще другая статья — вполне цензурная: о распадении славянофильства. На мой взгляд старое славянофильство было смешеньем нескольких разнородных элементов и главным образом трех: византизма, либерализма и брюшного патриотизма. В нынешнем quasi-славянофильстве каждый из этих элементов выделился и гуляет сам по себе как нос майора Ковалева. Византийский элемент нашел себе проповедников в Т. Филиппове, К. Леонтьеве, либеральный в О. Миллере и особенно в проф. Ламанском, у которого от славянофильства осталось только одно звание, наконец брюшной патриотизм, освобожденный от всякой идейной примеси, широко разлился по всем нашим низинам, а из писателей индивидуальных представителем его выступил мой

друг Страхов, который головою всецело принадлежит «гнилому Западу» и лишь живот свой возлагает на алтарь отечества.

Будьте здоровы и теперь уж надеюсь до скорого свидания.

Истинно Вас уважающий *Влад. С.*

16.

28 Февр. 1889. Москва,
Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Под сенью великопостной Москвы начал составлять лекцию (статью тожь) под заглавием «Из истории русского сознания». Думаю, что в таких неопределенно-скромных рамках всего удобнее сказать что-нибудь благопотребное. Заживаться в Москве не располагаю. Кроме свидания с ближайшими родными, ничего интересного здесь не нашел. Зато много досуга, и надеюсь лекцию в две недели написать.

Посылаю пока стихи для апрельской книги. «Ночное плавание»—одно из наименее переводившихся стихотворений Гейне, а краткий ответ Микель-Анджело хотя и стар, но не лишен современности.

Будьте здоровы, передайте, пожалуйста, мое почтение Любовь Исаковне.

Истинно Вас уважающий *Влад. С.*

17.

15 марта 1889. Москва,
Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Я не предполагал приготовить статью к Апрельской кн., рассчитываю на Майскую. Впрочем, чем более пишу, тем менее она мне кажется возможной для публичного прочтения и даже для печати. Не поможете ли Вы как-нибудь смягчить?

Выезжаю из Москвы 19-го в воскресенье, если ничего непредвиденного не случится.

С большим удовольствием прочел вашу хронику об Апостоле русской идеи. Жалею, что начало свиньи с'ели. Слышал здесь слабые попытки оправдать это приключение, сравнения с Кортесом и Пизарро. Забывают, что Кортес и

Пизарро хотя и были отчасти разбойники, но никого не обманывали и вели свое дело на чистоту.

Будьте здоровы. Мой глубокий поклон Любовь Исаковне. До скорого свидания.

Душевно преданный Вам *Влад. С.*

18.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина.
15 Апреля 1889.

Не сердитесь на меня, пожалуйста, многоуважаемый Михаил Матвеевич, что прервал статью на этом листе и все-таки печатайте посланное с этим кончиком в Майской книжке. Мне кажется, что этот маленький подход к делу удобнее отделить от настоящего дела, т. е. критики славянофильства, которая пусть еще немного вылежится: от этого она только выиграет.

Я всю святую не выхожу почти из дому и хвораю. Московский воздух мне вреден: слишком мало сырости и слишком много миазмов. Кстати, местные московские впечатления внушили мне следующие посмертные стихи, которые будут в свое время напечатаны в «Русском Архиве» с учеными комментариями П. И. Бартенева.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ.

Депá пожарного служитель
Горè над прахом вознесен
И как орел, эфира житель,
Всезрящим оком наделен,
Он одинок на сей вершине,
Он выше всех, он бог, он царь...
А там внизу, в зловонной тине,
Как червь, влачится золотарь.
Для сердца нежного ужасен
Контраст клоаки и депá...
Смирись!.. Закон природы ясен,
Хоть наша мудрость и слепа.
Заходит солнце, солнце всходит,
Века бегут, а всё, как встарь,
На вышке гордый витязь ходит,
И яму чистит золотарь.

И прескверно чистит. Чтоб не расставаться с Вами на столь грустном сюжете, вот Вам еще стихотворение, другого происхождения и характера.

МОЛОДОЙ ТУРКА.

В день десятый могаремма
У папá в саду
Встретил я цветок гарема
И с тех пор все жду,
Жду в саду нетерпеливо
Я мою газель...
Но папá блюдет ревниво
Всех своих мамзель,
Знать недаром евнух старый
Шилом ковырял
И к мешку тяжелых пару
Камней привязал.
Надо мне остерегаться...
Лучше я уйду!
Этак можно и остаться
В папином пруду!
Да, папá весьма упорный
Старый ретроград,
И блюдет евнух проворный
Папин вертоград.

Будьте здоровы. Продолжаю собираться в Петербург в начале Мая, но наверное ничего не известно.

Передайте, пожалуйста, мое почтение Любовь Исаковне и сердечный поклон общим знакомым.

Душевно преданный Вам *Влад. С.*

19.

11 Мая 1889 Спасск Тамбовской,
у кн. Д. Н. Цертелева, с. Липяги.

Вот Вам, многоуважаемый Михаил Матвеевич, начало моего славянофильства. Остальные листы будут готовы завтра, но увы! Почта отходит здесь не каждый день. Во всяком случае Вы получите все сполна не позже середы. Итак, надеюсь, успеется для июньской книжки, а откладывать далее на мертвый сезон было бы мне не желательно в виду публицистического характера этих статей. Третью приготовлю к Октябрю.

Я приехал сюда под сень струй, но нашел струи замороженными, да и сам заболел, отчего и с писаньем несколько запоздал.

Французская книга моя готова и должна бы выйти на днях.

А вот и другой (после Каткова) член нашей новейшей псевдо-теократии *) окончил свое поприще; надеюсь, что третий прежде смерти обратится на путь истинный.

О Салтыкове искренне пожалел и отслужил заупокойную обедню. Вот уж этого никем не заменишь.

Пробуду здесь до 24 Мая и затем после нескольких дней в Москве направлюсь к вам на белые ночи. Надеюсь Вас застать. Прошу передать мое почтение Любовь Исаковне.

Истинно Вас уважающий *Влад. С.*

20.

27 Июля 1889. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, Я никуда не собираюсь ехать дальше Серпухова, а в начале осени думаю быть в Петербурге. Нездоровье мое опять вернулось, но виноват в этом, конечно, не Боткин, коего пилюли мне все-таки помогли, а невозможность при кочевом быте вести правильную и спокойную жизнь.

Статья для Октября слагается. Вероятно, вручу ее Вам лично. Если увидите Слонимского, скажите ему, пожалуйста, что книгу его прочел и содержание оной в общем одобрил. А также прошу Вас очень сказать в конторе, чтоб доставили от меня ему, Слонимскому, один экз. «Национального Вопроса»; а кой-что еще из моего (располагаю, к сожалению, лишь неважными брошюрами) передам ему при свидании. Французская книга хотя и вышла, как сообщают мне, вторым изданием (чорт, впрочем, знает, что они там под этим разумеют), но это меня мало радует в виду того, как они ее обработали. Однако, если остановитесь в Париже, будьте столь добры приобрести на мой счет два-три экземпляра. Я еще пока ни одного не имею.

Подписался на Салтыкова и читаю третий том—нахожу, что не устарело. Например: была у меня и разошлась в двух изданиях назидательная книжка под заглавием «Религиозные основы жизни». На днях узнаю (почти оффициально), что духовная цензура (московская) получила предписание отнюдь не разрешать третьего издания этой книжки, в которой, однако, кроме славословия решительно ничего

*) Граф Д. А. Толстой.

не заключалось. Впрочем, лет сорок тому назад было дело о запрещении издания Остромирова евангелия.

Будьте здоровы, многоуважаемый Михаил Матвеевич, Надеюсь до скорого свиданья.

Душевно преданный Вам *Влад. С.*

21.

Москва. I/XII 1890.

Сердечно поздравляю с двадцатипятилетием благородного служения обществу, желаю и надеюсь продолжение его на многие и лучшие годы, задержан нездоровьем, выезжаю завтра.

Владимир Соловьев.

22.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина,
7 Окт. 1890.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, здравствуйте! Скоро надеюсь поздороваться лично, а пока пишу об одном маленьком деле.

Евгений Исакович*), вероятно, сообщил Вам, что я кой-что приготовляю для «Вестника Европы», а именно:

1) Исторические взгляды немецкого ученого и их русская карикатура (это наверно и скоро).

2) «Этический принцип» в политике (по поводу спора об Иване Грозном—это почти наверно).

и 3) Slavophilismus redivivus (по поводу «Благовеста»—это сомнительно и будет зависеть от Вашего усмотрения).

Но, помимо этого, мне *может быть* придется на днях просить у Вас нескольких страниц в хроническом отделе *Ноябрьской* книги для моего ответа помешавшемуся от злобы Страхову. «Новое Время» обещало поместить мой ответ, но я почему-то в этом не уверен; других подходящих газет не вижу, а «Русская Мысль» выходит в 20-х числах месяца—к Октябрьской я уже опоздал, а откладывать до конца Ноября будет слишком долго для полемической статьи; а 1 Ноября еще в пору. Я Вам послезавтра вышлю рукопись, и если до 16 Октября (вторник) включительно в «Нов. Вр.» не появится мой ответ (там будет другой экземпляр), то Вы меня очень обяжете, напечатавши

*) Утин.

у себя, так как оставить кажущуюся победу за моим другом-скорпионом было бы мне неудобно.

Никаких цензурных затруднений тут не может быть, а на редакционные поправки Вы имеете всегдашнее полномочие. Я мало по малу превращаюсь в машину Ремингтона. Сверх того истекаю кровью, вижу видения и хлопочу о сорока тысячах чужих дел.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любови Исаковне и всему понедельнику.

Всегда Вам душевно преданный *Владимир Соловьев.*

23.

Москва, 4/III 1891.

Благодарю вас за оттиск, а Нефтали за телеграмму, сижу в гриппе и пишу продолжение, кланяюсь всему понедельнику. *Соловьев.*

24.

29 Июня 1891. Петербург. Возн. Просп., дом 16, кв. 3 (Кузьмина-Караваева).

Глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, Послание Ваше из Берлина получил с большим удовольствием и не отвечал только вследствие сомнений (по беспамятности моей) относительно Вашего маршрута. Ваше письмо из Теплица рассеяло эти сомнения, и я спешу немедленно ответить. Финал не столько гнева, сколько презрения был излит мною по особым соображениям, ибо мне стало достоверно известно, что разные мои благоприятели, пользуясь летним рассеянием, хотели выдать моську за смертоносного аспида и василиска *), а потому нужно было «констатировать» действительный характер животного.

Кстати: я могу констатировать и действительный характер автора присланной Вами брошюры—это даже character indelebilis, ибо он католический священник ордена Барнабитов, отец Тондини ди Кваренги. Псевдоним избран им a contrario, как lucus называется так а non lucendo. Это *ἀνὴρ πολύτροπος ὃς μάλα πολλὰ πλάγχθη*—я его хорошо знаю и лично, и литературно.

*) Эту фразу не следует переводить на французский язык. Примеч. *Влад. Сол.*

Я пребываю пока неподвижно в Петербурге и не чувствую себя особенно дурно. Иногда только (преимущественно по понедельникам) мне недостает обычной приятной беседы. 5 Июля еду на Валаам, а между 10 и 15—в Москву и Вологду недели на три. С начала Августа пребуду опять в Петербурге. Адрес мой до конца тот же.

Вот уже меньше двух месяцев осталось и до свидания. И слава Богу!—не люблю я беспорядочных сезонов.

Относительно мира общественного никаких особых известий не имею, но могу сказать словами Кузьмы Пруткова:

Есть бестолковица!
Сон уж не тот!
Что-то готовится!
Кто-то идет!

Будьте здоровы и веселы. Передайте, пожалуйста, письменно или устно мой усердный поклон Любовь Исаковне.

Душевно Вам преданный *Владимир Сол.*

25.

27 Июля 1891. Петербург,
Возн. Просп. 16, кв. 3.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, Во имя справедливости преклоняюсь перед Вашей мудростью, а в силу дружбы делаю это без особенного неудовольствия. Я заметил, что Вы без горячего одобрения отнеслись к моим появлениям в публичном доме, именуемом газетой «Новости»—и о! сколь Вы были правы. Смотрите, какую скверную штуку там со мною устроили. Содержатель упомянутой . . . . . заставил одного моего однофамильца, Евг. Соловьева, написать статью философского сюжета с цитатами из меня и похвалами мне; затем заставил его подписать эту статью латинскою буквой S, которою тот никогда прежде не подписывался, но которою была подписана одна *моя* прежняя статья в тех же «Нов.», и, наконец, распустил слух, что я автор этой новой статьи, т. е. что я сам себя расхвалил. Хороший результат этой пакости состоит в том, что я с такою же решимостью и стремительностью покинул эту литературную . . . . , с каким некогда бежал из настоящей турецкой . . . . . , куда попал по недоразумению вместо ресторана.

Из предположенных поездок осуществил только одну— на Валаам. Убедил монахов в их ошибке, а о своем впечатлении расскажу при свидании. Сижу дома и строчу в три руки. Продолжение «идолов» уже пишется и, следовательно, поспеет к началу Октябрьской книги. Второй выпуск «Нац. Вопр.» (вышла порядочная книга в 22 листа) находится во чреве китове; думаю, будет изрыгнута живьем.

Вот уже меньше месяца осталось до Вашего возвращения. Кланяюсь очень Любовь Исаковне. Попросите ее известить барона Г.[1]) о моей истории с «Нов.», но в смягченных чертах, чтобы не подвергать из-за меня Нотовича слишком сильному нагоняю: довольно с меня врагов и в другом лагере.—Да хранят Вас морские боги.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

26.

9 Авг. 1891. Петерб. Возн. Проспект, 16, кв. 3.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, большое Вам спасибо за милое письмо и прекрасную фотографию. Все прежнее также получил, а не упоминал потому, что, лишь постепенно совершенствуясь в аккуратности, достиг пока лишь того, что ставлю на своих письмах число и адрес, а извещать своевременно о получении есть дальнейший предстоящий мне прогресс.

Список моих титулов у Вас обилен, но не полон. Если Вы вспомните, как незадолго до Вашего от'езда я по собственным соображениям настойчиво советовал Вам менять побольше денег, то в виду нынешнего курса (205) Вы признаете за мною право на титул «практичнейшего курсопроницателя» или просто «господина Финансова» [2]).

Я пока пребываю в Петербурге и чувствую себя недурно. Дождавшись Вас и сдавши свои «идолы», поеду в Москву, а оттуда может быть в Киев и в Октябре опять в Петербург. Я заключил из Вашего письма, что барон в Шевенингене, и на днях пошлю ему нечто для него интересное на Ваше имя, ибо не знаю, где он остановился. Брошюру высокопреподобного агента страховых обществ

[1]) Г. Гинцбурга.

[2]) А кстати уж прибавьте: «безобразнейшего чернилоразливателя и кляксоделателя». Прим. *В. С. С.*

получил и посвящу ей, вероятно, несколько теплых слов. Кроме отмеченного Вами, там есть еще один пункт насчет молитвы за умерших—в pendant к трудам московского миссионерского с'езда; сей последний для меня истинный клад.

Будьте здоровы, дорогой Михаил Матвеевич. Сердечный поклон Любовь Исаковне и барону.

Истинно преданный Вам *Влад. Сол.*

Мне пишут из Динара, что там туземцы расспрашивают о бароне и о вас и очень скучают вашим отсутствием.

ПРИВЕТ МИНИСТРАМ.

Горемыкин веселеющий,
И Делянов молодеющий,
Победоносцев хорошеющий,
Муравьев-жених—
Собирались снова вместе и
Порешили . . . . . ,
Что вся сила—в них.
Врете, ... ,
Вот ужо за речи эти
Быть, ... , вам в ответе,
Будет вам допрос!
И синклиту безволосому
Да и Ю . . . чу безносому
Уж натянут нос!
Ждет засуха семилетняя...
Что и зимняя, и летняя...
Хоть солому жрать, да нет ее!
Тут-то вам и мат.
С голодухи люди кроткие
Разевают свои глотки, и
Чорт им сам не брат.
Тут сюда-туда вы кинетесь,
Либералами прикинетесь,
Вверх ногами опрокинетесь,
Подожмете хвост.
Но дела все ваши взвешены,
Да и сами вы . . . . . ,—
Вот конец и прост!

Влад. С.

ДВОРЯНСКИЙ ЗАЕМ.

Современная гражданская феерия в трех помещениях Дворянского Банка.

Сцена первая.

(Приемная Дворянского Банка. Князь Мещерский, окруженный множеством столбовых дворян, держащих под мышкой свои столбы с целью заложить оные).

Князь Мещерский (ко всем).

Ликуй, российское дворянство!
Вступи скорей во все права гражданства!
И с благодарностью читай лишь «Гражданин».
Прошел период оскуденья!
Прошу у Вас внимания и бденья.
Вы знаете меня: я чистый дворянин,
Хотя не чист от кой-каких пороков
И даже оными горжусь,
Но в мнении кита, на ком почнет Русь,
Я самый «преданный» из всех ее пророков.
Могу достигнуть я всего, за что берусь...
Сочувствует моим стремленьям...
И путь к величию—лишь из моей прихожей.
Я дрожжи для одних, другим я хлороформ.
Крамола крепко спит, а либералы скисли.
Турецкий мой диван, где я рождаю мысли,
Турецкий мой диван—гнездо благих реформ.
Уж мальчики, резвясь, бросают к чорту книжки;
Кто был городовым, идет в профессора;
Под розгою в руках у земского ярыжки
Довольный участью холоп кричит: ура!
Хоть был неурожай, страна весьма богата;
На Невском встретил я сановного кастрата,
. . . . . , носителя побед,
Упынья прежнего на нем исчез и след:
Уж у него растут усы и блещут очи...

Дворяне (хором).

Нельзя ли покороче?
Мы это все читали.
О бренном лишь металле,
О займе нам нельзя ли
Немедленно поведать?
Мы все хотим обедать,
Мы все хотим к Кюба.

Мещерский (в изумлении).

Как? Разве главного я не сказал? А bah!
Избыток дум рождает многословье.
При виде множества столбов я, как...,
О деле позабыл и в некий впал столбняк.
Благословляй меня, дворянское сословье!

Подписывайся впредь всегда на «Гражданин».
Врагов я победил и совершил один
На что у многих не хватало мочи...

Дворяне.

Нельзя ли покороче?
Мы это все читали и т. д.

Мещерский.

Извольте! вострублю как судная труба.
На основаньи мудрого решенья
Совета высшего, а также понужденья
Уж состоялось повеленье:
В заклад отныне Банк берет
Буквально всё: поношенный берет,
Поля от шляп, поля поместий,
Штаны, болота, чувство чести—
Истлевший сей анахронизм,—
Но вот что возбудить должно патриотизм:
Дворянский банк в заклад приемлет ваши души!
Отсюда видно вам, сдерем какие куши
Мы с сиволапых мужиков.
Сентиментальность проч! Святой девиз таков:
Бери, закрыв глаза, заткнув плотнее уши
От либеральной чуши.
Закон прошел с немалым торжеством,
Он собственно одобрен меньшинством,
Но это все равно. Дремали генералы,
С улыбкой жалкою былые либералы
Безмолвно слушали, боясь за свой оклад.
А некий муж из них, с охотою большою
Отринув прошлое, поправку внес в доклад,
Усильно требуя, чтоб наравне с душою
И право на бессмертие в залог
Без отговорок принималось.
Для смет строительных то новый был предлог.
Во исполненье закона оставалось,
Чтоб делом увенчать прекрасных слов поток
И поддержать устои вековые,
Для душ устроить кладовые.
И под моим лучем возникла, как цветок
На удобренной почве,—лотторея.
Спешите ж, господа, спешите поскорее
И души заложить, и все, car mon avis:
Лови, лови часы любви!

(Дворяне в восторге кланяются Мещерскому, причем своими дворянскими столбами ударяют его по голове, откуда слышен звук как бы из медного сосуда, наполненного Торричелиевой пустотой, вместе с тем, Мещерский издает торжественный трубный звук; дворяне радостно ему подражают. Атмосфера комнаты мгновенно насыщается «духом старины», более известным в химии под именем

сернистого водорода. Образовавшиеся пары сгущаются у потолка в облако, из которого показывается фигура покойного капитана Борозды и благословляет всех присутствующих).

Хор дворян.

Благословил нас Борозда!
Держитесь крепко, дружно!
Мы все—птенцы его гнезда,
Нам всем лишь денег нужно.

* * *

Мужицких душ лишили нас,
А мы по христианству
Свои отдать хотим сейчас.
Честь русскому дворянству!

* * *

В иные, новые бразды
Свое мы семя кинем
И выше знамя Борозды
Над родиной поднимем.

* * *

Как обернулася судьба!
Как вывез Бог наш русский!
Теперь скорей, скорей к Кюба!
Пора, пора к закуске!

(Уходят, слегка канканируя. В комнату входит старый сторож Никифор. Он останавливается в недоумении. Потом плюет, крестится и отворяет форточку).

Никифор.

Уж где Мещерский побывал,—
Святых вон! А ведь барин!
Такого духу не пущал
И сам Фаддей Булгарин.

Сцена вторая.

(Присутствие в дворянском банке, на эстраде Алекс. Петрович Саломон, держа в руке сторублевую бумажку. В зале много бездушных дворян, но со столбами под мышками. Тишина. 11½ часов утра)

Саломон (читает):

Вследствие представления Г. Директора Дворянского Банка гр. Голенищева-Кутузова за № 10,357, Г. Министр Финансов, принимая во внимание, что все кладовые переполнены заложенными дворянскими душами, также выкупными на бессмертие свидетельствами, принимая далее во внимание, что дворянская душа—товар легко поддающийся гниению и приходящий в совершенную негодность, предписал: Прекратить дальнейший прием как душ, так и выкупных на бессмертие свидетельств; считать, что означенное распоряжение вошло в силу с сегодняшнего дня, двенадцать часов. Г-да Дворяне! В банке имеется всего только сто руб. свободных сумм...

(Волнение среди дворян, они бросаются по направлению к А. П. Саломону, желая перехватить сторублевку и побивая друг друга пришедшими в движение столбами, А. П. Саломон спасается бегством, потрясая спасенной 100-рублевой бумажкой).

Хор дворян.

Нас вдохновил Мещерский,
Мы стали смелы, дерзки,
И вам, бунтовщики,
Мы не хотим дать спуску!
Кутузова в кутузку—
Et nous verrons qui qui.
Мы у него поищем
Рублей за голенищем.
Друзья! нам дан предлог:
Дворяне и дворянки,
Давайте шарить в банке!
Валяйте, с нами Бог!..

Дворянин восторженный.

Мы тридцать лет терпели,
Теперь совсем у цели,—
Держитесь господа!

Дворянин-скептик.

Мещерский неужели
И в этом важном деле
Попал, да не туда?

(Являются сторожа и разгоняют их. Они расходятся).

Старый сторож (со вздохом качая головой).

Я Богу благодарен
За то, что я не барин!..

Занавес

Третья сцена откладывается впредь до дальнейшего развития событий.

27. [29].

20 Сент. 1891. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, если я верно понял Вашу телеграмму, статья о голоде не опоздала к Октябрьской книге, а только поздно пересылать корректуру для исправления. В таком случае пришлите мне все-таки для собственного употребления один экземпляр.

Хотя я участвую в разных изданиях, но считаю себя сотрудником преимущественно «Вестника Европы», а потому доношу Вам, как бы по начальству, что в виду новых и совершенно особых обстоятельств моего приятеля

ки. Цертелева я нашел невозможным отказать ему в *номинальной* поддержке и дал ему за целый год три странички перевода из Виргилия. Подобное присутствие моего имени само по себе равно нулю, но окончательное и безусловное мое исчезновение могло бы ему *повредить*. Я по совести не могу быть для него (как журналиста) положительною величиной, но сделаться отрицательною *именно теперь* не хочу по причинам, которые об'ясню Вам при свидании и которые, надеюсь, Вы найдете уважительными. А также об'ясню—это, впрочем, из другой оперы—почему нужно было пока отложить (вероятно, только до Ноябрьской книги) «идолы и идеалы». Позднее конца Октября вернуться мне в Петербург невозможно. Не знаю, как удастся вместить в этот краткий срок все, что нужно сделать, но во всяком случае Петербурга мне через месяц не миновать.

В настоящее время я изнемогаю под тяжестью усилий образовать из нашего хаоса, или просто слякоти, хотя бы микроскопическое ядрышко для будущего общественного организма. Очевидно, это значительно труднее, чем призвание Варягов или крещение Руси. Да и Петру Великому, помимо гения, дело значительно облегчалось возможностью своевременного и целесообразного употребления дубинки. А добровольное согласие на добро—это оказывается для наших сограждан чем-то в роде квадратуры круга. Я, впрочем, не впадаю в смертный грех уныния, особенно в виду явных признаков, что небесное начальство потеряло терпение и хочет серьезно за нас приняться.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любовь Исаковне и общим друзьям.

Душевно Вам преданный *Влад. Сол.*

Вот и предпоследнего корифея русской литературы*) не стало. Остался один Лев Толстой, да и тот полуумный. «Уж так у нас в городе устроено: если умный человек, так или пьет запоем или рожи такие корчит, что святых вон неси».

28. [31].

Все дезинфицировано.
8 Ноября 1891. Москва.
Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич. С моего болезненного, но тщательно дезинфицируемого ложа шлю

*) А. Гончаров.

Вам сего стихотворного идола за невозможностью при сих обстоятельствах прислать прозаического. Если бы встретились цензурные затруднения, то существует хороший прецедент: стихотворение Хомякова на ту же тему и столь же резкое по содержанию, хотя более слабое (vive la modestie!) по форме. У меня более сохранена couleur locale, и нет слишком определенных намеков, тогда как Хомяков обвиняет Навуходоносора за преследование печати, которая, насколько известно, даже вовсе не существовала в те времена.

Дифтерит мой доброкачественный, и я выздоравливаю, но еще не окреп и к напряженным занятиям неспособен. Впрочем, посылаю К. К. Арсеньеву статью о гностике Валентине для словаря.

Ослабел. До свидания. Усердно кланяюсь Любовь Исаковне, барону и всему Вашему содружеству.

В. В. *Влад. Сол.*

P. S. Обратите особое внимание на сегодняшнюю (от 9 Ноября) лжедоносную передовую статью «Моск. Вед.». Она отчасти и Вас касается. Но не бойтесь: этот почтенный орган так много врал, что кроме его вдохновителей ему никто не верит.

Москва, 7 Ноября 1891.

КУМИР НЕБУКАДНЕЦАРА [1]).

(Посвящается К. П. П.).

1.

Он кликнул клич: «Мои народы!
Вы все рабы, я—господин,
И пусть отсель из рода в роды
Над вами будет бог один.

2.

«В равнину Дуры [2]) вас зову я,
Бросайте всяк богов своих
И поклоняйтесь, торжествуя,
Сему созданью рук моих».

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е, СПб. 1900, стр. 58—60. В письме к М. Стасюлевичу 15 четверостиший, в книге стихотворений всего 13, и текст несколько иной.

[2]) Или *Дейр* по неправильной греческой транскрипции—равнина в Халдее близ Вавилона.

Примеч. Вл. С. С.

3.

Толпы несметные кишели;
Был слышен мусикийский гром,
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.

4.

И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли
И рукотворного Кумира
Владыкой Жизни нарекли.

5.

Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной—дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Кадильным дымом окружен.

6.

И перед идолом на троне,
Держа в руке священный шар
И в семиярусной короне,
Явился Небукаднецар.

7.

Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной,
Везде топтал я стяг свободы,—
Земля умолкла предо мной.

8.

«Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

9.

«Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».

10.

И по равнине диким стоном
Пронесся клич: «Ты бог богов!»
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.

11.

В сей день безумья и позора
Я крепко к Господу воззвал,
И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.

12.

И от высот Нахарайма
Дохнуло бурною зимой:
Как пламя жертвенника зрима,
Твердь расступилась надо мной;

13.

И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,
Корою льдистою одели
Равнину Дурскую кругом.

14.

Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятеньи диком
Народ испуганный бежал.

15.

Где жил вчера владыка мира,
Я ныне видел пастухов:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотов.

29. [33].

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.
2 Июня 1892.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, не знаю, найдет ли это послание Вас в Петербурге или будет Вам переслано заграницу. Сам я в Петербург попаду разве только в середине лета. Сегодня переезжаю на дачу по Николаевской жел. дор. (полуст. *Сходня*, куда можно адресовать простые письма и телеграммы). Дача моя (4 комнаты) за все лето стоит 80 руб., чем я весьма горжусь. Буду жить там совершенно один. Стол свой я упростил весьма; ем раз в день гречневую кашу с подсолнечным маслом и зеленые бобы без всякого масла, запивая это рижским пивом по 12 коп. бутылка. Думаю, что такой режим столь же полезен для здоровья, как и для кармана.

Получил из заграницы поручение к Вам. Покойная графиня Толстая желала быть погребенной в Красном Рогу, в приготовленном для нее месте рядом с Алексеем Константиновичем. Перевозка гроба из Лиссабона даже морем стоит не менее 1500 рубл. Племянница покойной, С. П. Хитрово, писала Вам, прося, если возможно, авансировать

ей эту сумму в счет будущей продажи сочинений Ал. Толстого, право на которые (вполне или отчасти—не знаю) перешло к ней. Мне неизвестно, как идет теперь продажа этих книг. Если так же хорошо, как лет десять тому назад, или немногим хуже, то Вы без всяких ходатайств с моей стороны не затруднитесь, я уверен, исполнить просьбу моей приятельницы. Во всяком случае известите меня, пожалуйста, об этом. Простые письма и телеграммы (о сих последних упоминаю так, на непредвиденный случай) можно адресовать мне на полуст. *Сходня,* Николаевской жел. дор., а заказные письма—по Московскому адресу.

Что сказать Вам о себе!

Душный город стал несносен.
Взявши сак-вояж,
Скрылся я под сенью сосен
В сельский пейзаж.
У крестьянина Сысоя
Нанял я избу,
Здесь мечтал вкусить покоя
Позабыть борьбу.
Ах! Потерянного рая
Не вернет судьба.
Ждет меня судьба другая,
Новая борьба.
Поднялись на бой открытый
Целые толпы,—
Льва Толстого фавориты [1]),
Красные клопы.
Но со мною не напрасно
Неба лучший дар,
Ты, очищенный, прекрасный
Галльский скипидар.
Ты римлянкам для иного
Дела мог служить. [2])
Мне ж союзников Толстого
Помоги сразить.
Я надеялся недаром:
В миг решился бой,

---

[1]) См. статью «Первая ступень» в Филос. журн. *Прим. Влад. Сол.*

[2]) По свидетельству древних писателей, римские щеголихи весьма любили терпентин и принимали его внутрь для придания запаха фиалок..., которые сами по себе этого запаха не имеют. См. также у Гейне, «Deutschland»:

Birch-Pfeiffer söffe Terpentin
Wie einst die Röm'schen Damen:
Man sagt dass sie dadurch den Urin
Besonders wohlriechend bekamen. *Прим. В. С. С.*

Спасовал пред скипидаром
Весь толстовский строй.
О, любимец всемогущий
Знатных римских дам!
Я роман Толстого лучший
За тебя отдам.
От романов сны плохие
Аромат же твой
Прогоняет силы злые
И дарит покой.

Кроме клопов моего хозяина, мне приходится бороться и с красными клопами, анонимно испускающими свое благоухание в журнале «Русская Мысль». Не стоит рассказывать подробности в письме. Что касается до серьезных работ, то между прочим готовлю для «Вестника Европы» очерк об императорском культе в древнем Риме. Это будет в роде вступления в дальнейший византийский этюд.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любовь Исаковне.

Душевно преданный Вам *Влад. Сол.*

30. [34].

6 Сент. 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич. Вы не будете сердиться на мое долгое молчание, если узнаете его истинную причину, которая состоит в том, что я умер. Действительность этого прискорбного для меня и для друзей моих факта неоспоримо доказывается следующей эпитафией, высеченною (вопреки закону, избавляющему женский род от телесного наказания) на моем могильном камне:

Владимир Соловьев лежит на месте этом,
Сперва был филозоф, а ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв, он многим был и враг.
Но, без ума любив, сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял, не говоря о теле:
Ее диавол взял, его ж собаки с'ели.
Прохожий, научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь, и сколь полезна вера.

Надеюсь прислать или привезти Вам для Ноябрьской книги некоторое свое посмертное произведение, а вот пока превосходная статья моего приятеля кн. Трубецкого (доцента философии в Моск. Универс.). Я уверен, что она

Вам понравится, и в таком случае нельзя ли первую половину поместить в Октябрьской. Будьте добры, известите меня, как Вам покажется статья.

По примеру прежних лет полагаю, что Вы в настоящее время находитесь в Петербурге и в одиночестве. Очень будет приятно получить от Вас весточку и еще приятнее увидеться с Вами и с Любовь Исаковной, что, надеюсь, исполнится в Октябре. О себе писать нечего: какой интерес могут иметь подробности о продолжающейся жизни человека умершего?

Будьте здоровы и кланяйтесь общим друзьям.

Истинно Вам преданный *Влад. Сол.*

Рекомендую Вам статью Трубецкого беспристрастно; она весьма благопотребна и написана очень талантливо; желательно, чтобы она появилась именно в Вестн. Евр.

31. [37].

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, посланная мною Вам вчера статья требует некоторого об'яснения. Восходя к причинам отдаленным, я должен сказать, что автор разбираемой книги вместе с своим старшим братом — мои первые друзья детства, отрочества и юности. Особенно средний из этих возрастов крепко связал нас общими опасностями и утехами. Учились мы розно, но летнее время проводили вместе в подмосковном селе Покровском — Глебове-Стрешневе, где наши родители в продолжение многих лет жили на даче. Цель нашей деятельности за это время состояла в том, чтобы наводить ужас на покровских обывателей, в особенности женского пола. Так, например, когда дачницы купались в протекающей за версту от села речке Химке, мы подбегали к купальням и не своим голосом кричали: Пожар! Пожар! Покровское горит! Те выскакивали в чем попало, а мы, спрятавшись в кустах, наслаждались своим торжеством. А то мы изобретали и искусно распространяли слухи о привидениях и затем принимали на себя их роль. Старший Лопатин (не философ), отличавшийся между нами физической силою и ловкостью, а также большой мастер в произведении диких и потрясающих звуков, сажал меня к себе на плечи верхом, другой брат надевал на нас обоих белую

простыню, и затем эта необычайного вида и роста фигура, в лунную ночь, когда публика, особенно дамская, гуляла в парке, вдруг появлялась из смежного с парком кладбища и то медленно проходила в отдалении, то устремлялась галопом в самую середину гуляющих, испуская нечеловеческие крики. Для других классов населения было устроено нами пришествие антихриста. В результате мужики не раз таскали нас за шиворот к родителям, покровский священник, не чуждый литературе, дал нам прозвание «братьев-разбойников», которое за нами и осталось, а жившие в Покровском три актрисы, г-жи Собещанская, Воронова и Шуберт, бывшие особым предметом моих преследований, сговорились меня высечь, но, к величайшему моему сожалению, это намерение почему-то не было исполнено. Впрочем иногда наши занятия принимали научное направление. Так, мы усиленно интересовались наблюдениями над историей развития земноводных, для чего в особо-устроенный нами бассейн напускали множество головастиков, которые однако от неудобства помещения скоро умирали, не достигнув высших стадий развития. К тому же свою зоологическую станцию мы догадались устроить как раз под окнами кабинета моего отца, который об'явил, что мы сами составляем предмет для зоологических наблюдений, но что ему этим заниматься некогда. Тогда мы перешли к практическому изучению географии, и моей специальностью было исследовать течение ручьев и речек и глубину прудов и болот, причем активная роль моих товарищей состояла, главным образом, в обращении к чужой помощи для извлечения меня из опасных положений. Однако я увлекаюсь воспоминаниями; пора от отдаленного перейти к ближайшему. Автор трактата о свободе воли, один из бывших братьев-разбойников, а ныне профессор философии в Московском Университете, человек действительно мыслящий и даровитый, но, как свойственно почти всем авторам, он сильно преувеличивает значение своего произведения (нечто подобное случилось даже с автором неба и земли, который по сотворении всемирной махины об'явил ее *тоб-меод* — весьма хорошею, тогда как для беспристрастного взгляда за нею можно признать только среднее достоинство). Как бы то ни было, Лопатин огорчен невниманием печати к его труду, и я ради старой дружбы решил его в этом по возможности утешить. Но я

не желал бы другу моего детства жертвовать интересами друга моего мужества, т. е. «Вестника Европы», а потому если Вы находите сюжет слишком сухим, отвлеченным и для не-специалистов неинтересным, то я не сочту за обиду, если Вы возвратите мне статью, которую я в таком случае передам в «Вопросы философии и психологии», а Вам постараюсь приготовить к Мартовской книжке статью на тему моей заметки о главном условии прогресса. Буду ждать Вашего извещения.

А Вы так и не ответили на мой вопрос о том, следует ли мне, по Вашему мнению, предпринять что-нибудь против нахального злоупотребления моим именем со стороны «Русского Обозрения»?

Предполагаю приехать в Петербург в конце февраля сего 1893 года.

Очень рад хорошему известию о больных. Передайте, пожалуйста, мое почтение Любовь Исаковне. Очень кланяюсь общим приятелям.

Преданный Вам *Влад. Соловьев.*

32. [38].

31 Авг. / 12 Сент. 1893. Динар.

Глубокоуважаемая Любовь Исаковна, третьего дня вечером я благополучно доехал до Динара и вчера же весь день шатался со своим хозяином по окрестностям. Ветер здесь теперь еще хуже булонского, но я все-таки начинаю сегодня купаться. От Михаила Матвеевича получил письмо из Берлина; у Вас теперь наверное есть более поздние известия.

Я очень, очень доволен, что побывал в Булони, и очень благодарен Вам и барону, что известили меня. Передайте ему, пожалуйста, мой сердечный привет и мое почтение его строгой дочери. Михаилу Матвеевичу буду писать на днях. Я совершенно здоров, перешел с вина и пива на сидр. Сегодня начал заниматься как следует.

В Динаре можно прожить с удовольствием, но особенной красоты я пока не видел.

Будьте здоровы и не поминайте лихом
искренно преданного Вам *Влад. Сол.*

33. [39].

7/19 Сент. 1893. Динар.

Вот Вам, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, возвещенная в моей телеграмме poésie. Не смущайтесь некоторыми неизреченными глаголами: они так же дики для английского читателя Вальтер Скотта, как и для Ваших читателей «Вестника Европы». Я утверждаю даже, что гаэльский язык ближе к русскому, чем к английскому. Впрочем этот гаэльский клич, непереводимый в стихах, переведен прозой в примечании—мною так же, как и Вальтер Скоттом.

Спасибо Вам за присылку «Вестника»--очень приятно было его получить. Поместите, пожалуйста, стихи в Октябрьской кн., ибо с Ноябрьской я намерен наводнять Вас прозой. По поводу воды: морские купанья так мне понравились, что, в третий раз пробыв на лоне океана около получаса, я получил изрядную лихорадку, которая теперь мешает мне купаться, но не мешает заниматься.

Не знаю, где будет находиться Любовь Исаковна 17-го, а потому прошу Вас передать ей мое поздравление.

Получил письмо от Алекс. Ник. *) и напишу ему на днях по прочтении его статьи в «В. Е.». Кланяйтесь, пожалуйста, ему и всем общим приятелям. В Динаре я пробуду до 3/15 Окт. (а может быть несколько позже), затем Лондон, Париж, Берлин и Vaterland.

Будьте здоровы и не поминайте лихом.

Искренно преданный Вам *Влад. Сол.*

N. B. Будьте столь добры, пришлите мне сюда в Динар эти стихи в наборе (заказным письмом).

34. [46].

(Телеграмма).

1893.

Prie envoyer par télégraphe banque cent roubles, pars Samedi. *Solovieff.*

---

*) А. Н. Пыпину.

35. [47].

(Телеграмма).

Москва, 29/XII 1893.

Сердечно поздравляю Любовь Исаковну и Вас, буду в пятницу на этой неделе, везу статью. *Соловьев.*

36. [48].

30 Янв. 1894.

Владимир Сергеевич Соловьев сердечно поздравляет глубокоуважаемых Любовь Исаковну и Михаила Матвеевича с новым 1894 годом и от всей души желает им всего желанного.

При сем об'яснительная записка.

37. (49).

(Апрель) 1894.

Очень огорчен я, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, известием о Вашем продолжающемся нездоровье; утешаюсь только тем, что кишки важнее голоса, а они, Вы пишете, у Вас поправились. Конец статьи моей уже почти готов, и Вы получите его не 9, а 1 Мая. Прошу Вас передать Любовь Исаковне вместе с моим сердечным приветствием следующий факт. В четверг на страстной неделе, в восьмом часу вечера за обедом у Вас, я ощутил без видимой причины смертельную тоску, о чем сообщил вам обоим и выразил свою уверенность, что в это время случилось какое-нибудь несчастие с кем-нибудь из моих близких. Представьте себе, что, действительно в это самое время, в восьмом часу вечера в великий четверг один мой друг детства, Лопатин, (брат московского профессора философа) подвергся паралитическому припадку, после которого доктора об'явили, что у него прогрессивный паралич мозга.

Сам я головным мозгом еще здоров, но брюшные узлы ежедневно выворачивают мне нутро. Виделся с Жемчужниковым, он здоров и бодр и посылает Вам стихотворение. Трубецкой читал мне свою новую статью о славянофильстве, она мне очень понравилась, но он колеблется печатать, боясь вторично огорчить славянофильскую родню, впрочем я надеюсь его уговорить. Статья Толстого по

поводу Тулона неудобна для печати. В Москве свирепствует художество. Спасовича не видал, хотя мы и обменялись визитами.

С завтрашнего дня начинают исчезать причины моего пребывания в Москве и окончательно исчезнут к 15 Мая, когда и я исчезну отсюда, чтобы возникнуть близ «Исаакавеликана», как выражается какой-то поэт.

Выздоравливайте поскорей.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

38. [50].

Москва, Пречистенка, д. бывший Лихутина. 8 Мая 1894.

Известите меня, пожалуйста, дорогой и многочтимый Михаил Матвеевич, о получении посланной мною вчера статьи, а главное о Вашем здоровье.

Я обещал Вам прислать статью 1 Мая вместо назначенного Вами 9-го, но потом рассудил, что это значило бы être plus royaliste que le roi; к тому же статья вышла длиннее, чем я думал. Будьте так добры, пришлите мне первую корректуру. Но как же Ваше здоровье? Мои болезненные припадки, о которых писал Вам, благополучно прекратились.

Здесь много видался с Толстым и толстовцами, из которых некоторые, более способные, начинают от его полубуддизма переходить к христианству в моем смысле; не теряю надежды и относительно его самого.

В Петербург собираюсь по-прежнему в половине сего месяца. Но вы еще успеете и написать мне, и прислать корректуру.

Но главное—известите, пожалуйста, о своем здоровье.

Сердечно кланяюсь Любовь Исаковне и всем друзьям.

Искренно преданный *Влад. Сол.*

39. [53].

30 Сент. 1894. Иматра, Рауха. (Пансион Альма).

Примите, милый мой патрон,
Чухонской музы порожденье!
Грешить так быстро—не закон;
Всему виной—уединенье.

Иных покамест нет грехов.
Ничто страстей не возбуждает,
Лишь тихий рой невинных снов
Прозрачный сумрак навевает.
Живу, с работой незнаком,
Без утомленья и усилья,
Питаясь только молоком,
Как Педро Гомец, «лев Кастильи» *).

Прилагаемая далее двойня чухонской музы может быть годится для печати, а может быть и нет—мне здесь прочесть некому. «Печальные пасынки природы», меня окружающие, хотя до чрезвычайности белокуры, но это не есть достаточное основание, чтобы советоваться с ними о русских стихах. Маленькое стихотворение во всяком случае замечательно тем, что все стихи начинаются с одной и той же буквы С; если бы и большое отличалось чем-нибудь подобным, то это было бы в семь раз замечательнее, но нарочно этого не сделаешь. К 12 Окт. пришлю Вам прозу для Ноябрьск. книги—сохраните место—листа на $1^1/_2$—$1^3/_4$. Если увидите Хомяковского, то, пожалуйста, скажите ему, что начало оригинала для типографии (я печатаю у вас книгу «Основания нравственной философии») я пришлю на днях на его имя.

Я очень досадовал, что не застал Вас с Любовью Исаковной, когда заезжал проститься. Впрочем дни бегут с свойственной им скоростью, и через два понедельника, 17-го Окт., надеюсь предстать пред Ваши очи. А здесь я, несмотря на некоторые неудобства, устроюсь, повидимому, прочно. Печальный пасынок природы, которому я заплатил вперед за месяц, наивно об'явил, что не желает ни за что меня упускать и готов для меня на все. Погода мягкая, серая без дождя, гуляю без пальто и калош по 2 и $2^1/_2$ часов не садясь, не пью ничего хмельного, ем раз в день, хорошо сплю и превосходно себя чувствую. Газет не читаю. О некоторых подробностях здешней жизни расскажу при свидании.

Будьте здоровы, как я.

Сердечно кланяюсь Любовь Исаковне.

Преданный Вам *Влад. Сол.*

---

*) См. «Осаду Намбы» Кузьмы Пруткова.
Примеч. В. С. С.

Скажите, пожалуйста, Александру Николаевичу, что желание его относительно одной книжки, вероятно, исполню в течение зимы.

6 Окт. 1894. Сайма.

На берегу пустынных вод
Мне Муза финская явилась.
Я только вежлив был,—и вот
Она уж тройней разродилась.

Двух Вы получили, а третьего, двухголового, прилагаю теперь на особом листе. Отложите его для Декабря или присоедините к первым для Ноября—как Вам угодно. Сверх того явилась другая тройка, но не для печати. Вот два, а третьего, более значительного, прочту при свидании.

ПРИЗНАНИЕ.

(Посвящается г.г. Страхову, Розанову, Тихомирову и К°).

Я был ревнитель правоверия,
И с'ела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.
Душевный опыт и история,
Коль не раскроешь ты очей,
Тебя научат, что история
Не так важна, как жизнь людей,
Что правоверие с безверием
Вспоило то же молоко,
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко.
Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с чорта я,
Ей Богу, был бы очень рад.
Он скверен, с гнусной образиною,
Неисправим—я знаю сам.
Что ж делать с эдакой скотиною?
Пускай идет ко всем чертям!

ПОЭТ и ГРАЧИ.

(Краткая, но грустная история).

По сжатому полю гуляют грачи,
Чего-нибудь ищут себе на харчи.
Гуляю и я, но не ради харчей
И гордо взираю на скромных грачей...

ЗИМА.

Морозная вьюга, в полях нет грачей,
Сижу и пишу я в каморке своей.

ВЕСНА.

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я—на столе.

Это, впрочем, только в стихах, а в прозе я довольно здоров и сейчас еду на санях сдавать это послание на почту (в Иматру): как видите, здесь вдруг наступила зима.

Сердечно кланяюсь Любовь Исаковне и всем друзьям.

Душевно преданный Вам *Влад. С.*

Статью к 12 пришлю, но может быть это будет другая, менее обширная, в $^3/_4$—1 л. Примите это во всяком случае к соображению. Большая тогда сделается еще больше для Декабря.

40. [54].

(Октябрь) 1894.

Не думайте по первому взгляду, дорогой и глубокоуважаемый и ничем дурным не начиненный патрон, что прилагаемая статья слишком мала; дело в том, что я не взял с собой достаточно бумаги и потому писал свои листы с обеих сторон. Конец, собственно уже написанный, нужно еще пересмотреть, чтобы в этом трудном сюжете соединить серьезность с общедоступностью. Этот конец будет Вам доставлен с оказией рано утром в субботу. В субботу-же, надеюсь, мы увидимся.

Вот еще два стихотворения, другие же два, более удачные, но непечатные, прочту в субботу.

До скорого свидания. Сердечно кланяюсь Любовь Исаковне и спешу, чтобы сегодня же отправить.

В. В. *Влад. Сол.*

Страшный мороз с ветром. Ой, ой, ой!

41. [58].

Иматра, 15/IV 1895.

Необходимы исправления *): гранка 4 строка 9 сверху нужно *за него*. Гранка 5 строка 34 снизу пропущено слово *противоречие*. Гранка 8 строка 35 сверху пропущено слово

*) В статье «Поэзия гр. А. К. Толстого» («Вестн. Евр.» 1895, № 5).

остается, строка 5 снизу нужно *начинает*, 2 снизу *продолжает,* гранка 9 строка 11 снизу лишнее слово *Толстого. Конец 10* гранки прибавленные слова противоречат логической связи контекста. Конец всей статьи пропущены слова *а общество есть стадо.*

Соловьев.

42. [60].

(Апрель) 1895 г.

Христос воскресе, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич,—за достоверность факта ручаюсь честным словом, хотя должен согласиться, что он остается до сих пор без всяких последствий.

Сегодня неожиданно наступила здесь весна, хотя все еще бело кругом. Статью об А. Толстом кончаю и завтра посылаю Вам, а Вас прошу прислать корректуру—времени достаточно. Статья довольно большая — листа два. Взглянувши на длинные цитаты из баллады Змей-Тугарин, Вы может быть на минуту заподозрите меня в склонности легким способом увеличивать об'ем статьи, а чтобы избавить Вас от такой несправедливой мысли, предлагаю следующее об'яснение: баллада эта есть место, куда прибит заключительный гвоздь статьи, между тем если ограничиться в ней только необходимыми для гвоздя пассажами, то может выйти слишком сильно,—единственный способ—цитировать ее, если не целиком, то все-таки большими кусками.

Стихов я еще не писал, вероятно, потому, что еще не испытывал уединения: здесь много народу в гостиннице и между прочим знакомые.

Усердно кланяюсь сердечно уважаемой Любовь Исаковне и всем приятелям. Из них специально прошу передать:

1) Людвигу Зиновьевичу благодарность за письмо

2) Ему же, а также Константину Константиновичу и Владимиру Даниловичу мое поздравление с блестящим успехом их ходатайства — с новым кавалером св. Александра Невского *) их рук это дело, несомненно их.

Будьте здоровы и веселы. Вас и Александра Николаевича и себя поздравляю с заключением союза между Японией и Китаем.

---

*) Е. М. Феоктистов.

Панмонголизм! хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

Душевно преданный *Влад.*

43. [61].

(Апрель) 1895.

Все получено, большое спасибо за все, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич,—за стадо не бойтесь.—Прилагаю и еще стихотворение, но чтобы Вы видели мое об'ективное отношение к произведениям моей музы, вот Вам пародия, сейчас мною сочиненная на то первое («Лучей блестящих полк за полком»): ею открывается в истории литературы небывалый genre «Самопародий».

Нескладных виршей полк за полком
Нам шлет Владимир Соловьев
И зашибает тихомолком
Он гонорар набором слов.
Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть как свинья будь плодовит.
Торгуй, несчастный, сапогами
И не мечтай, что ты пиит.
Нам все равно, зима иль лето,
Но ты стыдись седых волос,
Не жди от старости расцвета
И петь не смей, коль безголос.

Теперь, по крайней мере, я не боюсь никаких пародий и ругательств,—будьте свидетелем, что я первый себя обругал и пародировал.

Прилагаемое меланхолическое стихотворение, кажется, лучше того,—суньте его в Июнь.

Едва пройдет неделя, и я надеюсь увидеться с Вами, с Любовь Исаковной и со всеми друзьями, которым по сему случаю особого послания не шлю. Будьте здоровы.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

44. [64].

(Июнь) 1895.

Я почти совсем здоров, глубокоуважаемая Любовь Исаковна, и с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным приглашением на завтра. Сегодня же я еду вечером в Цар-

ское Село, и боюсь, что вернусь слишком поздно, чтобы успеть зайти к Вам.

Как неожиданна и огорчительна кончина Н. Х. Бунге! До свиданья.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

45. [65].

(Июль) 1895.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, пребывая в трудах и болезнях, едва наконец собрался написать Вам, но я до сих пор не собрался также и двинуться из Петербурга. Только сегодня, узнав, что мои казармы подлежат ремонту, решился я — соединяя этот ремонт с своим собственным — ехать в Финляндию дней на 10. Я думаю, что в моем предстоящем некрологе, а также в посвященной мне книжке биографической библиотеки Павленкова будет между прочим сказано: «лучшие зрелые годы этого замечательного человека протекли под гостеприимною сенью казарм кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка, а также в прохладном и тихом приюте вагонов царскосельской железной дороги».

Вы может быть сомневаетесь, что я попаду в биографическую библиотеку Павленкова между Катковым и Магометом? Я тоже не совсем в этом уверен, а потому и прилагаю все старания, чтобы сего достигнуть.

Из петербургских новостей, не попавших в «Новости» и другие газеты, имею для Вас нечто. Ваш друг и благодетель Р.-Р. *) получил жестокий аффронт—от абиссинцев. Он пригласил их к себе обедать на дачу (которую не нужно смешивать с дачей купца Громова в одной пьесе Кузьмы Пруткова), но получил отказ: принц Дампто нашел ниже своего достоинства, а может быть и побоялся разделить трапезу с наследником Громова.

Дабы не предаваться дальнейшему злословию, кончаю это письмо и желаю Вам от души доброго здоровья и бодрого духа.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

Я собирался писать для В. Евр. о монофизитской ереси, составляющей «православие» абиссинцев, но их благородство меня обезоружило.

*) Ратьков-Рожнов, петербургский городской голова.

(Июль) 1896.

МИША-ПОТРОШИТЕЛЬ.

(Неизданная глава из «Степки Растрепки»).

Посвящается Главному Управлению по делам печати.

Был Миша[1]) мальчик очень злой.
Кому был от него покой?
Кусал он старцев, и девиц,
И светских, и духовных лиц.
Евреев резал как телят,
Пил кровь из Немцев и Бурят:
Зубами вцепится—и вот
Уже распорот весь живот!
Терзал он Шведов, и Армян,
И вольнодумных Россиян,
Поляков стер с лица земли,
Все мусульмане в гроб легли.
Погиб штундист и старовер,
Погибли люди всяких вер,—
Перекусил он пополам
Семьсот ксендзов и триста лам.
С кладбищ он трупы вырывал,
Кресты церковные ломал,
Жевал людские черева
И жег скелеты как дрова.
Ах дети! И сказать нет сил!
Он даже Перю[2]) укусил!
Все это Мише ни по чем,
Гуляет с радостным лицом.
Забыл про Бога, сорванец,
Но горький ждал его конец:
Победоносцева-отца
Безумец принял за скопца,
Одним прыжком его свалил
И горло вмиг перекусил.—
Подумать страшно, ай, ай, ай!
Будь, Миша, зол, но меру знай.

46. [70].

(телеграмма).

Выборг, 25/XII 1896.

Хладные финские скалы горячо приветствуют Любовь Исаковну и Вас наилучшими пожеланиями на Новый Год.

---

[1]) Мих. Петр. Соловьев, начальник Главн. управления по делам печати.

[2]) Кн. Эспер Эсп. Ухтомский, редактор «СПб. Ведомостей».

Должен возвратить Вам ошибочно адресованное одобрение, статья о Маляре и Рафаеле не моя. Охлаждение лет в соединении с природной сухостью темперамента препятствуют мне писать столь великолепно.

Соловьев.

47. [72].

16 Апр. 1897.

Дорогой и многочтимый Михаил Матвеевич, Вы наверное думаете, что я подлым образом скрываюсь в Петербурге, а я между тем не только провел несколько дней (от Четверга до Воскресенья) на гористых берегах бурной Тосны, но и очутился на менее гористых берегах менее бурной Москвы-реки. Вот как бывают иногда ошибочны заключения даже самых проницательных и опытных мужей!

Здесь я пробуду до начала будущей (Фоминой) недели и следовательно к своему прискорбию буду только одним духовным присутствием участвовать в субботнем собрании, но в среду утром надеюсь явиться если не in corpore, то in carne.

А пока посылаю вместо себя стихи, не лишенные автобиографического элемента. Они сочинены мною сегодня утром, когда я проезжал мимо одной подмосковной железнодорожной станции, где пять лет тому назад я последний раз в жизни нарушал седьмую заповедь с одною Московскою дамой. После этого я освежился заграничным морским плаванием (стихотворные следы остались в «Вестнике Европы») и затем, решительно обратившись к добродетели, написал нравственную философию, после которой мне уже неприлично нарушать какие бы то ни были заповеди. Если эти стихи Вам не понравятся отвергните их без всякой церемонии. А если годятся, то может быть еще попадут на какую-нибудь пустую страницу Майского номера.

Будьте здоровы и бодры духом как всегда. Пожалуйста, передайте мой усердный поклон глубокоуважаемой Любови Исаковне, а также всем субботникам обеденным и послеобеденным.

Сердечно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

48. [73].

Спб. 28 Августа 1897 г.

МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ СТАСЮЛЕВИЧУ.

в день его рождения.

Другим считать года опасно,
Но Вас число их веселит:
Труд плодотворный, подвиг ясный
Не истощает, а бодрит.
Серьезность с шуткою беспечной,
В спокойствии—кипенье сил...
Я б Вам завидовал, конечно,
Когда бы меньше Вас любил.

Владимир Соловьев.

49. [77].

(Телеграмма).

Москва 1-го Апреля 1898 г.

Здравствуйте и до свидания, прошу выслать мой экземпляр брату: Арбат, дом Рахманова, сердечно кланяюсь Любови Исаковне и всем друзьям, *Соловьев.*

50. [79].

(Телеграмма).

Москва, 6/IX 1898.

Сердечно поздравляю, задержан делами, статью пишу. До скорого свидания. *Соловьев.*

51. [80].

(Телеграмма).

Москва, 17/XI 1898 г.

Как живете? помню, кланяюсь. *Соловьев.*

52. [81].

22 Ноября 1898 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, я телеграфировал Вам на прошлой неделе потому, сказать по правде, что видел Вас во сне и пожелал иметь известия о Вас и о Любови Исаковне,—как Вы поживаете. Но потом, не получая никакого отзвука, подумал, есть ли у Вас мой

Московский адрес, который и прилагаю ниже. Я здесь почти никого не видаю и не выпускаю пера из рук, так что и читать приходится или в постели, или на престоле соединенных королевств Великобритании и Ирландии.

Приеду, пожалуй, только в Декабре. Передайте, пожалуйста, Александру Николаевичу, что статейка, его интересующая, написана, но я нахожу более удобным привезти ее сначала лично в Петербург. Александр Николаевич может сказать своему племяннику, чтобы тот известил кого следует об уготовлении места—в размере около печатного листа среднего формата,—скорей меньше, чем больше.

Так вот мой московский адрес. У Успенья на Могильцах, угол Малого Успенского и Власьевского переулка, дом Скородумова, квартира Соловьевой.

В ожидании известий крепко обнимаю Вас. Усердно кланяюсь Любови Исаковне и всем друзьям. Надеюсь быть у Вас 2-го Декабря и уж наверное 5-го.

Душевно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

53. [82].

(Телеграмма).

Москва, 11/XII 1898 г.

Еще не поправился. *Соловьев.*

54. [83].

[1898 г.].

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, наконец я махнул рукой на здешние дела, и выезжаю послезавтра (в среду) с тем, чтобы вернуться когда потребуется. Очень соскучился по Петербургу.

Скажите, пожалуйста, Александру Николаевичу, что все его поручения своовременно были исполнены, и что если он на меня, как я слышал, сердится за их неисполнение, то это есть печальный плод недоразумения.

У меня начаты две статьи для Вестника: одна о «непознаваемом» Герберта Спенсера, другая о Лермонтове, которая должна раздразнить гусей разной масти еще более, чем «Судьба Пушкина». Но я думаю, что Вы ничего против этого не имеете. Что касается до Герберта Спенсера, то с ним случилось несчастие. Отмеченный мною для статьи

том его сочинений был мною оставлен в день от'езда из Петербурга вместе с моими калошами в пустой тогда квартире Хитрово под охраной одной старой, но нерассудительной немки, которая, неожиданно уйдя из дому, заперла квартиру на ключ с обоих ходов, так что в момент от'езда необходимые предметы оказались для меня недоступными. В Москве я купил новые калоши, мог бы купить и нового Герберта Спенсера, но мне главным образом нужны мои отметки, так что пришлось отложить статью до возвращения в Петербург, т. е. до Декабрьской книги. А Лермонтова, значит, в Январь.

В виду скорого личного свидания ограничиваюсь сими краткими сообщениями и просьбой передать мой сердечный привет Любовь Исаковне.

Истинно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

55. [84].

(Телеграмма).

Москва, 26/III—1899 г.

Лечусь комнатным воздухом, надеюсь выехать в воскресенье. *Соловьев.*

56. [85].

(Май) 1899.

Вот Вам, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, последние 6 страниц посланной вчера статьи. Тороплюсь и теперь на почту, а потому буду краток и деловит (последнего Вы, конечно, не примете за мое постоянное свойство). Если почта исполнит свои обязанности, то весь оригинал может быть в типографии в пятницу 14 Мая, и значит с этой стороны статья может появиться в Июньской книге, что было бы желательно по ее сюжету. Второй и третий разговор, насколько от меня зависит, последуют непременно. Думаю, что цензурных препятствий нет. Если-бы первый «разговор» оказался *слишком* уж консервативным и благонамеренным для моего однофамильца и несоответствующим текущей минуте, то можно поставить на вид, что все сомнительное в первом диалоге будет опровергаться в двух следующих. Для некоторых отдельных выражений потребуется может быть Ваша внутренняя

цензура; мне кажется, что такой случай только один—по поводу Владимира Монаха.

Получили ли Вы мою телеграмму в Субботу? Я не телеграфировал адреса, потому что думал, что Вы успеете на мое письмо ответить письмом, но теперь это начинает становиться сомнительным, а я буду очень Вам благодарен, если Вы телеграфируете мне два слова о здоровье своем, Любовь Исаковны, соседей и субботников in genere. Надеюсь, что ваш опасный больной жив. А телеграфировать мне нужно Cannes, villa Marie-Mélanie—Solovieff.

Пушествие мое сюда, продолжавшееся вместо 4 суток 8, было полно комических происшествий, разсказ о коих по вышеописанной причине отлагаю до свидания.

Прилагается нечто в роде фотографии.

Вот бледный очерк пухлой рожи:
Портрет без лести, но похожий.

А пухлость произошла от того, что ранее неопытного фотографа мою физиономию уже обработали более опытные любители—комары.

Отселе начинается самая ужасная деловитость. Так как мой аванс прошлого лета, не покрытый стихами и некрологами, будет покрыт чрез посылаемую теперь, то это дает мне смелость просить такового же. А целесообразное удовлетворение сей просьбы, в виду того, что долгая прохлада сменилась жарами, и мои хозяева уезжают через неделю, возможно только посредством телеграфического перевода через банк. В Канне есть банк, называемый Société générale (единственный не закрытый летом), в Ницце ж есть постоянное отделение Crédit Lyonnais. Итак вверяю свою судьбу в Ваши испытанные дружеские руки. Если посылаемая рукопись Вам понравится и внушит желание дальнейшего, то я из деловитого стану наглым и попрошу у Вас к прошлогодней цифре накинуть еще рублей 75, и таким образом снабдить меня 1200 франков, что меня окончательно устроит.

Твердо надеюсь еще захватить Вас в Петербурге. Усерднейше кланяюсь дорогой и сердечно уважаемой Любовь Исаковне и всем близким.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

Мой адрес для перевода тот же самый: Cannes, Villa Marie-Mélanie.

57. [86].

26 Мая 1899. Лозанна.

Дорогой Михаил Матвеевич. Только-что я прочел в Вашем письме, что Вы не одобряете название моего жилища, как сейчас-же его покинул, хотя скрепя сердце, ибо жилище и по живописности местоположения, и по обилию цветов и плодов, и по удобству внутреннего расположения не оставляло желать ничего лучшего. Да и относительно названия—почему Mélanie у Вас, ученого специалиста по древней истории Греции, соединилось вдруг с представлением о прачке Меланье, а не с греческим словом μελαίνη—черная? А разве все черное враждебно поэзии?

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил завсегда.

Или:

Гляжу как безумный на чорную шаль,
И мрачную душу терзает печаль.

Или если это все устарело, то вот Вам слова только что кем-то сочиненного знаменитого романса:

Петербургские белые ночи
Через мрак утомительных дней
Мне напомнили черные очи
И таинственный сумрак аллей.

Тем не менее дружеское чувство к Вам пересилило все мои умствования и, проливши несколько прощальных слез на корни гостеприимных пальм, я отправился в город, прославленный сукиным сыном Руссо и чортовым сыном Кальвином. По дороге в Тулоне, Марсели и Лионе население, повидимому, принявши меня за другого, еще более одичавшего в Африке, Маршана, предлагало мне корону Франции. Сначала я на это пошел и на приветствия толпы отвечал для контенанса по-русски: Ладно, Французишки! я вас не обижу: такого вам фельдфебеля в Вольтеры дам, что только оближетесь. На это раздались огзушительные крики: Vive Marchand deux d'Autriche! Почему d'Autriche? Никакого смысла! Уж нет ли тут подвоха? Не влопаться бы еще в какую-нибудь историю. Ведь вот Буланже—военным генералом был, а не отставным коллежским советником, и то как связался с француженкой на кладбище, так и пулю в лоб. А умный человек Казимир Перье догадался как гоголевская крыса: пришел, понюхал и ушел—вот и по сю пору жив. Обдумал я все это в wagon-lit и на следующей

же станции отказался от французского престола в пользу Федора Федоровича Мартенса: он, мол, вас, французишки, утихомирит. Между тем недоразумение скоро рассеялось. Все дело имело подкладку политико-экономическую. Следом за Маршаном ехал из Африки в Париж американский коммивояжер, везя с собою 10.000 страусовых яиц, которые он решил продать за миллион долларов для употребления в пищу с прованским маслом, что обещало большие торговые выгоды Провансу, а потому местное население и устраивало этому торговцу овации (что было тем более кстати, что яйца на их языке, приблизительно, как и по-латыни— ova). Значит вместо Marchand deux d'Autriche нужно было разуметь Marchand d'oeufs d'autruche: да здравствует торговец страусовыми яйцами. В Женеве я остановился в Hôtel des Bergue, вид коего изображен на сих листах. Но сообразивши строгость Ваших требований, решил, что это название недостаточно поэтично и проследовал в Lausannes, Ouchy, Hôtel *Beau Rivage*. Если и это Вы найдете не поэтичным, то я умываю руки (одеколоном a l'iris). Впрочем сама Лозанна есть город не столько поэтический, сколько педагогический, что явствует уже из ее названия, которое, очевидно, происходит от русского слова лоза. Название же Уши по мнению некоторых также имеет педагогический смысл, а по другим кулинарный, будучи лишь французским произношением русского восклицания ухи!, что подтверждается и озером, кишащим форелями. Однако, чтобы не давать Вам повода к гипотезе, что со времени моего поселения здесь эта местность получила название не ухи, а чепухи, переменю разговор. Я должен здесь пробыть еще несколько дней, но все-таки надеюсь к 5 Июня быть в Петербурге, куда направляюсь, не заезжая в Москву. Вероятно, когда Вы будете читать это письмо, я буду собираться на железную дорогу в Базель. Я понял из Вашего письма, что Вы предпочитаете отложить 2-й и 3-й диалоги до осени. Есть и pro и contra, но в конце концов придется, я думаю, отложить, так как непременно нужно, чтобы эти диалоги были никак не хуже, а насколько возможно лучше первого, и следовательно они должны созреть как следует.

Мой усерднейший поклон дорогой и добрейшей Любовь Исаковне и всем добрым друзьям. Барона еще раз благодарю за милую телеграмму.

Сердечно Ваш *Влад. Соловьев.*

58. [87].

16/VI 1899.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, из дальних странствий возвратясь в воскресенье через два дня после Вашего от'езда, с прискорбием узнал о Вашем заблуждении, в силу которого Вы безо всякой вины и повода с моей стороны решили, что я поселился в городе Базеле, где однако я как намеревался быть, так и в действительности был только проездом в течение 36 часов. Между тем заблуждение Ваше имело и практические последствия в виде длинного, как я слышал, Вашего письма, посланного ко мне в Базель с приложением корректурного оттиска. Ничего этого я, разумеется, не получил и едва ли буду иметь возможность получить. А потому Вам придется, хоть бы в сокращенном виде, изложить мне содержание Вашего письма. Адрес мой пока прежний: Петербург, Галерная, 20, Редакция Вестника Европы.

Узнал я также о внезапном Вашем решении относительно одной статьи. Имею некоторые формальные возражения, которые, конечно, не могут изменить положения дела. Надеюсь к осени приготовить какую-нибудь компенсацию.

Передайте, пожалуйста, мой усерднейший поклон Любовь Исаковне,—отдыхайте хорошенько оба и набирайтесь здоровьем.

Душевно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

59. [88].

(Июнь) 1899.

Глубокоуважаемая Любовь Исаковна,

Я распух, пропитан йодом,
Нос, глаза—в огне,
И являться к вам уродом
Не охота мне.
Трех покойников публично
Должен я почтить,
И, пожалуй, неприлично
Мне четвертым быть,

А потому я хочу сегодня поберечься и не выходить, о чем с искренним сожалением и извещаю Вас.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

60 [89].

(Октябрь) 1899.

Дорогой Михаил Матвеевич! Обращаюсь к Вам так запросто, потому что моя слепота умудрила меня на 27 лет и сделала Вашим ровесником.

Что это не похвальба, а подлинная истина, усмотрите сейчас из содержания этого письма. Я решил мой инцидент с Кони оставить в Швейцарии, именно в Туне (втуне), потому что распространять далее этот *пассаж* будет pas sage. *И с Кони искони я* в хороших отношениях. Несмотря на свои очевидные слабости и на некоторые..... он en somme всегда старается служить добру..... но ничего принципиального не затрогивает, и всякий печатный ответ на нее был бы перенесением личных чувств и страстей в литературу — чего я не одобряю у других, а следовательно и себе позволить не могу. Должен признаться, что кроме этого общего мотива моего решения — были некоторые частные и прежде всего мысль о неудобстве Вашего положения между двумя Вашими сотрудниками, если бы они подрались из-за двух статей, у Вас же напечатанных, да и Любовь Исаковна могла бы справедливо на меня негодовать, что я Вас посадил на такую муравьиную кучу.

Итак, ничего о Кони и против Кони я писать для печати не буду, но вот что я должен Вам возвестить. Если мне удастся написать для декабря «О поэзии Пушкина», то мне совершенно необходимо будет коснуться вначале немногими словами и «Судьбы Пушкина», так как иначе мое неограниченное восхваление его поэзии может показаться (по необязательности логики для читателей) некоторою ретрактацией моего прежнего взгляда на его характер и образ действий: что мое суждение об этом вовсе не относится к поэзии, никто ведь сам собой не примет во внимание, а непременно будут говорить так: «вот два года тому назад ругал Пушкина, а теперь восхваляет, и ясно почему: на синекуру в Пушкинскую Академию захотелось попасть. Во избежание такой дифамации я непременно должен статью «О поэзии Пушкина» начать упоминанием о своей прежней статье и заявлением, что я остаюсь при своем прежнем взгляде, как никем не опровергнутом.

Мою вице-руку куда-то отозвали, и потому кончаю собственною. Усердно кланяюсь сердечно уважаемой Любовь

Исаковне и всем середним и субботним друзьям, не исключая и об'екта этого письма (самого-то письма Вы ему, конечно, не покажете).

Глаз мой в прежнем положении,—принимаю гомеопатию.

Душевно преданный *Влад. Сол.*

61 [90].

21 Июня 1900.

Ну как Вы живете, дорогая и сердечно уважаемая Любовь Исаковна? Пишу Вам из присутствия, где сейчас видел одну даму заплаканную, — так сразила ее непреклонность Михаила Матвеевича.

Скоро думаю отправиться на несколько недель в Малороссию к одному тоже сраженному, но не Михаилом Матвеевичем, а злою судьбой, одинокому отшельнику. А пока живу между Пустынькой и Петербургом. Из общих друзей видаю только Людвига Зиновьевича, так как даже и Александр Николаевич неуловимо порхает, словно летняя бабочка. Сейчас прочел в газетах два известия: одно — достоверное, а другое—недостоверное. Достоверное состоит в том, что знакомый Вам доктор Донберг убит из пистолета офицером, у которого он отнял жену, а недостоверное гласит: «Присяжный Поверенный В. Д. Спасович по предписанию врачей переселяется на жительство...» куда бы Вы думали?— «в Москву». Слыхали ли Вы о таком курорте?

Собирался одновременно с Вами писать и Михаилу Матвеевичу, но узнаю, что он переезжает из одного города в другой, и потому откладываю письмо ему до следующей среды.

Очень тоскливо в Петербурге после вашего от'езда. Но набирайтесь здоровья и сил и непременно на море. А осенью будем говорить о китайцах.

Ваш сердечно *Влад. Соловьев.*

P. S. На всякий случай должен об'яснить, что у вышеупомянутой заплаканной дамы скоропостижно умер сын, так что в ее заплаканности Михаил Матвеевич может быть и не виновен.

62 [91].

География: Пустынька, Петербург, Москва, Калужская губ., Тамбовская губ. — и обратно. Топография в дан-

ную минуту: кабинет редакции «Вестника Европы». Хронология: Среда 28 Июня (11 Июля) 1900 г. (История, автобиография, Поэзия и Политическая экономия: см. ниже). Метеорология — по Демчинскому: мороз и вьюга на экваторе, жары на полюсах и 25.000 руб. в кармане, действительная температура в СПБ. + 16 R.

Дорогой, глубокоуважаемый и многочтимый Михаил Матвеевич! Хотя я в сущности согласен с политическими Вашими суждениями, изложенными в письме к Л. З., но позвольте дополнить следующим поэтическим впечатлением:

ДРАКОН.

(Зигфриду).

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело,—
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»
Наследник меченосной ратп!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоем булате,
И речь грозящая—свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч—одно.

От исторической поэзии перехожу к политико-экономической автобиографии: чтобы развязаться с гостиницей, я взял у Слиозберга летний аванс в размере несколько большем прежнего, но за это осенью заплатит сполна наш общий знакомый А. С. Пушкин.

Будьте здоровы, дорогой Михаил Матвеевич, вспоминаю Вас ежедневно, Любовь Исаковне писал.

Ваш *Влад. Соловьев.*

P. S. Я не обижусь, если Вы найдете мое стихотворение неудобопечатаемым, так как и сам сомневаюсь на этот счет. Но, пожалуйста, известите Л. З. (так как я в воскресенье уезжаю на Калугу и Полтаву), чтобы в случае Вашего одобрения оно могло попасть в Август. Список я ему оставляю.

Дорогая и глубокоуважаемая Любовь Исаковна, вслед за Вашим вопросом другой телефон принес мне ответ, приятный для меня: *могу* обедать у вас сегодня. Итак до свидания в 7 час.

Сердечно преданный *Влад. Соловьев.*

БРАТУ М. С. СОЛОВЬЕВУ [1]).

1.

(1883).

Милый мой Миша!

Надеюсь, ты получил мое последнее письмо, отчасти деловое, и надеюсь на-днях иметь твой ответ.

А вот тебе еще поручение, более важное, но менее скучное. Поезжай или лучше иди пешком в хорошо известный тебе Калошинский переулок [2]), найди там дом Давыдова, а в оном приезжего поверенного Владимира Григорьевича Чайковского. Напомни ему о моем существовании, передай ему мой дружеский поклон и вместе с тем прилагаемое письмо от С. П. [3]) (прочтя оное предварительно) и снабди все это необходимыми комментариями. А когда будешь у Марконетов, то поклонись им, но совершенно независимо от этого зайди в близлежащую редакцию «Руси» и узнай, печатается ли моя большая статья о папстве и протестантстве, посланная две недели тому назад.

Будь здоров, голубчик. Жду известий. Сердечно кланяюсь твоим.

Влад. С.

2.

(1883).

Милый Миша!

Напиши мне что-нибудь о себе, а также сообщи куда писать нашим странницам на погибельном Кавказе.

---

[1]) Письма извлечены из «Богословского Вестника» 1915, № 9 и 1916, № 1.

[2]) В Калошином пер. жила невеста Михаила Сергеевича О. М. Коваленская.

[3]) С. П.—София Петровна Хитрово, племянница Алексея Толстого.

Я, кажется, почти выздоровел, но у меня был настоящий тиф, даже волосы стали лезть, и я должен был обрить голову. Это настолько умножило мою красоту, что юнейший из здешних младенцев Рюрик с озабоченным видом спрашивал у всех домочадцев: «Ведь Соловьев урод, правда, урод?» Я теперь переписываю продолжение «Великого спора», посылаю Аксакову к 15 июля. Читаю по-польски и по-итальянски. Мирное течение прорывается иногда кровавыми происшествиями. Недавно большой желтый пес Рог с'ел также желтую, но маленькую белку. Вета [1]) пяньчила на руках свою любимую белку и вдруг нечаянно уронила ее на землю. Рог ринулся с быстротой молнии, откусил ей голову, в неистовом аппетите проглотил туловище и утерся хвостом вместо салфетки. Невольно вспоминаются слова поэта:

Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрерывно и напрасно
Один враждует он. Зачем!
Да, за человека страшно!

Жду Левушку [2]), но, вероятно, он споет:

Не жди меня, не жди напрасно!

Поскорей присылай мне адрес мама. Я хочу написать ей к 7 июля.

Был ли ты в Москве и как торговля? Перед моим от'ездом кто-то купил, но увы! — только на 12 руб., которые я берегу для тебя — пересылать не стоит. — Жду большого письма от тебя, мой милый. Пожалуй, раньше октября не увидимся.

Обнимаю тебя крепко, сердечно кланяюсь Ольге Михайловне и всем в Дедове. Также и Софья Петровна.

Она благодарит О. М. за письмо и будет писать.

Твой *Влад. С.*

3.

(1883).

Спасибо очень, милый Миша, за милое письмо. А я уж думал, что ты совсем меня забыл, и уже собирался напоми-

[1]) Письмо написано из имения Толстых «Красный Рог». Упоминаемые дети Вета и Рюрик — Елизавета и Георгий Хитрово.

[2]) Левушка — Л. М. Лопатин.

нать тебе. Теперь пишу наикратчайше, ибо тороплюсь очень переписывать третью статью. Я все еще нездоров.

Денег посылать не надо.

Если собираешься написать, то сообщи, кто именно хвалит и кто бранит «Хр. пол.» [1]).

Будь здоров, голубчик.

С. П. тебе очень кланяется. Относительно ее все какая-то дрянь тянется — не стоит писать.

До свиданья.

Твой *Влад. С.*

4.

(1883 г.[2]).

Милый Миша!

Извести, пожалуйста, о моем от'езде на месяц или три недели (Софья П. больна не опасно, но тяжело) — извести записками Баратынских (Малая Никитская, дом Федорова) и г-жу Полянскую (Екатерину Ивановну, тоже Малая Никитская, у Егорья на Всполье, дом Ножиной. А также я просил бы тебя зайти к Аксакову и сказать ему, что за мной (вероятно, по настоянию Победоносцева) учрежден полицейский надзор и здесь у меня даже отобрали паспорт, но потом возвратили. Поэтому чтобы он не пенял на меня, если мои послания (статьи и т. п.) будут опаздывать или доходить косвенным образом.

Может быть, все это основано на недоразумении. Мне больше смешно. Через неделю я думаю приехать в Москву на день или два. Будь здоров, кланяемся Ольге Михайловне.

Твой *Влад. С.*

Лопатин, Шеншин и т. п., вероятно, будут извещены нашими. Мих. Ив.[2]) я телеграфировал. Если моя рукопись к Акс. не дойдет во-время, то попроси его в ближайшем № напечатать поправку опечатки в моей последней статье. Напечатано *улероды*, следует *улеводы* — справься на какой странице и строке.

Спасибо, милый, будь здоров.

Влад.

---

[1]) Хр. пол. — Христианская политика.

[2]) Мих. Ив., вероятно, Михаил Иванович Хитров, бывший преподавателем истории в Московской 6-ой гимназии, а потом священником. В молодости он был домашним учителем Михаила Сергеевича и сохранил до конца дружеские отношения с домом Соловьевых.

(1883).

Милый мой Миша!

Если и это мое письмо погибнет как прежнее, то от этого потеряю только я. Ибо имею к тебе просьбу для меня нужную, а для тебя скучную. Я забыл в Москве начатое предисловие к Гелленбаху[1]). А его уж, верно, ждет А. Н. Аксаков. Итак, если будешь этими днями в Москве, то, пожалуйста, разыщи и пришли мне заказным письмом: это несколько листов переписанных и несколько черновых, кажется, без заглавия, а говорится там о душе и теле (какое-то определение души), о Декарте, о спиритуализме, механическом мировоззрении и т. д. Кстати, все полученные без меня письма можешь вскрыть, и если окажутся какие-нибудь важные или интересные, то пришли вместе с рукописью. — Книжку свою я решил напечатать в «Православ. Обозрении», а потом оттисками оттуда. Я послал Аксакову шестую статью «Велик. спора», очень большую, о папстве и протестантстве, — вероятно, уже напечатана. Еще будут три, и затем нужно будет издать отдельной книгой со включением всего, что я писал о Церкви, и кой-чего другого. Эту книгу я, может быть, поручу тебе, если не проведу зиму в Москве.

Тебе, верно, неизвестно, что я этим летом напечатал в «Нов. Врем.» две политические статьи, из коих первая — о соглашении России с Римом — была по распоряжению министра иностранных дел перепечатана во французском переводе в «Journal de St.-Pétersbourg».

Благодарю, не ожидал!

Теперь о самом скучном: по поводу книжных дел для меня вполне ясно одно — что при теперешнем сбыте печатать новые издания по 1200 экз. не имеет никакого смысла; если прежде такое количество расходилось в 8—10 лет, то теперь оно будет расходиться в 30—40 лет, а такие мифические сроки принимать в расчет — не расчет. По 600 экз. за глаза довольно на весь век. Мне до зимы денег не нужно — да об

---

[1]) Сочинение Л. Гелленбаха «Индивидуализм в свете биологии и современной философии», издано А. Н. Аксаковым. СПб. 1884.

этом нечего и толковать, пока ты еще не вернул себе выданных мне в апреле 500 руб.

Будь здоров, мой голубчик, кланяйся твоим.

Твой *Влад. Сол.*

6.

(1884 г.?).

Милый Миша!

Прошу тебя доставить прилагаемое послание верным образом Каткову. Я писал тебе третьего дня и еще повторяю, что я сижу на мели без гроша, в самом неловком положении. Надеюсь хоть что-нибудь накопилось же для меня в обоих складах за два месяца. Во всяком случае простри поскорее руку помощи.

Все письма посылаю заказными. Будь здоров. Целую, кланяюсь.

Твой *Влад.*

7.

(Октябрь 1884).

Милый Миша,

здравствуйте!

Обращаюсь к тебе с вопросом, который, может быть, тебя удивит, но меня еще более удивит твой отрицательный ответ, ибо тогда придется допустить вмешательство так называемых чертей в мою повседневную жизнь. Не взял ли ты невзначай (или взначай) моего Perrone, «Praelectiones theologicae» (три первые тома)? Я выворотил все шкафы и одну ночь спал как Марий на развалинах Карфагена или как Плиний на последнем дне Помпеи. Разрушить разрушил, но найти не нашел. Также не нашел греческого Нового Завета (который мне нужен), а равно и «Трех речей», которые мне не нужны. Итак сообщи относительно Perrone и греческого Завета.

Получила ли Ольга Михайловна благодарственные стихи Фета? Монми он чрезвычайно доволен, говорит — хоть сейчас в Хрестоматию. Я в Хрестоматию не пошлю, потому что не знаю ее адреса, а отдам в «Русский Вестник» (на Страстном бульваре). Посылаю 2 экз. двух своих книжек. Написал одну

главу «Теократии» на текст: «Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли». Кажется, недурно. Будьте здоровы.

Уезжаю в Петербург в воскресенье или в середу. Если Perrone у тебя, извести меня по телеграфу.

Надеюсь, что Владислав не пострадал от холеры.

Твой *Влад.*

8.

(18 Февр. 1885).

Милый мой Миша!

Только вчера, 17 февраля, получил я твое письмо от 28 января. Произошло это оттого, что я уехал на масленицу в Пустыньку, а там захворал не то маленькой корью, не то большущей крапивной лихорадкой, осложненной чем-то нервно-церебральным.

Хотя все это продолжается, но мне наконец надоело, и я приехал в Петербург доканчивать свои занятия в Библиотеке. Я уже читаю шестнадцатый фолиант Mansi и многое другое на-дому. От себя пока ничего не мудрствую письменно, т. е. свожу только материалы. Нет ли у вас во Владимире каких-нибудь следов «Православного Обозрения»? Я так и не знаю, был ли помещен мой отрывок о «Теократии». Относительно Янссена я тоже огорчен. Первая половина — об умственном состоянии Германии — которая тебе неизвестна, значительно интереснее второй; тем не менее Катков «колеблется», находит, что это «апофеоз католичества». Я решил у него взять и попробовать или в «Журн. Мин. Нар. просв.» или в «Прав. Обозр.».

Во всяком случае, пока это не будет напечатано, я не стану продолжать изложение Янссена, ибо мне теперь и труд и время дорого. Ко мне весьма пристает о сотрудничестве новая газета «Голос Москвы», сначала непосредственно, а потом через Леонтьева. Я в одну ночь набросал нечто о церковных делах; если пройдет через цензуру, можно будет ради денег побаловаться.

Впрочем, я пока для себя не нуждаюсь и твое братолюбивое предложение с благодарностью отклоняю. Мой еврей называется Рубин, а Рабинович есть его ученик. Статский советник Лесков ввел тебя, кажется, в заблуждение насчет

Нового Израиля. Я читал документы, их символ, литургию и проч. Это противоположность протестантства, хотя очень похоже на него.

Дело в том, что протестантство, если смотреть в корень, есть отрицание закона, а Нов. Изр. обеими руками держится за закон. Скорее это первобытная пудействующая форма христианства, из которой вышел не протестантизм, а Церковь. Посему я думаю, что если это дело не будет задушено в колыбели (я читал в газетах, что Рабиновича уже убили), то оно послужит для положительной реформации Церкви и Синагоги. Поэтому протестанты очень несочувственно отнеслись к этому движению.

Решительно не понимаю, почему московские жирондисты вознегодовали на Пассарта; впрочем, нет: решительно понимаю,—это потому, что Флеров сотрудник «Московских Ведомостей». Я читал Вольтера и несомневаюсь, что он был величайший пошляк. Следовательно, Пассарту можно упрекнуть только за то, что он считает Вольтер царем мысли, тогда как он царил только там, где никакой мысли не было. Но ведь ни самого Пассарта, ни его слушателей никто насчет мысли и не подозревает,—следовательно ясно, что все дело в «Московских Ведомостях», не даром же тут и Юрьев присутствовал.

. . . . . .

Рассуждение Мих. Ив. подобно сему: люди всегда будут убивать друг друга,—так какой же нам грех зарезать свою бабушку; тело бренно, а единение духа можно сохранять и с покойницей.—В этом вся идея нашего восточного антикатоличества.—Чтобы приземлить сей грустный сюжет, сообщу тебе несколько написанных мною стихотворений. Как видишь, я отдаю дань цивилизации, сохраняя плевки свои в кармане своей памяти. Сообщаю те, которые не напечатаны:

ПОЭТУ-ОТСТУПНИКУ.

1.

Восторг души расчетливым обманом,
И речью рабскою — живой язык богов,
Святыню мирную шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов. И т. д. [1]).

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е. СПб. 1900, стр. 6.

II.

Какой тяжелый сон. В толпе немых видений,
Мелькающих и реющих кругом,
Напрасно я ищу той легкокрылой тени,
Что тронула меня невидимым крылом. И т. д. [1]).

III.

От пламени страстей, нечистых и жестоких [2]),
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты.
Но средь житейской мертвенной пустыни,
Не на распутье праздных дум и слов
Найти нам путь к утраченной святыне,
Напасть на след потерянных богов.
Не нужно их! В безмерной благостыне
Наш Бог земли Своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К смиренной высоте открыл и указал.
И не колеблются Сионские твердыни,
Сионских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине
Святая лилия нетленна и чиста.

(Вариант последней строфы):

Да! Не «колеблются» Сионские твердыни.
О если бы Катков им подражал!
И с щедростью, обычною и ныне,
Мне гонорар за Янссена отдал.

IV.

Под чуждой властью знойной вьюги
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв. И т. д. [3]).

Я же исчезну из Петербурга в половине марта, а в апреле, если не исчезну из мира живых, то приеду во Владимир. Впрочем, до того еще увидимся, конечно, в Москве на Пасхе, а пока крепко тебя целую и сердечно кланяюсь Ольге Михайловне.

Да! Не видано на свете столь смердящих дураков, как Гиляровы все эти, Данилевский, Марков!

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е, СПб. 1900, стр. 39.
[2]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 6-е, Москва. 1915, стр. 268. Впервые помещено в 6-м издании.
[3]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е, СПб. 1900, стр. 11.

9.

(1885).

Милый Миша!

Очень был рад получить твое письмо. Последнюю неделю я проводил в Пустыньке и не читал никаких газет. Перед тем виделся с одною важною петербургскою особой, которая говорила мне, что моя статья в «Руси» произвела волнение в высших сферах. Надеюсь, однако, что Аксаков не предостережен. Я хочу напечатать в «Православном Обозрении» часть предисловия к своей «Теократии»—именно обзор полемики по вопросу о соединении Церквей. За последние месяцы появились три большие статьи в «Вере и разуме», стоящие внимания. По крайней мере, это единственно интересное, что доселе представлено нашими противниками соединения. Мой обзор почти написан, цензор закуплен, Преображенский согласен. Приеду в Москву и напечатаю кроме «Прав. Обзор.» отдельною брошюрой в 600 экз. Поручение, которое я хотел тебе дать, не спешное, могу сам исполнить по приезде в Москву.

. . . . . .

В вагоне, где я ехал, была женщина с детьми, которые делали всякие гадости столь зловонные, что я должен был выбежать на площадку между вагонами, дабы меня могло вырвать на просторе. Боюсь, что это было преобразованием той нравственной (моральной) рвоты, которая меня ожидает. Будь здоров. Очень кланяюсь Ольге Михайловне.

Твой *Влад.*

10.

(1885).

Милый Миша!

Это что же такое, что о тебе ни слуху ни духу? А я еще хотел к тебе обратиться с маленькой просьбой и поручением. И не обращусь.

Ограничусь известием, что я вызываю на смертный бой Голиафа, обитающего на Страстном бульваре[1]). А вызов мой в ближайших №№ «Руси» под заглавием «Государственная философия в программе Министерства Народного про-

[1]) Т. е. М. Н. Каткова.

свещения». Если бой не будет принят, то я буду считать себя победителем. Подпись П. Б. Д. желающим не возбраняется принять за сокровенную фамилию Победоносцева. Засим (в рукописи далее зачеркнуто: и Савватий). Будь здоров, это — непременно. Кланяюсь очень Ольге Михайловне и всем вашим. Если преложится естества чин и ты вздумаешь мне написать, то адресуй пока так:

Петерб., Фурштадтская, 9, кв. гр. Голенищева-Кутузова. В. С. С.

Пожалуйста, веди себя хорошо и будь здоров.

Твой *Влад. С.*

11.

(1885).

Милый мой Миша, тысячу раз собирался писать тебе и вот дотянул до Нового Года. Занятий бездна,— чем дальше в лес, тем больше дров. Сверх того 1) я говел, 2) Крамской пишет с меня портрет, 3) Александровские и Рубины опять упражняют мою изобретательность в приискании им новых более подходящих занятий. В настоящее время я в Пустыньке[1]), где дети в кори, а графиня в отсутствии. — Кроме комплиментов Фету я написал еще три стихотворения, из коих одно напечатано в «Р. В-ке», а два остальные требуют исправления. Книга моя подвигается, но отрывок из нее, отданный мною в «Прав. Об.», застрял; также застрял и Янссен у Каткова. По получении сего извести меня, пожалуйста, немедленно (Саблино, Никол. жел. дор. и т. п.), долго ли ты остаешься в Москве; я остаюсь здесь до 6 или 8 января, а в Москву раньше марта или даже апреля попасть не рассчитываю.

Будь здоров, хорошего тебе новолетия.

Кланяюсь очень Ольге Михайловне.

Пиши.

Твой *Влад. Сол.*

---

[1]) Пустынька—имение Алексея Толстого, около станции Саблино, на берегу Тосно. «Графиня в отсутствии» — графиня София Андреевна Толстая, вдова поэта. «Дети в кори» — дети Софии Петровны Хитрово, племянницы Толстого.

12.

(1886).

Милый друг мой Миша,

благодарю вас за добрую память. Очень огорчен, что ты хвораешь. Полагаюсь, однако, если не на твое, то на жены твоей благоразумие, что вы делаете все, что нужно для здоровья. Я сам все это время страдаю от довольно глупой болезни, состоящей в распухании всего лица и в особенности глаз без особенной боли, но со страшным зудом, периодическим, что, однако, не мешает ни работе, ни питанию, ни сну. Я в Пустыньке жил почти все время один совершенно, в огромном, старом, холодном доме, спал большей частью не раздеваясь в двух пальтах, зато много работал, написал весьма большую главу из ветхозаветной теократии. Писал по новой методе, а именно: без всяких черновых, а прямо набело—под один локоть Библию, под другой белую бумагу—и строчу. Кажется, не вредно, а сокращение времени большое. Прочитал между прочим со вниманием два томища о дарвинизме покойного Данилевского—весьма интересно, но...

Но напрасны все усилья:
От ударов тяжкой стали
Позолоченные крылья
С шлема Свена уж упали,
Пронзена в жестоком споре
Кнута крепкая кольчуга,
И бросается он в море
С опрокинутого струга...

что и сделал Данилевский, опрокинувши дарвинизм только для того, чтобы броситься в пучину непосредственного и произвольного творчества.

Сие вот чему подобно. Если бы я теперь внезапно пред тобою предстал, а ты, не малое на лице изумление явивши, меня вопросил: «как ты сюда попал?», а я бы по долговременном размышлении наконец ответствовал: «меня Бог принес», — то на таковой ответ ты всеконечно имел бы резон возразить: «что никто как Бог,—о сем я, благочестивое в доме родителей моих воспитание приявший, довольно осведомлен и никакого сумнения не пред'являл. Вопрошаю же я не о первой и всеобщей причине всякого бытия, а о вторых и частнейших причинах твоего сюда прибытия»; в каковых словах, медленным и разительным гласом произ-

несенных, нарочитая маловажность и конфузность моего вышеописанного ответа знатно об'явилась бы.

Потому думаю написать защиту дарвинизма с философской точки зрения, если только заранее согласится Стасюлевич, для «Вестника Европы».—Впрочем, все что можно сказать против дарвинизма с разных сторон, кажется, сказано в огромном труде Данилевского, хотя самые сильные возражения, если не ошибаюсь, были уже высказаны английским зоологом Мивартом (о котором и Дан. упоминает) и немецким философастером Гартманом, о котором он не упоминает.

Если это так, то, пожалуй, какой-нибудь западник и космополит скажет: почто и колокольчик, дарвалдая, гудит уныло под дугой, когда по этому самому месту уже машина проехала?

Но довольно о сем.

Где и отчего более месяца прокисает моя книжка о догматическом развитии? Надеюсь, что только от Преображенско-типографских[1]) причин. Неужели есть какая-нибудь более неприятная задержка? Мое «раскрытие вопроса», как выражается о. протопресвитер, столь ясно и *невинно*, что если бы кого-нибудь *испугало*, то это было бы поистине водобоязнью.

Извести, пожалуйста. Примечание от редакции хотя и показало мне необходимость еще разжевать пункт о халкед. запрещении, в общем, однако, довольно меня утешило. Ибо если только откажутся a Patre solo, по существу как *догмата*, и сведут все дело к (мнимому) нарушению (сомнительного) *дисциплинарного* постановления Халкедонского собора о символе, то и для слепого видно будет, что первоначальный предлог разделения выеденного яйца не стоит. Но о сем довольно. — Гибель моего рождественского письма, кроме общего напоминания о бренности всех дел человеческих (я и две марки наклеил, и сам в ящик опустил), было мне неприятно еще потому, что я там посылал тебе доверенность на гонорар, который удобнее было получить до Нового Года. Впрочем, деньги получать никогда не поздно. Итак, посылаю опять доверенность,—зайди, получи и напиши для сведенья, сколько останется за мною.

---

[1]) Преображенский — протопресвитер Преображенский, редактор «Православного Обозрения».

Относительно об'явления о книжке напишу когда выйдет. О прочих житейских делах писать не желаю—грустные сюжеты.

Будь здоров и помни обо мне.

Относительно *Διδαχη* [1]) на все согласен, что тебе угодно. Написал большое стихотворение, которое находят очень звучным. Прочту при свидании. — Кланяюсь Ольге Михайловне.

Твой весьма *Влад. С.*

13.

(1886).

Милый мой Миша,

очень благодарю тебя за хлопоты. Все получено как следует. Только Преображенской напутал. Я ему еще в Москве и говорил и писал, чтобы он *двести* экземпляров у себя оставил. Итак распорядись, пожалуйста, прежде чем делать об'явление, чтобы оные были ему отосланы (двести экз.). Вот еще вопрос, решение которого предоставляю тебе вполне: Преображенское примечание напечатано так, что его можно весьма легко вырезать из каждой книжки, но *стоит* ли?

Милый Миша, будь, пожалуйста, здоров. Я по тебе соскучился. Если желаешь знать, что я делаю, то знай, что более всего занимаюсь еврейским языком. Беру уроки у одного талмудского юноши. Когда приеду в Москву, еще не знаю. Посылаю форму об'явления.

Спасибо, милый. Кланяюсь очень Ольге Михайловне и всем вашим. В каком виде мой крестник? Напиши мне еще, я очень люблю твои письма.

(Следует подпись на еврейском языке).

14.

(1886).

Спасибо, милый Миша,

за твое письмо, коего юмористическую часть я даже читаю избранным друзьям. Но что же ты будешь делать со своей болезнью? В каком море тебе нужно купаться? Если все равно в Балтийском — то ведь это легко осуществимо. Да и в Черное поехать не так уже трудно. Другое дело, если б

[1]) Перевод *Διδαχη* сделан Мих. Серг. Соловьевым.

в Малайский архипелаг. Впрочем, об этой для тебя скучной материи успеем поговорить при свидании. Я думал до Пасхи еще уехать за границу, но, вероятно, к Пасхе только в Москву приеду. Литература разная одолела. Скучно описывать.

В еврейском успеваю, и если нам придется с тобою пожить летом на близком расстоянии несколько недель, то могу тебе давать элементарные уроки.

О. Петру[1]), если случится, можешь сообщить (через кого-нибудь), что я нисколько на него не сержусь, а напротив того приготовил нечто для «Прав. Обозр.».

За мною здесь ухаживают, с одной стороны, «Новое Время», а с *другой* — либералы, не говоря уже о евреях. Я веду тонкую политику (если бы имел тюрнюр, то сказал бы кокетничаю) и с теми, и с другими, и с третьими.

Зато с казенною Россией я потерял всякое соприкосновение. Дивлюсь только издалека ее мудрости. Видел, впрочем, и вблизи в Ревеле как искусственными и глупейшими способами возбуждается ненависть немцев к России и революционные стремления разных чухонцев. Но это все пустяки в сравнении с законом о военной повинности. Тут уже совсем quem Deus vult perdere.

Однако у меня сидит гость, и нужно быть вежливым.

Итак до свидания теперь уже во всяком случае скорого. Кланяюсь и целую.

Твой *Влад.*

15.

(Лето 1886).

Милый Миша, надеюсь, что ты благополучен, а о моем маленьком злоключении, вероятно, извещен. Вера сообщила тебе, как я «избавился от зла» (по терминологии Л. Толстого), или «пятикратно отрекся от Екатерины» (по терминологии Нила Александровича[2]). Хоть на место похищенных коварным Личардой[3]) 500 руб. я получил от Веры и от малознакомого, но многодобродетельного В. А. Писаренко новых 450, тем не менее вся эта история (особенно разоча-

[1]) О. Петр — Преображенский, редактор «Православного Обозрения».

[2]) Нил Александрович Попов — муж сестры Соловьева, Веры Сергеевны, профессор русской истории в Московском университете.

[3]) «Верный Личарда»—разумеется слуга Алексей, много лет живший у Соловьевых и укравший 500 рублей.

рование в домочадцах) произвела во мне некоторое головокружение, вследствие чего прямолинейное направление к месту назначения сделалось невозможным, и я стремлюсь по окружности круга, как-то: Пустынька, Ревель, Гапсаль, Штетин, Бреславль, Вена. В настоящую минуту я нахожусь в Гапсале, чего и тебе желаю.

Без всяких шуток я нахожу, что это было бы тебе гораздо полезнее и приятнее, нежели Крым. Климат теплый, виноград растет на воздухе (хотя, конечно, не вполне дозревает), температура моря не бывает ниже 18°, а в середине лета обыкновенно 25—27. Есть необычайно целительные грязи, и жизнь весьма комфортабельно по-немецки устроенная. Если бы меня не влек Штроссмайер и супруга его Теократия, то я бы остался здесь на все лето. Подумай хорошенько, и если придумал ехать в Гапсаль, то ступай таким образом: с вечерним поездом ступай до станции Тосно (Николаевской жел. дор.), прибыв туда, ты едешь через полчаса в *Ревель*, а оттуда на пароходе в Гапсаль. Если ты в четверг вечером выедешь из Дедова, то в субботу вечером будешь в Гапсале. Напиши мне, и я тебя могу подождать здесь. Так как клятва действительно запрещена евангелием не только от Толстого, но и от других евангелистов, то я даю тебе честное слово, что по всей совести и без всяких корыстных соображений (например, с тобой увидеться) полагаю, что Гапсаль будет тебе полезнее, чем Крым.

До свидания если не в июне, то в августе, а если не в августе, то в октябре.

Кланяюсь очень Ольге Михайловне и всем.

Твой *Влад.*

Пароходы идут не каждый день. В субботу есть наверно, и еще, кажется, в середину или четверг.

Я посылаю нашему пчеловоду Введение в *Διδαχή* (твоя рукопись уже давно у него). Если он не будет торопиться изданием, то не найдешь ли возможным τρόπος τοῦ Κυρίου передать *обхождение* Господне?

16.

(1886).

Милый мой Миша!

Не дождавшись твоего точного адреса в Крыму, я должен был дожидаться твоего возвращения на родину, о кото-

ром ныне меня извещают. Из письма твоего, которое мне переслали в Вену, я не усмотрел, успел ли ты получить мое из Гапсаля, которое глупая почта направила сначала в Крюково Псковской губернии. Кажется, ничего особенного в нем не было. Я живу в Загребе у каноника Рачкого самым каноническим образом: встаю в 8 час., хожу каждый день к обедне в прекрасный старый готический собор, питаюсь на зло соседней холере исключительно зеленью и плодами и пью чрезвычайно хорошее хорватское вино, которое должно заменять мне и чай по обычаям этой страны. Книга печатается пока довольно медленно, но исправно. Корректирую третий лист. Русского корректора не нашел. Таким образом, будут посылать в Россию заказными письмами. С епископом Штроссмайером на свидание ездил в здешний курорт Rohitsch-Sauerbrunn, где он лечится водами. Прекрасное горное местечко (начало Штирийских Альп). Я прожил там десять дней. О старике расскажу при свидании. Недели через три поеду к нему в Дьяково, а потом опять в Загреб. А в Россию, если ничего особенного не случится,—только в октябре. A propos. Не накопилось ли для меня чего-нибудь в московском или петербургском складе. У меня только 15 гульденов осталось. Пришли, пожалуйста, сколько-нибудь австрийскими бумажками. Autriche, Hongrie, Agram. A M. le Président de l'Acad. des Sciences Dr. F. Rački (Kaptol, 13) pour Dr. Vl. Sol.

А прежде всего напиши письмо и пошли его непременно заказным. Самого Крыма можешь и не описывать, но действие его на твое здоровье сообщи непременно. Когда будешь в Москве, разузнай, пожалуйста, какая судьба ожидает посланное мною из Гапсаля Введение (довольно обширное) в нашу *Διδαχή*.

Будь здоров, мой милый. Кланяюсь очень О. М. и всем вашим. Целую крестника.

Твой *Влад.*

17.

(1886).

Милый Миша, надеюсь, что ты здоров. Я писал тебе дважды и с беспокойством дожидаюсь твоего ответа. Пока не получу его, пишу только о необходимом.

1) Еп. Штр. ждет меня в своем Дьякове, а я не могу тронуться, не имея ни гроша. Если ты еще не отправил мне,

как я тебе писал, австрийскими бумажками, то сделай иначе, а именно: по телеграфу из какого-нибудь московского банка в какой-нибудь *венский* и с переводом из последнего в Kroatische Escompte-Banque (в Agram).

Прямых сношений банковых между Москвой и Загребом нет, но через Вену будет почти так же скоро. Если же почему-нибудь этот способ тебе неудобен, то можешь послать (но только как можно скорее) русскими бумажками, — оказывается, что их здесь меняют.

2) Я никак не могу добиться толку от Преображенского насчет посланных ему Введения в *Διδαχή* и распространенного экз. «Догмат. разв.» для второго изд. Когда будешь в Москве, пожалуйста, осведомись об этом в редакции (кто-нибудь там есть же) и напиши мне. Последнее мое распоряжение Пр-му относительно 2-го изд. «Догм. разв.» состояло в следующем: напечатать текст со всеми изменениями и дополнениями, которые сделаны в посланном ему экземпляре, но пока без предисловия, ибо я пришлю ему новое предисловие, которое может быть напечатано потом с римскою пагинацией. Если он, паче чаяния, не получил моего последнего письма или, получивши, не сделал соответствующего распоряжения о напечатании, то, пожалуйста, всемерно употреби настоящие и *в крайнем случае* извлеки из хаоса упомянутый оригинал и сам отдай его в типографию (без предисловия); ибо откладывать второе издание не имеет смысла, так как в начале зимы должен выйти первый том «Теократии», который, может быть, и не будет запрещен в России.

3) (Менее необходимое). Если не ошибаюсь, у тебя есть № «Слав. Изв.» с моим ответом Данилевскому. Не можешь ли ты (посредством вырезки или отдавши переписать) извлечь этот ответ и, исключивши из него все начало (до вопроса о filioque) и затем последние слова, обращенные прямо к Данилевскому и начинающиеся, кажется, так: «Если г. Д. не удовлетворится настоящим ответом, то и т. д.», и оставивши таким образом все, что касается filioque, формы церковн. правления, богословской свободы, а также и речи ап. Павла в Афинах, — надо всем этим надписать: *Приложение.* Из ответа на статью Н. Я. Д-ского в «Изв. Петерб. Слав. Общ.»—и в этом виде и с этою надписью присоединить это к оригиналу 2-го издан. «Догмат. разв.» (разумеется, после текста) для напечатания в этом 2 изд. (с общей пагинацией).

Повторяю, сия не суть важна, и если тебе недосуг, то

можешь en bonne conscience оставить этот 3-й пункт без исполнения. Но первые два очень прошу исполнить. Особенно первый: мне весьма неловко,—не просить же денег у хозяина, которому я и без того на шею сел. — Пожалуйста, по получении сего письма пришли мне краткую и неразорительную телеграмму.

Кланяюсь очень (это я, а не телегр.) О. М. и всем твоим. Прости, что доставляю хлопоты.

Влад.

18.

(1886).

Слава Богу, дорогой мой Миша, что ты жив, здоров (по-видимому) и благополучен. Я уже начинал относительно всего этого беспокоиться. Посланный тобой билет, который я разменял, хотя и на 8 дней, но без всяких затруднений, избавил меня от крайности занимать деньги у моего великодушного и гостеприимного хозяина, дабы ехать в Дьяково к еп. Штроссмайеру, который усиленно вызывал и торопил меня письмами и телеграммами. Еду сегодня ночью и думаю пробыть там две или три недели.

Из письма твоего я увидел, что ты отвечаешь на мое, посланное от 16 или 17 июля, а дальнейших еще не получал. Пожалуйста, как только получишь настоящее (если это будет до 1 сентября стар. стиля), телеграфируй мне четыре слова о 2-м изд. «Догм. разв.», а именно: Diakovar Biscupski Dvor Dr. Soloviev. Seconde édition sous presse. Soloviev.

Ты может быть спросишь с удивлением: но что если оно не sous presse? На это отвечаю: сего не должно быть, ибо если Преображ. не отдал, то ты возьми из редакции приготовленный мною оригинал 2-го изд. (без предисловия) и отдай в типографию. Я же немедленно по получении твоей телеграммы вышлю тебе новое *предисловие* ко 2-му изданию. Буду адресовать в 6-ю гимназию [1]). Если паче чаяния я ошибаюсь, то прибавь к телеграмме свой настоящий адрес. Так как я сделал много изменений и дополнений в «Догм. разв.», то смотри, чтобы тебе дали в редакции «Прав. Об.» именно этот мною обработанный экземпляр со всеми вложенными

---

[1]) Михаил Серг. был преподавателем географии и истории в 6-ой гимназии.

листками (ибо простая перепечатка была бы отнюдь не целесообразна).

Я писал тебе еще в предпоследнем письме об одном пункте, сюда относящемся (дополнит. заметка из ответа Данилевскому): прошу, если можно, исполнить, а нельзя — не беда.

Надеюсь, голубчик мой Миша, ты не нуждаешься в уверениях, что я тебе сердечно благодарен за все хлопоты и братские услуги.

Из Дьякова напишу обстоятельнее о своих здешних делах и отношениях.

Будь здоров. Сердечно кланяюсь Ольге Мих. и всем вашим.

Твой *Влад.*

19.

(1886).

Милый мой Миша!

Спасибо тебе за телеграмму и все прочее. Посылаю и прошу передать по принадлежности: 1) предисловие ко второму изд. «Догм. разв.», 2) об'явление о подписке на «Ист. Теократии» для магазина Нового Времени. Пожалуйста, об'ясни в сем магазине, что они могут дополнить посылаемое об'явление, а именно—следует даже непременно обозначить рассрочку определительно: я желаю, чтобы при начале подписки с обыкновенного подписчика брали не более четырех, а с пользующихся уступкой — не более двух рублей. А если в магазине найдут возможным еще меньше, то тем лучше. Главное дело, чтобы оставались точные адреса подписчиков. Но довольно о сем.—Милый друг, в Дьякове имел много *неожиданно*-приятного и утешительного — новые важные знакомства, рассказать о коих в настоящую минуту мешают слипающиеся по поводу четвертого часа ночи глаза. Легче будет мне механически написать следующее стихотворение:

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой,
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой. И т. д. [1]).

Послезавтра возвращаюсь в Загреб, где загребу, вероятно, много писем.

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е. СПб. 1900, стр. 41.

Je Vous prie, Monsieur, de me recommander aux souvenirs bienveillants de Votre aimable famille.

Влад. Сол.

Autriche—Hongrie. Agram.
A M. le président de l'Académie des Sciences Dr. T. Rački
(Kaptol, 13) Pour le Dr. Vlad. Sol.

20.

(1886).

Дорогой мой Миша!

Во-первых, спасибо за прошедшее, во-вторых, спасибо за будущее, а в-третьих, вот и настоящее. По прилагаемой доверенности получи гонорар из Русской Мысли, и пришли мне его, полагаю — русскими бумажками. Но, как ты справедливо заметил, довольно о деньгах. Я писал тебе из Дьякова, тоже со стихами. Но это нисколько не умножает моей уверенности в том, что мои письма получаются. Если это будет из счастливых, то на всякий случай сообщаю тебе, что я послал (из Дьякова) на имя шестой гимназии новое предисловие к «Догмат. разв.» (немедленно по получении твоей телеграммы), а также об'явление о подписке на «Историю Теократ.». Не уверен, но надеюсь, что ты это получил. В противном случае я махну рукою до своего возвращения, которое к 3 октября должно состояться во всяком случае.

О папе ничего особенного не знаю, но зато он обо мне скоро узнает, ибо еп. Штр. посылает ему написанную и подписанную мною на французском диалекте промеморию о сосд. Цер.

Кроме этой промемории и упомянутого предисловия я почти ничего не делал эти 18 дней, которые провел в Дьякове. Это был постоянный праздник с бесконечными обедами, спичами, пением и т. д.

Еще немного, милый друг,
И я средь вас явлюся вдруг.

В ожидании чего обнимаю тебя и приветствую приветствующих.

Твой *Влад.*

21.

(1886).

Милый Миша!

Вот тебе «Голос Москвы».—Кроме моего, еще собеседование со старообрядцами; прочти — занимательно; я, когда прочел, сначала впал в меланхолию, а потом написал три эпиграммы:

1.....

2-ая эпиграмма—неудачна.

3.

Протяженно-сложенное слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
Дыбу, сруб и кровавый топор.
Но с приятным различьем в манере
Сила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается мере
Наказанье за двойственный грех.

Страхов приехал: его выгнали из редакторов «Слав. Извест.» за мой ответ Д-му. Ламанский об'явил ему: или вы выходите из редакторов, или мы все выйдем из Совета общества. Наша «братолюбивая сущность» и «широкая терпимость» шибко действуют.

Т. Фил. пишет, что в Константинополе *τὰ πνεύματα* дышат злобою и что он ожидает всего дурного.

Кстати о дурном. В вагоне я сочинил нижеследующее стихотворение, в котором из 12 стихов только один (или два) хороший:

1.

Пора весенних гроз еще не миновала,
А уж зима пришла,
И старость ранняя нежданно рассказала,
Что жизнь свое взяла. И т. д.[1]).

Будь здоров, голубчик. Сердечно кланяюсь Ольге Михайловне. Напиши в Москву.

Весь твой *Влад. Соловьев.*

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-е. СПб. 1900, стр. 36.

22.

(1887).

Милый мой Миша!

Вот тебе для прочтения и дальнейшего препровождения первая половина моей статьи, а вторая половина (о Петре В., Пушкине и заключение) требует основательной обработки, с которою я не хочу торопиться, пока не будет обеспечена судьба статьи.

Я не совсем здоров, страдаю гриппом, об'яденьем растительных явств, необычайно правильною жизнью (ложусь в первом ч., встаю в 8).

Комплимент Москве я переделал следующим образом:

Город глупый, город грязный,
Смесь Каткова и кутьи,
Царство сплетни неотвязной,
Скуки, сна, галиматьи.
Нет причин мне и немножко
Полюбить тебя, когда
Даже милая мне ножка
Здесь мелькнула без следа.

А еще я совсем заново перевел 4-ю эклогу Виргилия. Пришлю тебе с следующей почтой и об'ясню, что с нею делать.

До скорого письма, милый мой друг. Меня удручает позднее время — двенадцатый час. Будь здоров, кланяюсь Ольге.

Вот мой точный адрес:

Московско-Курской жел. дор. станция *Коренная Пустынь*. ЕвКродию Аф. Аф. Шешкину (с. Воробьевка) с передачей В. С. С.

Мама я уже писал. Письмо, прилагаемое с рукописью, пошли *Суворину* (Алексею Сергеевичу) заказным в редакцию Нового Врем. Спасибо, милый, за все.

Твой *Влад.*

23.

(1887).

Вот тебе, милый мой Миша, и второе послание. Приложенное к первому ты, вероятно, уже отправил по назначению, а с прилагаемым к настоящему поступи по нижеписанному: я бы мог получить за сию эклогу с Вести. Евр. 45 руб., но

1) возможно, что соединение в сих стихах классического и мистического элемента сугубо испугает либеральных противников таковых вещей.

2) Михаил Иванович с присущей ему особого свойства услужливостью уже обещал эту эклогу редактору «Воскресного Дня», которого ты, кажется, знаешь. — Итак, или сам или через оного Михаила Ивановича передай сему перею мое стихотворение и, если возможно не нарушая благородства, возьми с него 20 или 25 руб.; в противном же случае — хоть несколько оттисков. Корректуру прошу держать самому: это дело $^1/_4$ часа. Если имеешь под руками подлинник, то сравни, и увидишь как буквально у меня теперь вышло.

Возможно, что случится невозможное: духовная цензура может найти, что Виргилий, не получивши специально-богословского образования, не имеет права трактовать религиозные предметы. В таком случае сообщи мне, и я пошлю Стасюлевичу. Нет надобности пересылать именно этот экземпляр, у меня остается черновая.

Как поживаешь, милый друг? Мое нездоровье продолжается... Кашляю как овца или как лев (Лопатин).

Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день; начатого в вагоне Прессансэ продолжаю. О Востоке—жидко, но о греках довольно хорошо. Получила ли мама мое письмо? Я пока имею только от Баратынской и от Анны Федоровны, от последней об'емистое, буду читать с прохладой.

Будь здоров, милый друг. Кланяюсь Ольге, целую Сережу (заочно он кричать не будет).

Твой *Влад.*

24.

(Март 1887).

Спасибо, милый Миша, за многосодержательное письмо. Оплакивал бедную старушку и при первом случае пошлю соболезновательную телеграмму Рачкому (ты напрасно называешь его стариком,—он бодрый 55-летний молодой человек). Не знаю как узнать, получила ли типография список адресов; печально тут-то, что вместе с этим списком был и список опечаток. Буду надеяться, что и то и другое были лишь задержаны недогадливым и безграмотным почтовым чиновником, снимавшим с них копию для представления куда следует.

В то самое время, как Суворин получил моего Владимира, его собственный Владимир застрелился из пистолета. Полагаю, что моя рукопись затеряется среди этого огорчения. Не посоветуешь ли что предпринять? То-есть это я пишу вздор: а ты просто возьми у Марконета [1]) какую-нибудь книжку «Исторического Вестника» и, списавши адрес редакции, пришли его мне. Вот и все. Что касается эклоги Виргилия, то zwei Seelen wohnen ach! in meiner Brust, die eine will sich von der andren trennen. С одной стороны я соглашаюсь с тобой, с другой стороны — с Фетом. Во всяком случае я разорвал свой старый перевод, а остается только перевод à la Фет. Переписывать его мне лень, а я сделаю вот что: как наберется у меня два—три стихотворения новых (не из Priapeia), я их пришлю тебе при кратком письме на имя Стасюлевича, а ты все это купно и пошлешь ему. Может быть, это будет на-днях, а может быть и через два месяца.

Не можешь ли об'яснить мне за каким рожном мне обращаться к профессору Массарику? Впрочем, если письма Геца и Радлова не слишком об'емисты, пришли их мне. А письмо Мартынова пришли непременно. Я хочу знать, получил ли он мое предыдущее.

Милый Миша, я здоров, пью железную воду...

Будь здоров. Кланяюсь Ольге и целую Сережу.

Твой *Владимир.*

P. S. Из письма Рачкого ты мог бы заключить, что я писал ему об «успехе» своей лекции, хотя московская публика была в негодовании.

Пиши мне чаще; кажется, письма доходят исправно.

P. P. S. Чуть было опять не забыл. По части источников славянофильского учения о Церкви, кроме Мёлера и Сарторіуса, тебе необходимо познакомиться с французскою школой *традиционалистов*, главные представители коей суть de Bonald и Lammenais (в первую эпоху его деятельности, именно в сочинении «Sur l'indifférence en matière de religion»), и сверх того и в особенности с сочинениями некоего Bordas-Demoulins, о котором мне Ю. Ф. Самарин сам говорил, что его идеи о Церкви очень сродны с Хомяковскими. Полагаю,

---

[1]) Марконет—Александр Федорович Марконет, присяжный поверенный, лицо весьма популярное в московском обществе, близкий друг Михаила Сергеевича.

что Ю. Ф. узнал о нем от Хомякова же, так что сродство идей, пожалуй, и не было случайным. Во всяком разе познакомиться с этими родственниками наших друзей тебе необходимо.

Будь здоров, мой милый.

P. P. S. S. Ты, злодей, не оценил, что в новом перево́де эклоги, кроме близости к подлиннику, все гекзаметры подпоясаны, т. е. с цезурами на надлежащем месте, тогда как в старом они были большей частью в халате.

25.

(1887).

Милый Миша!

От Маррубийского жрец народа явился украшен
Сверху шлема венком и веткой счастливой оливы,
Послан Архипом царем, Умброн меж всеми храбрейший,
Роду змеиному он и тяжко дышащим гидрам
Сон наводить умел рукою и заклинаньем
Ярость их укрощал и искусством лечил уязвленья,
Но исцелить он не мог от удара пики Дарданской,
Ране его не помог напев снотворный и травы,
Что в Марсийских горах собирал он: Тебя то оплачет
Лес Ангвитийский, тебя кристальная влага Фуцина,
Озера волны тебя.

То-есть не тебя, а меня. Ибо хотя по части царей *Архипов один* мне только известен (бывший профессор Московского университета и...), и хотя я не могу верить на слово моим московским и троицким приятельницам, уверяющим, что я и есть тот самый Умброн меж всеми храбрейший, тем не менее одним свойством я даже превосхожу сего Умброна: ибо не одна, а сорок тысяч Дарданских пик пронзили грудь мою.

Назовем некоторые:

1) Первая Дарданская пика. На единственное письмо твое я отвечал немедленно, увы! простым письмом, тому уже около месяца и никакого ответа не получал, хотя в письме моем было и кое-что нужное,—например, я просил прислать мне письмо о. Мартынова, которому не могу же я отвечать не прочтя его письма, а отвечать нужно уже ради одной учтивости, так как он старик, к тому же иеромонах и, наконец, заслуженный ученый. Постарайся, голубчик, извлечь

сию маленькую пику, написавши мне и приславши те письма, о которых я писал.

2) Вторая Дарданская пика. Пирлинг пишет мне, что он еще $\frac{30 \text{ апреля}}{12 \text{ мая}}$ отправил мне заказное письмо и довольно интересную для меня брошюру под заказной бандеролью. Ни того ни другого я не получал. Это есть пика сугубая или даже трегубая. Ибо если теряются заказные письма, то как же переписываться? И если пропадают брошюры, то не будут ли пропадать и книги, и чем же сие кончится? Одна слабая надежда, что Пирлинг находился в рассеянии ума (что, впрочем, с человеком сего ордена едва ли может случиться), послал не в Курск, а в Москву. В таком случае и сия пика в твоем ведении. Но вряд ли.

3) Третья пика Дарданская. Никто до сих пор не получал моей книги (бывшей готовою уже в конце апреля), и я даже не знаю получен ли был в Загребе список адресов. Сия пика не в твоей власти, но не посоветуешь ли чего?

4) Четвертая Дарданская пика. Киреев пишет мне, что Победоносцев ему сказал, что моя книга подвергается духовной цензуре. Пишет он так неопределенно, что я даже не знаю, есть ли это только предрешение или уже совершившийся факт; если последнее, то значит книга из Загреба послана, но экземпляры, адресованные частным лицам, задержаны. Опять пика сугубая.

5) Пятая пика Дарданская, или лучше сказать—из навоза вынутый кол. С. Ф. Шарапов напечатал в своем сборнике мою статью (мною забытую), весьма способную рассердить Победоносцева и отразиться на судьбах моей книги. В pendant к нему, как пишет мне А. Ф. Аксаков «pour prouver que Vous n'êtes pas solidaire de lui, Шарапов imprime sur Votre compte des télégrammes facétieuses, que la grande nouvelle du jour est que Bismark se fait catholique et a fait venir a cet effet les œuvres de Solovieff».

Если ты найдешь на моем столе номер «Русск. Д.» с этой ерундой, то вырви телеграмму и пришли в письме.

6) Шестая — не пика, а так вздор. Я посылал Левушке Лопатину стихотворное письмо, более или менее забавное. Послал заказным, но чорт дерзнул меня написать на адресе сначала: Крокодилу Михайловичу, потом Ефрату, а потом уже, зачеркнувши все это,—Льву. И вдруг на другой день я смотрю в календаре, в почтовых правилах о заказных пись-

мах: помарки в адресе не допускаются. Если столкнешься с кем-нибудь из Лопатиных, узнай получено ли сие послание.....

7) Седьмая пика Дарданская. Я почти непрерывно страдаю невралгиями и бессонницами, хотя живу правильно, уже три недели как перестал совсем пить водку и вино. Ем меньше обыкновенного, а на ночь совсем ничего, и однако не сплю, да и только.

Осьмая Дарданская пика.....

etc. etc. etc.

По всем сим причинам я думаю, что наконец-то я помру. Афан. Афан.[1]) предложил даже на этот случай мне эпитафию:

Здесь тихая могила
Прах юноши взяла,
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

Милый Миша, если ты сам жив и здоров (как уповаю), то напиши немедленно обо всем. Можешь заказным, ибо раз в неделю отправляют в город, но только пиши на имя Афан. Афан., а не прямо мне.

Если же мое обращение останется в озере Туне, то тебе скоро придется подражать примеру другого озера, а также Лигвитийского леса и кристальной влаги Фуцина. Ибо «я констатирую, что мы этого Тенерифа не переживем».

Имею сверх писанного в последнем письме сообщить тебе насчет предполагавшегося твоего труда, но, не имея от тебя столь долго известий, не знаю, пребываешь ли ты в своем намерении. Когда узнаю, то сообщу.

Будь здоров, милый Миша, и не забывай любящего тебя брата *Влад.*

Всем усердно кланяюсь. Первую часть «Philosophie de l'église universelle» кончаю. Из целого выйдет изрядный томик.

«Пушкин» в Загребе получен.

Спасибо, милый.

9) Еще забыл девятую пику. Посланное Суворину начало статьи как в воду кануло. Не посоветуешь ли как поступить насчет сего девятого вала?

---

[1]) Т. е. Фет.

26.

(1887).

Милый мой Миша!

Пишу тебе теперь несколько слов, во-первых, чтобы поздравить твою именинницу, а во-вторых, чтобы сообщить, что слух о моем приезде в Москву недостоверен, а потому не косней обетованием, но пиши мне длинные письма. Из гигиенических советов твоих я исполняю два, именно: вечернее хождение и легкое чтение. Что же касается до красного вина, то хотя я, конечно, мог бы вместить его не только стаканами, но даже бутылками и пребольшими, но вот уже два месяца как я воздерживаюсь вовсе от вина и сикера и нахожу, что это благопотребно. Но вместо вина внутрь не поможет ли вода снаружи? Здесь наступило наконец лето, и я купаюсь в реке.

Дело с книгой моей находится в прежнем положении. Никто из прикосновенных к сему не захотел шевельнуть пальцем. Киреев бестолков, и я на него махнул рукой. Не думаю, чтоб можно было заинтересовать его тщеславие: первый том не по его части, а перспектива дальнейшего, т. е. подробная и документальная история разделения Церквей может только повергать его в уныние.

Что касается настоящих друзей—например, Кутузова или Кристи,—то они поневоле ограничиваются горячими заявлениями своего прискорбия. Итак, предоставим сие на рок судьбы.

Если ничего особенного не случится, я прокоснею здесь до конца сентября, хотя j'ai un vague pressentiment, как выражается одна старая грешница, что в августе придется быть в Москве.

Будь здоров, мой милый. Поздравляю Ольгу и кланяюсь всем в Дедове.

Твой *Влад.*

27.

(1887).

Милый мой Миша,

только несколько слов, ибо не уверен, что ты находишься в Дедове, и эта неопределенность отнимает у меня охоту распространяться.

Напиши когда ты переселяешься в Москву окончательно, остаешься ли на прежней квартире, и т. д. Тогда получишь от меня более значительное письмо. А пока довольствуйся несколькими текущими известиями с несколькими изречениями Фета.

А) Текущие известия:

1) Я с перерывами продолжаю страдать невралгиями и бессонницами. Впрочем, благодушествую.

2) Благодарю тебя за письмо насчет самаринских иезуитов, с которым (твоим письмом) я почти совершенно согласен, а также и за извещение о получении моей книги в Москве. Иные экземпляры доходят, иные—нет; получил ли ты свой?

3) .....

4) Мое французское сочинение после многих колебаний, кажется, вошло в свои рамки.

5) Кн. В-кая[1]) предложила proprio motu 1000 рб. на напечатание 2-го тома «Теократии». Я отвечал, что современем по возвращении старого долга, может быть, воспользуюсь предложением.

6) Я пишу и получаю множество писем.

7) Мама и Надя звали меня на Кавказ и, кажется, обиделись моею неподвижностью.

8) «Новое Время» по зрелом обсуждении сравнивает Каткова с *Вольтером.*

9) В пространной «Жизни Иисуса» Штрауса я нашел признание примата Петрова. С лихой собаки хоть шерсти клок.

Б) Изречения Фета:

1) Что есть *государство?* Мышеловка — и больше ничего.

2) Что есть *убеждение?* Скверным клеем склеенная маска, которую наивные люди, купивши в лавке за двугривенный, считают потом неот'емлемою принадлежностью своего организма.

3) Ужасно трудно переводить с латинского на русский. В латинском слова все короткие, а в русском длинные, да еще одним-то словом не всегда и обойдешься. Например, по-латыни стоит asinus, а по-русски пишут:

Е-г-о Вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство Го-спо-дин О-бер-Про-ку-рор Свя-тей-ше-го Си-но-да!

До свиданья, миленький Миша. Целую и кланяюсь.

Твой *Влад.*

[1]) Т. е, кн. Волконская.

28.

18 Сент. 87 г.

Голубчик Миша!

Вот я и на от'езде, — пяти месяцев как не бывало. Уезжаю во вторник, 22-го, но не прямо в Москву, а к Соллогубам под Серпухов. Соллогубиха нужна мне ради исправления моей французской рукописи, треть которой уже готова. Обещают издать в Париже без моих ждивений. Я выбросил все теософическое и назвал сочинение «La Russie et l'église universelle». Некий abbé Tilloy издает целую книгу обо мне (или по поводу меня) с предисловием в форме письма на мое имя.

Пробуду у Соллогубов дней около 10 и 2-го или 3-го паду в твои об'ятия. При сем удобном случае сделаю и кой-какие фактические сообщения о дальнейших своих намерениях, о коих писать было бы фастидиозно, как говорил покойный Дювернуа. — А теперь поделюсь плодами своей музы. Во-первых, крик сердца: кн. Мещерский..... вдруг об'явил, что в своей новой «большой газете» будет обращать особенное внимание на статьи передовые. Я не поверил такой внезапной перемене направления и воскликнул:

Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с газетою большой.
О Боже, суд Свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой!

Отдавши таким образом долг гражданской скорби, я предался суб'ективной меланхолии:

Ах! далеко в Тибетском плоскогории
Живет мой друг.
А здесь один томлюсь в тоске и горе я,
Темно вокруг.
И лишь порой в тумане сновидения
Я вижу то,
Что видеть мог без всяких затруднений я
Тому лет сто.
Иль, ослабев, умру с тоски и горя я
Судьбе в укор,
Иль путь найду в Тибета плоскогория
Чрез Куку-Нор.

Эти стихи малоинтересные при чтении, весьма хороши будучи распеваемы в уединенных вечерних прогулках.

А вот другие — плод бессонной ночи:

Бедный друг! Истомил тебя путь,
И усталые ноги болят;
Ты войди же ко мне отдохнуть,
Догорая темнеет закат. И т. д. [1]).

Милый Миша, только-что я отправил на Кавказ поздравления с 17 и потом с 23, как получил от Нади извещение, что они будут в Москве 19. Итак, прошу тебя сообщить, что я дважды писал—перед 17 и перед 23, также и Вере с Любой. Целую и кланяюсь. До скорого свидания.

Твой *Влад.*

29.

30 Дек. 87. Сергиев Посад (Московской губ.).
Вознесенская площадь, церковный дом,
кварт. А. Ф. Аксаковой.

Здравствуй, милый мой Миша!

С Новым Годом — с новым счастьем. Под счастьем же разумею в данном случае: 1) доброе здоровье твое и твоих, 2) возможно больше денег и 3) какое-нибудь такое необыкновенное происшествие, которое избавило бы тебя от учительства.

Наше субботнее пиршество прошло довольно скучно, несмотря на добросовестные усилия милого Трубецкого, который был настоящей душой общества. Пьяны были только братья Лопатины. Я пил больше их, но частью благодаря силе духа, частью — жженому миндалю с солью сохранял трезвость взгляда и стройность движений. Дорогой в вагоне выспался и приехал к Анне Федоровне бодрым и свежим. Здесь мне весьма удобно, но вследствие припадков любовной тоски сплю мало и плохо и с лица похож на привидение. Сегодня был у о. Варнавы, который об'явил мне, что любит меня как сына, затем советовал мне непременно жениться, но в таких странных выражениях, что никак нельзя было понять, говорит ли он о настоящей жене, или о Богородице, или о Церкви.

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, издание 3-ье. СПб. 1900 г., стр. 40.

Несмотря на свое изможденное состояние, я в большом ударе писать и на сомнительном французском языке изображаю гениальные вещи (может быть: «воздух сух как гвоздь»).

В заключение имею к тебе убедительную просьбу. Прилагаемое письмо отправь заказным как можно скорее. По тому же адресу (т. е. Monsieur Pierling 26. Avenue Hoche. Paris) отправь каким знаешь способом (я думаю просто русскими ассигнациями) 15 (пятнадцать) франков (8 рублей). Это очень нужно, при свидании об'ясню зачем.

Кроме 5 экз. «Теократии», привезенных Цертелевым, еще 5 должен был мне доставить кн. Волконский. Когда будешь у нас, узнай и припрячь. Есть ли известие о получении книг и денег в Загребе?

Будь здоров, кланяюсь и целую.

Твой *Влад.*

30.

(Без даты).

Милый мой Миша!

Присылай, пожалуйста, *сто* экз. «Религ. осн.» и *сто* «Реч. о Дост.» Посылай по следующему адресу: Петербург. Его Высокородию Николаю Николаевичу Страхову, у Торгового Моста, дом Стерлигова, квартира 19.

Я здоров, стоял в дороге 5 час.: разбило почтовый поезд, с несчастьями. — Шутовскую речь говорил, конечно, Ор. Миллер, а телеграфировал Катков; речь была полемикой против него: глупо до чрезвычайности. Один глупей другого, и все скоты—но не ты. Целую тебя крепко, голубчик милый, люблю тебя очень.

Ах, забыл: я прекрасно сошелся с о. Зерновым,—славный старик и, я надеюсь, поможет моему соедин. Церквей.

Посыльный ждет. До свидания, голубчик, или лучше до письма. Пиши Саблино.

Кланяюсь очень всем твоим.

Влад.

31.

(Без даты).

Милый Мишенька, я приобрел сильную крапивную лихорадку и сижу дома. Если можешь, приходи обедать. Пожалуйста, не покупай книги Тиле, а прими оную в дар от С. П. Я взял ее (т. е. книгу) для тебя. Поздравляю с прекращением «Отечественных Записок». Слово «вовсе» меня радует; оно определенно и не допускает превратных толкований.

Будь здоров, дружочек мой.

Твой *Влад.*

32.

(1888).

Милый Миша, спешу известить тебя, что ты, может быть, получишь корректуру статьи «Грехи России». Эту статью у меня выпросила редакция «Новостей» (ci-devant «Голос»). Но возможно, что цензура не пропустит, и ты ничего не получишь. В случае же получения тщательно исправь и отошли обратно.

Тороплюсь, ибо едут на почту. В пятницу (или субботу) буду в Москве.

Твой *Влад.*

33.

18—30 Ноября 88. Загреб.

Милый мой Миша!

Так как я *всегда* (но более или менее уважительным причинам) запаздывал в своих путешествиях, но *никогда* еще не пропадал окончательно, то я и не мог предвидеть твоего беспокойства на имя отсутствующего Леруа Болье с вопросом о присутствующем frère'е. Надеюсь, что мой ответ, а потом поздравительная телеграмма из Лиона успокоили тебя на мой счет. Теперь моя очередь ждать от тебя известий. Если напишешь немедленно по получении сего письма, то твое найдет меня здесь в Загребе (13, Kaptol). Во Франции я запоздал по вполне законной причине: улаживал и благополучно уладил издание своей книги, при чем значительно сократил первые две части (написанные в России) и вновь написал большую третью. Текст, вероятно, уже печа-

тается, и я здесь пишу обширное предисловие, от времени окончания коего зависит и срок моего пребывания в Австрии, откуда проеду прямо в Петербург, и льщу себя надеждой, что ты на Рождестве найдешь возможным приехать туда на несколько дней, ибо Бог весть когда я попаду в Москву. Ты был несправедлив к Гезену. Одновременно с твоей присылкой я получил от него 400 руб., которыми я прожил два лишних месяца. Теперь думаю пробавиться Брокгаузом и здешним книгопродавцем, которые вместе продали до 200 экз. «Теократии». Если окажутся плохи, то телеграфирую тебе. — Здесь в Загребе нашел между прочим: 1) известие о какой-то статье старого кота Страхова против меня. Если не знаешь, разузнай и напиши что такое. 2) Большую книгу некоего псевдонимного немца (протестанта)—Victor Franck (сдается, что это von Lilienfeldt) — под заглавием «Das russische Christenthum», состоящую из трех отделов: I. Pjotr Jakowlewitsch Tschaadajew. II. Wladimir Ssergejewitsch Ssolowjow. III. W. Ikonnikow.

Второй отдел состоит из добросовестного перевода моих полемистических статей в «Слав. Изв.» и открытого письма к Рачинскому в «Руси»—чему предпосланы совершенно неверные сведения о моей особе, как профессоре Петербургской духовной академии.

Благодаря несказанному вранью французских газет (я об'ективен, ибо многие из них меня восхваляли), я приехал в Загреб с самыми фантастическими представлениями о разных небывалых происшествиях в России. Но теперь мой почтенный хозяин подносит мне ежедневно порцию отечественного дыма в виде «Нового Времени»; оно хотя и не благоухает, но и миражей не производит. Dakle do vidzenia, moi dragi. Molim ljepo posdravit tvoju gospożu, moju u tvojo obitelji sviz prijatelja.

Влад.

P. S. Сейчас достал «Русский Вестник» с статьей Страхова и уже задумал с своей стороны «о грехах г. Страхова для иллюстрации других более важных предметов»[1]). Жалею, что не имел ранее известия. Напиши было ли продолжение,

---

[1]) С эпиграфами: «Со словом следует обращаться честно» (Гоголь); «В России легче найти святого, нежели честного человека». (Один славянофильский писатель).

или цифры на обертке суть лишь военная хитрость и чтобы затянуть мой ответ?.. Кажется, что так!..

34.

16/28 Дек. 88. Вена.

Милый мой Мишенька!

Не писал я в Россию (а через то и тебе) в течение двух месяцев по специальным и весьма уважительным причинам, о коих сообщу при удобном случае. В Москву не собираюсь в ближайшем времени, потому что имею инде неотлагательные дела. А вообще *жить* в Москве не расположен по множеству причин. Я в иных отношениях непомерно впечатлителен, быть может потому, что у меня, яко у недоноска, слишком тонкая кожа. Помнишь нелепое происшествие с Н. Ф. Федоровым? Надеюсь, ты не заподозришь меня в каком-нибудь дурном чувстве к этому «воскресенья ради» юродивому. Но его вздорный поступок своей неожиданностью перевернул все мое *конкретное* представление о человеке и сделал прежние отношения *реально*-невозможными. Нечто подобное произошло у меня с Ив. Плат., и все дело именно в неожиданности. Например, Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной, нисколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати изругал его как последнего мерзавца, но это нисколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений.—Разумеется, эпиграфы будут другие; я тогда же заменил их следующими: «Мне стыдно за наше общество» (Н. Страхов). «Много болезней точит безмерное тело России» (idem). Озаглавлена статья просто: «О грехах и болезнях» (с полным заглавием Страховской статьи в скобках. Согласно телеграмме Стасюлевича я послал ему первую половину статьи 3 дек. (ст. ст.), а вторую —7 дек. Все вместе должно, если не будет посторонних препятствий, появиться в январьской книге.

Пишу тебе немедленно по приезде моем в Вену, а был я эти дни в Дьякове (—варе) у Штроссмайера, встречал с ними нынний Божич. Все Дьяковские ребята, разделившись на несколько компаний, приходили представлять «Бэтлеэм» и пели очень милые и наивные хорватские песни. Сам Штроссмайер нездоров, огорчен и постарел. Со мной был, как всегда, непо-

мерно любезен. Посылал нане «L'idée russe». Нана сказал: «Bella idea, ma fuor d'un miracolo ecosa impossibile». Я очень (рад), что с'ездил к Штроссмайеру,—пожалуй, больше не придется свидеться. Поездка эта по случаю праздничного времени обошлась мне довольно дорого. Пришли, пожалуйста, что-нибудь в роде 100 руб. сюда в Вену как можно поскорее по следующему адресу: Wien, Prater, Hôtel Lamm (Continental). Выеду, как только получу.

Кланяйся очень тем приятелям, которые «встали за меня горой», а также и тем, которые встали маленьким холмиком или даже кочкой.

По поводу добродетели: что же такое с Ив. Ив.[1])? Если его провалили в академии, то это к добру, —авось поймет, что христианство с казенною церковью безусловно несовместимо.

Будь здоров, мой друг.

Целую и кланяюсь.

Твой *Влад.*

Письмо Веселовского и К-о получил и ответил на них тогда же. О французских и английских, которые они берут за образец, не имею никакого понятия и названия их забыл.

Читаю в курантах, что в Петербурге мороз превысил 25 градусов. А в Дьякове гулял по зеленой траве, снявши макферлан. Понеже такая варьяция, то шубу послать бы Ольге беспременно.

35.

30 Сент. 89. (Ночь на Покрова).
Петербург, Европейская гостиница, Михайловская ул.

Милый мой Миша,

по разным причинам, а главное потому, что на меня насел Стасюлевич, которого я уже надул и не желаю (себе дороже) надувать еще, — решил остаться в Петербурге на неопределенное время. Зиму, вероятно, проведу где-нибудь на островах, а пока в отеле. Видел в день приезда Радлова, Страхова, Гудлета, Аксакова, Стасюлевича. Но ничего особенного от них не слышал, кроме как от последнего о замечательной речи Никанора на одесском юбилее — речь в салтыковскомоем направлении, но ultra. «Нов-Вр.» возразило: «Горькие *истины*, но едва ли уместные». На что Стасюлевич (в новом

[1]) Т. е. Ив. Ив. Янжул.

«В. Евр.») справедливо и язвительно замечает, что различение истин на уместные и неуместные может быть уместно для газетчика, но для архипастыря оно было бы совсем неуместно.

Милый Миша, если ты, как надеюсь, совсем здоров, то имею к тебе три просьбы:

1) Посетить Лопатиных и об'яснить им, что я внезапно уехал в Петербург, хотел заехать перед самым от'ездом, но был поражен (истинная правда) страшным припадком морской болезни, так что даже с Поповым не простился.

2) То же Горбовым и передать ему из верхнего ящика моего комода (ключи у Нади) 4 выпуска Онкена.

3) Из того же ящика извлечь и возвратить в Публичную библиотеку переплетенный «Русский Вестник» (Николаю Федоровичу)[1].

Напиши о себе и о делах.

Целую Ольгу и Сережу.

Твой *Влад.*

36.

2 Ноября 89. Петербург.
Европейская гост. (Михайл. ул.).

Милый Миша,

я уже начинал приписывать твое молчание после моего письма нездоровью и собирался телеграфировать, но из письма мама и из слов Мих. Ник. Лопатина, сюда приехавшего, заключаю, что ты здоров. А я собираюсь около 15 сего месяца в Москву. Но предварительно должен заплатить здесь кой-какие долги, а потому прошу, по крайней мере, на это письмо ответить немедленно присылкой какой-нибудь суммы. Если по расчету за май — август мне не приходится ничего или очень мало (за вычетом взятых у тебя 200 руб.), то за сентябрь и октябрь, вероятно, набралось.

. . . . . .

Так как ты на мои благородные (т. е. без упоминания о деньгах) письма не отвечаешь, то я не стесняюсь писать тебе à la Достоевский.

---

[1]) Горбов, Николай Михайлович,—приятель Соловьева, посвятивший себя сельской школе. Николай Федорович Федоров — библиотекарь Румянцевского музея.

Вчера я по случаю ослабления цензуры напился пьян, но был трезв, так как сотрапезники мои перепились в десять раз сильнее, и результатом всего этого — счет в 85 руб.; извини, пожалуйста,—случай совершенно исключительный, но для поддержания престижа мне не следует очень откладывать уплату, а потому присылай поскорее, я думаю, переводом на мое имя.

Представь себе, мой друг, — не только статья в «Вести. Евр.» прошла беспрепятственно, но и в словаре Венгерова толстовская притча об орле и курице. Цензор заявил, что он не понимает, что это значит,—и пропустил!

О французской книге имею только частные известия через Абазу, которому Вогюэ очень хвалил язык — «on ce coquin de Soloviof a-t-il pris son français»—и говорил, что из ста современных французских писателей только один может так хорошо писать. Но печатных похвал я от этих господ, кажется, не дождусь, а обращаться с просьбой решительно не желаю ни к кому.

Миша, очень хочу тебя видеть, а если и ты разделяешь это желание, то поскорее присылай билет. А о всем прочем будем говорить в Москве. Целую Ольгу и Сережу и всем кланяюсь.

Твой *Влад.*

37.

(1891).

Милый мой Миша,

все не могу выбраться из Петербурга, по крайней мере выбрался из гостиницы. Адрес мой теперь: у Синего моста, Вознесенский проспект, д. № 16 (казармы кадрового батальона лейб-гвардейского резервного полка), квартира полковника Кузьмина-Караваева. Петербург.

На Валаам тоже еще не успел съездить, но поеду непременно. 3-ье издание «Нац. Вопр.» (вып. 1) вышло, второй выпуск печатается. Если ты, как я предполагаю, в Москве, то справься в кн. маг. «Нов. Вр.» отчего они не посылали в свой петербургский магазин достаточного числа стихотворений. Те вследствие этого не печатают об'явлений, а сам я печатать не могу, да и было бы бесполезно, если книги нет в петербургских магазинах. Если и в московских недостаточно, то дай, пожалуйста, туда еще 200 экз. и потребуй,

чтобы, по крайней мере, половину переслали в Петербург. Я знаю, что здесь многие искали и не нашли, а уже во второй раз, конечно, не пойдут. А то пришли мне по новому адресу 100 экз., и я сам передам в магазин. Из присланных 100 я роздам 60, а 40 дам на комиссию в книжный склад Стасюлевича.

Я тебе, кажется, писал, что хлопочу о наших материальных делах. Эти хлопоты увенчались успехом. Устроили два дела, одно из них окончательно. Надеюсь все-таки приехать в Москву в первой половине лета и тогда все расскажу. Целую Ольгу и Сережу.

Твой *Влад.*

38.

(1891).

Милый Миша,

я теряю надежду выпутаться когда-нибудь из Петербурга. Совсем расположился, чтобы выезжать в четверг, как вдруг произошла непредвиденная гадость, все изменившая. В последнее время значительная часть моего существования состоит из эмпирического комментария к стиху Лермонтова: «За месть врагов и *клевету друзей*». Если услышишь про меня что-нибудь скверное, знай заранее, что это друзья клевещут.

Одобряю в принципе вашу поездку за границу, но жалею, что не пишешь куда и зачем. До конца августа все-таки думаю быть в Москве. Планы мои для увеличения ваших доходов теперь, очевидно, откладываются до вашего возвращения, а один более близкий и вовсе упраздняется. Что касается до меня, то я уже об'явлен редактором философского отдела в энциклопедическом словаре. Это во всяком случае верный и достаточный заработок (между 2 и 3 тысячами), тогда как «идолы и идеалы» могут удаваться не более четырех раз в год и давать не более 700 — 800 руб. Великолепный план Всеволода есть синтетический априорный вздор.

Возможно, милый мой Миша, что я все-таки в конце этой недели выеду в Москву, и тогда уже, значит, увидимся в Дедове.

Будь здоров, мой архангел. Не думай, что я не еду, потому что мне здесь хорошо. А кстати: я был на Валааме, видел квинт-эссенцию настоящего строгого монашества...

Твой *Влад.*

39.

21 Іюня, 91. Петербург.
Вознесенскій пр., 16.

Милый мой Миша!

Спасибо за *ю*. Для меня в ближайшем будущем несколько более или менее приятных перспектив, из коих некоторые могут распространяться и на тебя. Но в настоящем ничего, кроме долгов. Поэтому твой вопрос: не прислать ли?—прозвучал для меня иронией. Присылай, архангел, и как можно скорее.

Бумажку надо мне, ее мне надо очень,
Хотя мой идеал достаточно упрочен,
Но льзя ль платить долги чистейшим идеалом?
Он лишь в плохих стихах рифмует с капиталом.
Душой не покривлю, хоть не страшуся ада,
Но деньги мне нужны, мне их ужасно надо!

Присылай прямо на имя моего хозяина, Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева. Перспектив у меня сию минуту целых четыре, из коих две или даже три зависят, главным образом, от меня самого. Писать в чем дело по некоторым причинам стесняюсь. Приеду, может быть, через 10 дней, а к концу іюля, думаю, наверно. А пока я, подобно Карлу XII, в квартире бледен, недвижим и тихо в думу погрузился.

Твои стихи я не совсем понял, раз'яснишь при свиданіи.

Будь здоров, мой архангел.

Твой *Влад. С.*

40.

9 Авг. 91. Петерб.
Вознесенскій просп., 16, кв. 3.

Милый мой Миша!

Я *непременно* еду в Москву около 20—25 авг., а пока посылаю стихи. Второй выпуск «Нац. вопр.» вышел беспрепятственно, большая довольно книга (23 листа). Привезу. О делах, в виду скорого свиданія, не пишу. В деньгах пока не нуждаюсь. Если правда, что у тебя каким-то чудом оказалось для меня двести рублей, то сохрани их до востребования у себя. Милый Миша, я радикально по тебе соскучился и имею

пропасть разговоров. Чувствую неожиданные и беспричинные приливы молодости, хоть седею все больше и больше. Но седина, как сказал какой-то поэт, есть снег, под которым греется посев для будущего мира. До свиданья, мой милый, всех целую.

Твой *Влад.*

41.

30 Окт. 91. Москва.

Милый мой Миша!

Я еще в Москве, хлопочу об организации чего-нибудь против голода. Напечатал два воззвания: одно—в виде статьи (уже появилось в «Вест. Евр.»), другое—в виде заметки (появится на-днях, если не задержат, в «Сев. Вести.»). Пока определенных результатов нет, происходит какая-то толкотня. 8 сентября по моей мысли основано нечто на манер бывшего Славянского комитета, но он еще ждет своего разрешения и, вероятно, не дождется.

Из Рима напиши адрес, чтобы прислать оттиски новых статей. Пока еще нету.

Вот тебе стихотворение, которое никому, кроме меня, не нравится. Боюсь, нет ли чего подобного у Мея, Минского или Фруга. Я их почти не читал, но все они жиды.

Целую Ольгу и Сережу, кланяюсь Тане. Жду письма из Рима.

Твой *Влад.*[1]).

42.

(1892).

Ах Миша, милый Миша!

Неужели ты так недогадлив, что приписываешь мое молчание одному свойству, а не психологии[2]); ужасно неприятно такому близкому другу писать в такую далекую сторону два слова о погоде, когда хочется писать ему много о другом. Но так и быть, вот тебе письмо. Поздравляю тебя с Новым Годом. The rest is silence. Так называемая тобою «статья» исчезла, «погибе и не найдешь к тому места ее».

---

[1]) Приложено стихотворение «Неопалимая Купина».

[2]) Впрочем, по мнению одного кавказского князя, психология есть наука о собаках. В. С.

Бедный Нил Александрович скончался, я опоздал одним днем на похороны вследствие одного таинственного приключения. Во время дифтерита я причащался и очень этому рад.—Графиня Толстая (Алексея) опасно больна в Париже.—С. П. приезжала на две недели в Петербург, и я там был.—Вот как я бессвязно пишу, несмотря на свой гибкий диалектический ум (по мнению проф. Павлова). Ах Миша, я написал прекрасное в своем роде стихотворение библейское, и даже его не могу прислать. Horrible, horrible, horrible! Перехожу к свинству. Судя по твоему письму к мама, я неверно понял твои предначертания. Мне казалось, ты говорил, что до зимы ты будешь получать и свою и мою долю из Петербурга, и я могу брать московские доходы. Их было не много, но все-таки; а у меня никаких других за осенние три месяца и в помине не было, ибо часть моих гонораров я посвятил голодающим, а часть была взята авансом еще летом. Впрочем, ты не беспокойся. Женишек (?) говорит, что ждать можно беспредельно, а с 1 декабря и впредь я ничего не беру... На поездку в Петербург взял у Марконета невиданно откуда оказавшиеся будто бы «мои» деньги, а затем буду жить преимущественно энциклопедическим словарем — не очень выгодно, но, кажется, прочно. Чтобы не кончать свинством, скажу, что дифтерит пошел мне на пользу, что меня в Петербурге ни разу не рвало и что у меня слагается капитальное сочинение, которое не даст мне ни копейки, но увенчает неувядаемой славой. Вообще же я хотя наполовину (первую) напоминаю пословицу: на Бога надейся, а сам не плошай.—Целую крепко тебя и твоих.

Твой *Влад.*

Адрес де-Губернатиса (он граф): Roma (а не Firenze, как ошибочно думал Павел), San Martino al Maccao, 11.

NB. Ламенне твоего надеюсь устроить лучше, чем у Павленкова, который чего-то боится. Впрочем, оконч. ответа не дал.

43.

(1892).

Милый мой Миша,

если во вторник ничего неожиданного не случится, то во вторник, 8-го, приеду в Дедово и привезу тебе деньги —

80 руб. слишком. Я здоров, но претерпеваю сердечные огорчения и тоску не малую. Упоминаю об этом, чтобы ты не заключал напрасно из моих легкомысленных разговоров о характере моих жизненных отношений. Представь себе, что я имел дело с таким нравом, сравнительно с которым С. П. есть сама простота и сама легкость, да и внешние обстоятельства не те.—Кстати, я украл у одной дамы две порядочные фотографии моего Кит-Китыча и привезу показать тебе и Оле в знак братской любви.

До свиданья, друг мой. Всем кланяюсь.

Твой *Влад.*

44.

(1893).

Милый Миша,

вышло маленькое недоразумение. Имянины покойного А. А.[1]) сегодня, понедельник, и М. П.[2]) требует, чтобы я обедал у нее. Полагаю, что тебе все равно, если я буду у вас завтра, во вторник, а если нет, то в любой день, кроме среды и воскресенья.

Имею тебе сообщить нечто удивительное и (по-христиански) прискорбное относительно В.

Будь здоров и не занимайся головоболием.

А у меня оказалось:

1) растяжение желудка

2) .....

До свиданья.

Твой *Влад. Соловьев.*

45.

$\frac{\text{30 Июля}}{\text{11 Авг.}}$ — 1893 г.

Милый мой Миша, я опоздал в Москве не только к утреннему, но и к курьерскому поезду, и ехал с ночным пассажирским. Хотел написать тебе из Петербурга, но сообразил, что из Швеции тебе будет интереснее. Переезд сюда был великолепен. Финляндия гораздо красивее Италии. Особенно въезд в Або (читай Обо). Я думаю даже, что это на-

[1]) А. А. Фет.

[2]) Мария Петровна Шеншина, жена поэта.

звание французское и писалось первоначально: Oh, beau! Имею, впрочем, и более ученую этимологию. «Об» по-еврейски значит колдовство, магия. Этим словом ссудили евреев (без процентов) древние халден, которые, как тебе известно, были родные братья финнов; и те и другие славились колдовством, а потому и немудрено, что древняя финская столица получила свое название от магии, что вполне подтверждается магическим впечатлением, которое она производит. Один из моих спутников, офранцуженный швед, предложил более прозаическую этимологию: Abo est ainsi appelée parceque c'est au bout de la Finlande. А настоящая этимология еще прозаичнее: Або есть название шведское и значит что-то в роде берега, а по-фински этот город называется Рички, что значит торг или рынок. Возвращаюсь к поэзии: я первую ночь сидел на палубе до восхода солнечного, в честь которого написал стихи, а вторую ночь даже спал на палубе под вечными звездами, в честь чего получил изрядную простуду, которая, надеюсь, не будет вечною. А вот стихи:

Посмотри: побледнел серп луны,
Побледнела звезда Афродиты,
Новый отблеск на гребне волны...
Солнца, солнца со мной подожди ты!
Посмотри, как потоками кровь
Заливает всю темную силу!
Старый бой разгорается вновь...
Солнце, солнце опять победило.

Не знаю, каковы стихи, но за истинность происшествия ручаюсь. Здесь еще ничего не видал. Посылаю это письмо, чтобы скорее дать о себе весть. Завтра или послезавтра пошлю тебе обещанную статью из «Вестника Европы». Я только перед от'ездом из России узнал, что она произвела надлежащее впечатление и в ту и в другую сторону. На свадьбе Оболенского я встретился с К. П. П., который приветствовал меня как старого приятеля. Я возобновил дружеские отношения с Кутузовым, которые были прерваны четыре года тому назад. Примирение же со Страховым я видел только во сне. Когда увижу наяву, то подумаю, не наступил ли мой смертный час. А пока смело пускаюсь по морским пучинам.

Обнимаю, целую и кланяюсь.

Писать мне: France, Dinard, villa Vallombreuse, Prince Troubetzkoy.

Твой *Влад. Сол.*

46.

1/13 Авг. 1893 г.

Милый мой Мишенька,

третьего дня я послал тебе отсюда письмо с каламбуром и стихами, но иностранный официант, которому я поручил отправить его заказным, предался самочинному умствованию и отправил простым, а между тем на нем написано по-русски *заказное*, поэтому, пожалуй, оно не дойдет.

Я писал тебе в самом радужном настроении, которое с тех пор омрачилось по двум причинам. Во-первых, мой ночлег на поезде не прошел даром. Я сильно простудился и вчера не выходил. А во-вторых, электричество. Хочешь позвонить служителя, и вдруг вместо того среди бела дня комната освещается ослепительным белым светом; и наоборот,—хочешь ночью собственноручно добыть света, а вместо того в темную комнату прибегают несколько служителей и сталкиваются лбами. Это электричество так меня сокрушило, что я в свою очередь решился сокрушить его, по крайней мере, в своих пределах. Для этого я вступил в связь с горничной—весьма миловидной брюнеткой неопределенного возраста с необычайно белыми зубами и приятным голосом. Она не знает никакого языка, кроме шведского, на котором и говорит мне при каждом свидании более или менее длинные монологи. Под свиданием я разумею не любовные, а те, которые обусловлены par les vicissitudes du lavabo. В одно из таковых я (по довольном совещании с немецко-шведским словарем) превращал монолог в диалог. Прежде всего твердым и постоянным голосом я спросил: «Hvad är ert namen?» И узнав с удовольствием, что ее зовут Hilda, продолжал таким же голосом: «Kära och alskavärd Hilda! Iag behöfver stearinljus tu Elektriskljus är för myket stark för min Ögen?»—«Io, ohjo»—отвечала она, и через три минуты электричество исчезло из моей комнаты и так радикально, что, когда я потом хотел зря восстановить его на минуту, это оказалось невозможным. До свиданья, милый друг. Еду на острова, завтра в Упсалу, а послезавтра озерами в Готенбор, а оттуда на другой день — в Шотландию. Пиши.

Обнимаю, целую, кланяюсь.

Твой *Влад.*

47.

(1894).

Не боюся я холеры,
Ибо приняты все меры . . .

и так далее, как третьего года. Хотя она в действительности вдвое, если не втрое сильнее, чем в газетной статистике, но все-таки мрет только «черни непросвещенна», так что можно сказать, что эти *люди* умирают не столько от холеры, сколько от своей необразованности, подобно диким азиатам.

Я уже давно переехал из гостиницы в казармы: у Синего моста, Вознесенский проспект, д. № 16, кв. 3 (казармы кадрового батальона лейб-гвардии резервного полка, квартира полковника Кузьмина-Караваева).

Посылаю разрешение на продажу, но денег пока не посылаю,—вероятно, все-таки приеду в Москву около 20-го.

Я так интересовался этой продажей потому, что хотел в хорошей компании ехать на северный полюс, но теперь уже поздно.

Жди, аспид, змий и свинья,
Меня у пруда ночью звездной,
Хотя в трудах по горло я,
И d'inachevé [1]) зияет бездна.
Но не изменится мой рок,
И l'inachevé не станет делом,
Какую б я из всех дорог
Ни выбрал сердцем охладелым.
Любовный пыл совсем остыл,
Лишь в дружбе я ищу опоры,
А потому, о Михаил,
С тобой увидимся мы скоро.

Мама́ телеграфировал. Поздравляю Ольгу, целую Сережу, всем кланяюсь.

Твой *Влад.*

48.

(1894).

Милый мой Миша!

Я здоров и сегодня еду в Финляндию. Будь столь добр выдай Любе за мой счет 10 руб. Я обещал ей прислать, но район моей филантропии неожиданно расширился, захватив

[1]) Намек на Козьму Пруткова.

город Париж, куда я должен был послать 100 франков, после чего иссяк.

В Финляндию я еду сегодня только смотреть, а окончательно переселяюсь в среду или четверг. Весь пансион будет мне стоить не более 50 руб. в месяц (а в Петербурге одна комната — 90 руб.) и затем — нуль извозчиков. Умнее я ничего бы не придумал.

Софья Петровна еще не вернулась и вернется только в октябре...

Вот и все, кажется.

Пиши о себе в ред. «Вести. Евр.»

Целую тебя и всех.

Не забудь насчет Любы.

Твой *Влад.*

49.

(1895).

Милый мой Архангел!

Во-первых, поздравляю тебя, а во-вторых, говорю: ободрись! В минуту досады изобразил я положение дел касательно тебя в более мрачном виде, нежели каково оное есть в самой вещи. Знай, что подобно Роберту Брюсу или тому пауку, с которого он брал пример, я буду раскидывать паутину до тех пор, пока не уловлю муху удовлетворения. Чтобы показать тебе, что это не фразы, сообщу факт сам по себе незначительный и прямого отношения к делу не имеющий, но значительный в смысле «прогресса» и «симптома». 23 сего сентября (в мамашины именины) я, нижеподписавшийся, заседал в Академии Наук в качестве члена комиссии и клал черные и белые шары разным литераторам, а 20 октября мужчина курьерской наружности вручил мне письмо, в котором «поставлял себе в приятность» известить меня, что на монетном дворе приготовляется для меня золотая медаль. Говорят, что эту медаль легко продать за 150 руб. Но важно не это, а «прогресс» и «симптом». Не унывай, архангел мой, j'espère pouvoir bientôt vous être utile et en attendant je tacherai de vous être agréable, как говорил один доктор, щупая свою пациентку.

Анекдот с московской философией, о котором ты имеешь смутное и недостаточное представление, изрядно забавен. Вот в чем он заключается (это под полу-секретом). Редакция

философского журнала имеет в своем заведывании склад философских книг, отдаваемых ей на комиссию. Состав редакции следующий: первый редактор, второй редактор, третий редактор, секретарь редакционного комитета, ревизионная комиссия. Первый редактор и секретарь (à propos: не знаешь ли кто этот ретарь и кого он сек?)—на жалованьи, прочие—из чести. Прекрасно. Книжки журнала запаздывают все больше и больше, и подписка уменьшается, но, впрочем, все обстоит благополучно.

Но вот приходит месяц май, и все элементы этой сложной организации испытывают зараз действие силы центробежной. Первый редактор уезжает в Рязань и Харьков, второй—одновременно с ним—в Курск, а потом в Финляндию, третий—за границу, прочие члены—кто куда. Секретарь сначала одиноко вращается около Москвы, но затем и он отправляется искать отдыха, который и находит в земле Войска Донского. Между тем природа, не терпящая пустоты, удерживает в редакции служащего, простолюдина. Русский народ беден, но религиозен. Окруженный «вопросами философии и психологии» простолюдин тоже ставит вопрос, но на почве религии: «Не будет ли грехом пренебречь столь благоприятными обстоятельствами? Не значит ли это искушать Провидение гордостью?» Страх Господень есть начало премудрости, и вот богобоязненный простолюдин умудряется обокрасть книжный склад на 6000 руб. Вянет лист, проходит лето, и рассеянные члены московской философии, возвратившись домой, протирают свои глаза: мерзость запустения на месте книжном! Начинается «лихорадочная деятельность»: Грот мечется в невропатических припадках, Левон ехидствует над ним, Трубецкой кипит избытком сил, и т. д. Результат: касса психологического общества истощается на покрытие пропажи, и журнал предполагается вести экономически: вместо 64 руб. за лист я буду получать впредь только 40 руб. L'incident est clos. Чтобы не выходить из пределов Москвы, сообщу тебе, что население этой столицы скоро увеличится одною жительницей: Вера Хитрово выходит замуж за Муханова, молодого офицера Сумского драгунского (ci-devant гусарского) полка, стоящего всегда в Москве, где она и поселится после свадьбы. Я не женюсь, но тоже скоро приеду в Москву, хотел даже завтра, но не вышло. А пока я поселен в Царском Селе, угол Церковной и Московской, дом Мердера. Так же дешево, как в Финляндии,

но удобнее для дел. Прочти и передай по назначению прилагаемое письмо. Напиши мне точный адрес Сены,— она у меня была, но я забыл. До скорого свидания.

Целую Ольгу и Сережу.

Твой *Влад. Сол.*

50.

(Весна 1895).

Воистину воскресе!

Милый мой Миша, поздравляю тебя с этим фактом, совершенно достоверным, хотя до сих пор бесплодным; но это ничего,— нельзя же все зараз. Поздравляю тебя также с твоим 33-летием. Прекрасные года, завидные года! Что касается до меня, то недостаток молодости стараюсь заменять прыткостью. Моя «Этика» подходит к концу. В последний мой приезд в Петербург я представлял собою жертву вечернюю, закалаемую на алтаре филантропии. Тысячи четыре собрали через меня для бедных больных детей. За это Николай Чудотворец снабжает меня хлебом насущным. Права свои на священную историю я Карбасникову не продал, но он купил одно издание за 330 руб., о которых так прекрасно выразился Жуковский:

Не говори с тоской — их нет,
Но с благодарностию — были.

Сверх того я продал 2-ое издание своих стихотворений г-ну Ледерле, кажется, на выгодных условиях, но пока получил только часть денег, о которых Жуковский не менее удачно сказал то же самое. Остальные надеюсь получить в июне и предназначаю на поездку в северную Финляндию... расскажу при свидании — между 10 и 15 мая.

Я сижу окруженный тающим снегом. Картина еще зимняя, но способов передвижения никаких. «Беру воздух» на балконе. Впрочем, еще третьего дня я гулял по снежным равнинам озера Саймы с m-me Ауэр [1]), за которою 19 лет

[1]) Ауэр — см. о ней «Письма», т. II, 27. Ей посвящено несколько стихотворений Соловьева.

тому назад ухаживал на Везувии: какой символизм! Теперь у нее 19-летняя дочь Зоя, напоминающая мне (.....) Катю Владимировну [1]) лет 20 тому назад. Я ей говорю (мысленно):

Ich bin nun zwei-und-vierzig Jahre alt
Und du bist neunzehnjährig kaum.—
O Зоя! Wenn ich dich erblicke,
Erwacht in mir der alte Traum.

Но более я беседую с матерью, которая еще не уходит под портик сок гранаты выжимать. До свидания через месяц, милый мой Миша — немчура мохнатая!

Целую Олю и Сережу.

Твой *Влад.*

51.

(1896).

Милый Миша, я нарочно телеграфировал тебе 16-го, а не написал, дабы не докучать тебе в сей радостный (для меня) день хотя и не важными, но все-таки паскудными известиями. «Магомет» застрял в цензуре! Может быть, это к лучшему, ибо я его тогда напечатаю в «Вести. Европы», а потому — в какой-нибудь книжке, но в настоящую минуту я не могу брать под него денег ни у Павленкова, ни у Стасюлевича и, следовательно, должен бесцеремонно воспользоваться твоим предложением. Срок векселя 22 апр. Присылай на имя полковника Владимира Дмитриевича Кузьмина-Караваева: Петербург, у Синего моста, Вознесенский проспект, дом № 16, кв. № 3. Слухи об отставке Ф. пока не подтверждаются. Здесь только три новости, касающиеся истории нравов: 1) Светские дамы и девицы устроили из себя балет (во дворце В. К. Николая Николаевича) в пользу родильных приютов, или au profit des filles-mères, как сказано во французской афише. 2) В «Нов. Врем.» стали появляться об'явления и предложения о вступлении в сожительство; на-днях эти публикации запрещены полицией. 3) В связи с самоубийством одного молодого человека открыто тайное общество «молодежи», основанное для практического упражнения в разных противоестественных пороках преимущественно уголовного характера.

---

[1]) Катя Владимировна — кузина Соловьева, Екатерина Владимировна Романова, впоследствии Селевина. См. письма к ней в 3-ем томе, стр. 56—106.

Будь здоров, мой милый; а я все болен. Целую твоих. Передай мама, что пока писать не о чем. До свидания, вероятно, в конце этого месяца.

Твой *Влад.*

О св. Франциске Навленков даст ответ через несколько времени. Он кому-то уж заказан, но не окончательно. Я ему всячески внушал о тебе.

52.

Архангел!

Не думай, что я в самом деле наплевал: это так — иллюзия пера; за сделанное — спасибо! Вообще же говоря, любите друг друга. Многое нам непонятно. В этом запутанном мире нет большей глупости, как всюду прикладывать деревянный аршин своего разума. Одобряю увеселение как элемент, но субстанцию бытия в нем не полагаю. Допустив трагедию, в печали находишь успокоение. В об'явлениях «Нового Времени» прочел я, между прочим, следующее: девушка ищет места быть одной. Желаю ей успеха. Я, может быть, приеду все-таки 3 апреля, а 4-го вечером уеду. До свидания, голубчик. Всех приветствую. Вот список для книг: И. Тихоправов, Герье, Буслаев, Е. Ф. Корш, М. Н. Лопатин, Сергиевский, Л. Поливанов, Юрьев, Соколов, Кетчер, Станкевич, Янжул, Муромцев и многие друг.

53.

Милый Миша,

могу сообщить тебе только печальные известия. Довольно будет одного, самого печального: Александровский умер 15 августа в кумысном заведении. Оказалось, что он содержал всю свою семью последние два года. У них никаких нет средств, но 4 детей. Хлопочу их устраивать. Но главное горе, что Александровский умер. Теперь у меня только ты один остался. Но два в поле не воин, а воина, или воя (с волками по-волчьи) или вояка — во я как острю глупо с горя, но не сгоря со стыда.

Да! Напиши мне большое письмо. Но до того немедленно по получении сего телеграфируй мне, где я могу получить

деньги из петербургского склада. Телеграфируй так: Петербург, Торговый мост, дом Стерлигова, кв. № 19. Вл. С.

В случае если бы мои деньги были высланы из Петербурга тебе или мама, то мне их нужно послать по следующему адресу: Петербург, Общество взаимного поземельного кредита. Адмиралтейская набережная, дом 6, графу Арсению Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову. Это для денежного письма, а телеграмму отнюдь не Кутузову, а мне у Торгового моста. Будь здоров. Кланяюсь. Пиши.

Твой *Влад.*

54.

Здравствуй, милый Миша!

А я наконец решился обратиться к доктору, который будет у меня завтра (специалист по части мозгов—Розенбах). Пришли мне, пожалуйста, что-нибудь в роде «инвентаря» остающихся экз. «Ист. России». Книжный склад Стасюлевича, кажется, склонен купить тысяч за 7—8. А также пришли статистику продажи за последние годы.

Так как с тебя может статься, что ты уже отдал за меня в магаз. Карбасникова мой долг 75 руб., то я не посылаю ему оный до получения известия о сем от тебя. Напиши поскорее. Я еще в Англии [1]). Будь здоров. Всех целую.

Твой *Влад.*

55.

Милый Миша!

Я не догадался спросить тебя, может быть тебе нужны деньги и для собственного обихода. Пожалуйста, возьми в таком случае. Это такой редкий случай (что можно у меня взять), что грех не воспользоваться сим восьмым чудом света. Завтра я к тебе зайду перед или после обеда.

Ваш *Влад.*

---

[1]) Т. е. в гостинице Angleterre в Петербурге, на Исаакиевской площади.

56.

Сорренто. 8/20 Апреля 76 [1]).

Дорогой Миша!

Поздравляю тебя с совершеннолетием и сожалею, что не могу по сему случаю прислать тебе ни торжественной оды, ни даже длинного письма, ибо рука моя действует плохо. Две недели тому назад, возвращаясь с Везувия, я упал вместе с лошадью и получил рану на колене и разбил обе руки. Четыре дня лежал без движения и теперь еще едва хожу. Будь здоров, кланяйся от меня Михаилу Ивановичу, письма от которого я, к сожалению, не получил.

Твой *Вл. Сол.*

МИХАИЛУ АЛЬБЕРТОВИЧУ КАВОСУ [2]).

(Без даты).

Михал Альбертыч дорогой!
Пишу Вам из казерны,
Согбен от недуга дугой
И полон всякой скверны.

Забыты сладкие труды
И Вакха и Киприды,
Давно уж мне твердят зады
Одни гемороиды.

Брега пустынные Невы
Коснеют в скуке дикой,
Виновен в том не я, не Вы,
А разве Петр Великий.

Я Ваших не встречал друзей
В сей пустоши огромной,
Исчез и Вейнберг не-еврей [3])
И Боборыкин скромный.

В печати, кажется, застой
И новостями бедно.
Брошюру издал Лев Толстой
О том, что пьянство вредно.

---

[1]) Печатается впервые.

[2]) Эти же стихи Соловьев послал и Стасюлевичу (см. «Письма», т. I, стр. 136), но четвертое четверостишие здесь читается иначе.

[3]) Намек на письмо Петра Исаевича Вейнберга, напечатанное в качестве возражения на критику Буренина.

Г..... Люба гонорар
У Зиночки стянула;
Волынского задел комар,
И он упал со стула.

Не углубляюсь далее в микрографию и обращаюсь к Вам. Узнав с радостью о Вашем добром поведении, самым решительным образом присоединяюсь к требованию нашей милой Варвары Ивановны [1]), чтобы Вы оставались в деревне, по крайней мере, до сентября — без всяких разговоров. Иначе все Ваши друзья от Вас отказываются, и даже Вейнберг, забыв, что он не еврей, предаст Вас херему.

Уверяю Вас, что в Петербурге отвратительно, и я остаюсь здесь только для умерщвления плоти.

Итак до сентября, дорогой Михаил Альбертович. Передайте мой усердный поклон Вашим хозяйкам [2]), если они помнят о моем существовании.

Влад. Соловьев.

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЛЮБИМОВУ.

1.

— (Без даты).

Многоуважаемый Николай Алексеевич [3])!

Один мой старый приятель, бывший мировой судья в Ельце (а теперь в Москве), написал рассказ, который очень хвалят и материалом для которого послужила его судебная практика среди мужиков. Его фамилия—Лонатин; один его рассказ («День мирового судьи») был уже напечатан в «Руси». Это вещица небольшая, но написанная с несомненным талантом. Новый свой рассказ, который, как я слышал, гораздо лучше первого, он желал бы поместить в «Русском Вестнике», и я смело рекомендую его Вашему вниманию. Он доставит (или уже доставил) свою рукопись в редакцию, а Вы ее не обойдите.

Пишу к Вам из Красного Рога, имения графини Толстой, где я провожу лето. Пишу понемногу большую книгу мета-

---

[1]) Баронесса Варв. Ив. Икскуль.

[2]) Мария Александровна и Елизавета Васильевна Лавровы.

[3]) Вл. Соловьев сотрудничал в «Русском Вестнике» в 1875—1877 г., поэтому и письма к Н. А. Любимову относятся к этому времени.

физического содержания, первую часть которой (о сверхнаучных предположениях всякой науки) желал бы отдать в Ваш журнал. Пишу также просьбу к архиереям, чтоб вели себя лучше (не думайте, что я сошел с ума).

Будьте здоровы. Передайте, пожалуйста, мой поклон Вашим, а также Катковым.

С искренним уважением *Влад. Соловьев.*

2.

(Без даты).

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Не будете ли Вы столь добры известить меня о судьбе рассказа, доставленного к Вам в редакцию моим приятелем Лопатиным и о котором я Вам писал в июне?

Было бы желательно, чтоб этот рассказ не запоздал в печати,—я был на несколько дней в Химках, в Москве же никого не видал и никуда заехать не успел. Лето я провел без пользы и без удовольствия, так как хворал и хозяева мои также.

Думаю привезти или прислать Вам статью о духовной власти в России,—не знаю только напечатаете ли.

Метафизикой своей я летом заниматься не мог, однако начало есть—думаю, будет и конец.

Не знаю долго ли я пробуду еще здесь, а потому не будете ли Вы так добры телеграфировать мне о рассказе моего приятеля: *Почеп* Черниговской губ., почтою—Красный Рог, графине Толстой.

До свиданья.

Передайте мой сердечный поклон Вашему семейству.

Истинно уважающий Вас *Влад. Соловьев.*

3.

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Все ожидал обещанного Вами извещения, но вот уже более двух недель как я здесь, а его все нет,—боюсь, не пропало ли Ваше письмо. Мать пишет мне, что моя belle soeur не получила от Вас никакого решительного ответа касательно «навождения».

Убедительнейше прошу Вас сообщить ей таковой, чтобы не задерживать ее в Москве.

Относительно гонорара меня просят передать Вам, что брат согласен на *сто* рублей за лист.

Через несколько дней я буду в Москве и привезу свою статью.

До свиданья. Передайте, пожалуйста, мой поклон Вашему семейству.

Истинно преданный *Влад. Соловьев.*

4.

Милостивый Государь

многоуважаемый Николай Алексеевич!

Я познакомился в Лондоне с одним талантливым экономистом, который может быть полезен для «Русского Вестника». Он немец славянского племени и благородного происхождения, по имени Артур фон-Студниц, сотрудник немецкого журнала «Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte» (Berlin), «Deutsches Handelsblatt» (Berlin) и «Allgemeine Zeitung» (Augsburg) и автор исследования «Ueber die gesetzliche Regelung des Freihandels bei Gold und Silberwaaren».

Он охотно присылал бы статьи и корреспонденции по социальным и экономическим вопросам для «Русского Вестника» и «Московск. Ведом.».

Я в Лондоне уже полтора месяца. На континенте не останавливался нигде. Здесь почти все время провожу в Британском музее. Видаюсь только с русскими и немцами; с англичанами знакомиться — лень. Был один раз на сеансе у довольно известного медиума Вильямса и нашел его весьма замечательным по нахальству, если не по ловкости, фокусником. Если Петербургское Физическое общество будет иметь дело с такими медиумами, то можно заранее поздравить Аксакова с блестящим успехом.

Будьте здоровы. Передайте мое почтение Екатерине Дмитриевне.

С истинным уважением преданный Вам

Влад. Соловьев.

9/21 (VIII) 75.

БАРОНУ ДАВИДУ ГОРАЦИЕВИЧУ ГИНЦБУРГУ.

1.

(1896).

Многоуважаемый барон [1]), боюсь, что мое письмо, посланное более месяца тому назад, не дошло до Вас, и потому повторяю вкратце его содержание, посылая его на этот раз *заказным*. Статья Ваша о Каббале чрезвычайно интересна и содержательна, и я надеюсь, что Вы примете мое посредничество для напечатания ее в московском философском журнале («Вопросы философии и психологии»). Для словаря же она несколько длинна, и главное—не общедоступна. Людей, *сколько-нибудь* знакомых с Каббалой—хотя бы только так, как я,—у нас совсем ничтожное число, а для тех, кто ничего о Каббале не знает, Ваша статья будет непонятна. Она есть чисто ученая статья; между тем в общем словаре такие статьи допускаются лишь по таким специальностям, которые или сами по себе никаких трудностей для понимания не представляют (напр., история, география, зоология и т. п.), или же по таким, которые изучаются большим числом людей (напр., математика, механика и т. п.). Но по части еврейской мистики в русском обществе не только нет специалистов, но даже дилетанты, как например я, способные понять и оценить чужой ученый труд, считаются единицами. А сокращать Вашу статью или приспособлять ее к требованиям лиц, совсем незнакомых с предметом, было бы жалко, ибо—повторяю свое искреннее мнение—статья Ваша в своем роде превосходна. Настоящее ей место в специальном отделе философского журнала, куда, надеюсь, Вы и уполномочите меня ее передать после того как дополните ее теми замечаниями, о которых Вы мне писали, а также, может быть, и другими, ибо для философского журнала нет причин торопиться. Если у Вас есть другой список статьи, то, приведя ее в окончательный вид, потрудитесь переслать Вашему батюшке. Если же нет, то известите меня через него же, и я Вам вышлю рукопись, которая у меня. Надеюсь, Вы не посетуете на меня за этот contre temps и не

---

[1]) Статья о Каббале была помещена в 33-ей книжке «Вопросов философии» в 1896 году.

лишите нашу философскую литературу Вашего ценного вклада.

Истинно Вас уважающий *Влад. Соловьев.*

2.

(Без даты, на бланке «Hôtel d'Angleterre»).

Спешу сообщить Вам, дорогой барон, что А. Д. Оболенский известил меня, что может принять наших знакомых или сегодня (в пятницу) в министерстве до 12 часов, или завтра (суббота) у него на квартире (Большая Морская, 53) в 11 часов.

До свидания завтра.

Душевно преданный Вам

Владим. Соловьев.

ПИСЬМО К МАТЕРИ.

17/29 Сент. 75.

Дорогая мама!

Поздравляю Вас и Сену с именинами. Я совершенно здоров, и Вы не имеете никакой причины обо мне беспокоиться. В Бристоль я еду на короткое время в декабре, в Швейцарию же некогда, разве на обратном пути заеду. Я надеюсь вернуться в Россию в июле,—следовательно, мы увидимся не через год, а через девять месяцев. Надеюсь, папа получил мой отрицательный ответ на предложение кн. Мещерского.

Я, кажется, не писал Вам, что здесь был Иловайский с дочерью. Я с ними несколько раз виделся; вероятно, он будет у Вас по возвращении. Скажите от меня Мишуку, что игривость ума дороже всех пятерок.

Кстати об игривости: представьте себе, что мой приятель Лашкин раз'ехался со своей женой, — сия m-me Пентефрий наконец нашла своего не-Иосифа. Очень жаль старика.

Крепко целую Вас, дорогая мама, и всех так же.

Ваш *Влад. Соловьев.*

К ЮЛИИ ФЕОД. АБАЗА [1]).

(Без даты).
7 h. du matin
6 Avril.

Très chère, très bonne et très vénérée Madame,
София Петровна va mieux ces derniers jours. Je l'accompagne aujourd'hui à Пустынька. Nous partons à 9 h., je reviens dans l'après-midi, elle—dans la soirée. Je suis sûr que dès demain elle sera très contente de Vous voir. Son frère est arrivé et descendu chez elle.

Au revoir.

Votre très dévoué

Vlad. Solovieff.

ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ Н. М. БАРАНОВУ [2]).

Ваше Превосходительство!

Когда я просил о разрешении мне лекции, я заявил, что не буду говорить о политике. И я не говорил о политике. О самом событии 1-го марта я не сказал ни слова, а о прощении преступников говорил только в смысле заявления со стороны государя, что он стоит на христианском начале всепрощения, составляющем нравственный идеал русского народа. Заключение моей лекции было приблизительно следующее: «решение этого дела не от нас зависит, и не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым, и служим единому Богу — Богу любви. Тогда мы возможем духовно воссоединиться с нашим народом,—тогда он узнает в нашей мысли свою душу и увидит свою жизнь в нашем свете».

Из 800 слушателей, разумеется, многие могли неверно понять и криво перетолковать мои слова. Я же с своей сто-

---

[1]) Ю. Ф. Абаза, вдова министра финансов, была до замужества чтицей у вел. княгини Елены Павловны. Письмо сообщено А. Ф. Кони; оно написано на бланке «Hôtel d'Angleterre» в Петербурге.

[2]) Напеч. в «Былом» 1918 г., № 10—11.

роны могу сослаться на многих известных и почтенных лиц, которые, как я знаю, верно поняли смысл моей речи и могут подтвердить это мое показание.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга.

Влад. Соловьев.

После лекции один неизвестный мне господин настоятельно требовал, чтобы я заявил свое мнение о смертной казни, в ответ на что я сказал, взойдя на эстраду, что смертная казнь вообще, согласно изложенным принципам, есть дело непростительное и в христианском государстве должна быть отменена.

СТУДЕНТАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА [1]).

(1900).

Гг. X, Y, Z и т д.

Не имея времени писать длинных писем, я пишу вам только для того, чтобы показать вам неразумность и бестактность вашего поступка, конечно, вами не сознаваемого.

Несколько учащихся молодых людей, не получивших еще никакого права на чье-либо уважение, решились на основании передачи чтения из вторых, а может быть и третьих рук послать строгий выговор человеку пожилому, лично им неизвестному, но за которым они сами признают уважаемое имя и заслуги в прошлом. Этот выговор оканчивается предположением помешательства у того, кому он посылается, что характеризует ваше настроение, лишенное всякого логического контроля.

Если вы не думаете серьезно о его помешательстве, то ваша выходка есть мальчишеская дерзость, которая не достойна не только студентов, но и благовоспитанных гимназистов приготовительного класса. Если же вы действительно считаете его страдающим умственным расстройством, то укорять больного его болезнью свидетельствовало бы о полной атрофии в вас всяких человеческих чувств,

[1]) Было помещено в «Богословск. Вестнике» (перепеч. в «Бирж. Ведомостях» 1913 г., № 13351).

что я не хотел бы предположить в вас, а потому об'ясняю себе ваш поступок вашим неразумением и недомыслием.

Этим же об'ясняю себе и то, что вместо того, чтобы собираться коллективно и посылать ваш выговор, не зная сами точно кому и в чем, вы могли бы единогласно обратиться ко мне с запросом, где напечатана моя лекция. Я ответил бы вам, что в февральской книжке «Недели», или прислал бы вам оттиск.

Тогда, по крайней мере, если бы вы и послали мне ваш выговор, то он имел бы более смысла.

Что касается моих заслуг в прошлом и уважения, которым пользуется мое имя (как вы сами пишете), то я это считаю в связи с тем, что, находясь в полном согласии с истиною, я своего мнения не ставлю на одну доску с мнением Ив. П-ча, П. П-ча, Льва Ник. и всей вселенной, а держусь твердого убеждения, что видимый мир проходит, а истина всегда живет и Бог вместе с нею.

Вам теперь я пишу не потому, что ваше письмо могло затронуть мои убеждения, а из искренней жалости к беспомощному состоянию ваших мозгов и сердец. Я твердо уверен, что мой «Антихрист» уже принес материальную пользу питомцам Петербургского Воспитательного дома, а это письмо принесет, вероятно, некоторую нравственную пользу питомцам Московского университета и Технического училища.

От души желаю вам всякого блага.

Владимир Соловьев.

А. А. ЛУГОВОМУ [1]).

1.

Придет к нам, верно, из Лесбоса
Решенье женского вопроса.

2.

Дал вечность Лесбии своей
Катулл, хоть к ней отнесся строго . . .
Катуллов нет у нас, ей-ей,
Но Лесбий, батюшки, как много!

---

[1]) Письма к А. А. Луговому см. во II томе «Писем», стр. 299—312; здесь печатаются те, которые не вошли во второй том.

1.

(1897).

Дорогой Александр Алексеевич!

Примите, пожалуйста, к рассмотрению рассказ Петра Николаевича Дубенского, которого усердно Вам рекомендую.

Вл. Соловьев.

2.

(1897).

Дорогой А. А.!

Волконский вместо того, чтобы вернуть рецензию мне, послал ее А. Ф. Марксу, а я хотел ее еще перечитать и дополнить. Но теперь уже поздно, сойдет и так. Посылаю Вам рукопись Дубенского с полномочием автора исключить все места, которые Вам покажутся сомнительными с точки зрения популярного журнала, а также цензуры. В воскресенье возвращаюсь в Петербург и занесу Вам своего толстого младенца [1]).

В. *Влад. Сол.*

3.

(Без даты).

Ни четверг, ни пятница мне не свободно, дорогой Ал. Ал., но и завтра есть препятствие. Сговоримся в пятницу вечером относительно позднейшего дня. Душевно преданный

Влад. Соловьев.

(ПРИЛОЖЕНИЕ).

Некогда некто изрек: «Сапоги суть выше Шекспира».
Дабы по слову тому превзойти британца, сапожным
Лев Толстой мастерством занялся и цели достигнул.
Льзя ли дальше пти, россияне, в искании славы?
Вящую Репин стяжал: «Когда сапоги, как такие,
Выше Шекспира»,—он рек,—«сапоги, просветленные ваксой,
Выше Толстого», и вот сосуд с блестящим составом
Взявши, Толстого сапог он чистить начал усердно.

[1]) Т. е, «Оправдание добра».

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ.

20 Марта 1875.
Москва.

Милостивый Государь

многоуважаемый Яков Петрович!

Приятель мой кн. Цертелев поручил мне доставить в редакцию «Пчелы» статью его, которую при сем посылаю. Мне кажется, что она по своему тону и по некоторым остроумным замечаниям заслуживает быть напечатанною. Если бы Вам сверх ожидания показалось иначе, то не будете ли так добры прислать ко мне обратно.

Война против меня все продолжается, и конца не видно, но я уже перестал читать. В мае еду за границу освежиться от русского чада и кой-что посмотреть.

Проездом буду в Петербурге и надеюсь Вас увидеть, в ожидании чего остаюсь

с глубочайшим уважением преданный Вам

Влад. Соловьев.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЯНЖУЛУ.

9/21 Мая 76 [1]). Париж.

Многоуважаемый Иван Иванович!

Хотя со времени нашего совместного пребывания в Лондоне прошло менее года, но для меня с тех пор переменилось столько пестрых сцен, что мне то время представляется совсем далеким прошедшим; надеюсь однако, что Вы не успели совсем забыть о моем существовании и не будете удивлены этим посланием.

После многих странствий по суше и морям и различных бедственных приключений я успокоился в Париже. В начале июня заеду в Лондон, где, может быть, Вас встречу, так как Вы, кажется, туда собирались на лето. Из Лондона отправлюсь в Прагу, где думаю издать одно свое сочинение,

---

[1]) Письмо адресовано в Москву, в университет, отослано 21 мая 76 года, получено 14 мая 1876 г., как видно по почтовому штемпелю.

после чего поспешу в Россию, по которой уже давно тоскую.

Положительных результатов из своего путешествия я, разумеется, никаких извлечь не мог, зато получил много отрицательных впечатлений, как например, что Восток есть куча старого мусора и нового г..на, что Италия есть пошлейшая страна в свете, и т. п.

Наш общий лондонский приятель М. М. Ковалевский прислал мне два своих сочинения неизвестно откуда, но в ответ на мои письма, адресованные его хозяйке, не пишет ни строчки, так что я решительно не знаю, какие страны нашей планеты носят его об'емистое тело, а знать мне это нужно, так как я оставил у него свои книги. Если Вы знаете или можете как-нибудь узнать его местопребывание, сделайте одолжение сообщите.

В Париже теперь ничего интересного, если не считать таковым похабного де-ла Рувье. Этот радикальный депутат изображал в саду Пале-рояля языческого бога Приапа перед пятью маленькими девочками, за что его хотят судить.

Познакомился я с известным Ренаном,—пустейший болтун с дурными манерами.

Будьте здоровы, до свиданья.

Преданный Вам *Вл. Соловьев.*

Передайте мое почтение супруге.

Н. И. КАРЕЕВУ.

1.

Душевно благодарен тебе, мой друг, за приглашение, которым, вероятно, воспользуюсь. Теперь я собираюсь по кой-каким делам в Петербург не надолго и оттуда, если ничто не задержит, приеду к тебе в половине июня. В противном случае буду ждать тебя в августе.

Исполняю пока твое доброе пожелание: сравнительно здоров и, насколько позволяет мой темперамент, весел; желаю и тебе того же.

Намерения мои относительно будущего несколько изменились: хочу заменить магистра философии магистром богословия. Для того буду сначала держать в духовной академии кандидатский экзамен, равняющийся нашему маги-

стерскому, так как он совершенно специальный и другого после него не бывает; затем должен буду прямо защищать диссертацию. Все это возьмет два года, в течение которых буду жить у Троицы, так как там удобнее заниматься. А затем далее—самая удобная для меня дорога. Печально только, что буду на ней совершенно одинок; по крайней мере, от прежних товарищей сверну совсем в сторону. Приеду, значит, на прощанье, итак до свиданья.

Твой *Вл. Соловьев.*

Июня 2-го, Москва, (1873 г.).

2.

Не писал тебе до сих пор, любезный друг Кареев, потому что все собирался в Петербург и хотел известить оттуда. Но теперь по совету отца отложил поездку до конца осени, так как летом никого и ничего в Петербурге нельзя найти, а в начале осени мне самому неудобно, ибо нужно будет устраиваться в академии. Обещанной рецензии составить не мог за совершенным отсутствием свободного времени, так как все писал статью по истории религии, которая очень разрослась и будет помещена в «Православном Обозрении», как обещал Иванцов-Платонов, и теперь еще не кончил. На-днях видел в Москве Соколова, который показался мне очень изменившимся и не в одной наружности.

Могу сообщить удивительное известие о нашем Писемском[1]). Пробывши один месяц в Поливанове, он внезапно вышел в отставку и поехал в Петербург, чтобы поступить в технологический институт, либо в инженерную академию с целью, как он говорит, получать впоследствии больше денег; в действительности же, кажется, он просто не может найти своего центра тяжести и потому бросается во все стороны. Надеюсь, через месяц увидимся. Передай мое глубочайшее почтение Ивану Васильевичу, Екатерине Осиповне (поручение ее я исполнил тотчас же по приезде в Москву) и всем в Муравинниках.

Влад. Соловьев.

Москва, 6 Авг. 73.

---

[1]) Сын знаменитого писателя, товарищ Кареева и Соловьева по гимназии, рано умерший.

ГРАФУ ДИМ. АДАМ. ОЛСУФЬЕВУ.

1.

(Без даты).

Дорогой граф,

сегодня от 5 до 8 час. я провожу у матери своей и сестры по случаю дня рождения последней, а в 10 час. еду в Москву с курьерским и с Вами,—значит, до скорого свидания.

Ваш *Вл. Соловьев.*

2.

Очень жалею, что опоздал: задержало особое обстоятельство,—продавал «Антихриста» немножко дороже, чем Иуда—Христа. До свидания в Москве.

Влад. Соловьев (анти-Иуда).

Отказаться от вина—
В этом страшная вина;
Смелее пейте, христиане,
Не верьте старой обезьяне.

Влад. Соловьев.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III [1]).

Ваше Императорское Величество
Всемилостивейший Государь!

До слуха Вашего Величества, без сомнения, дошли сведения о речи, сказанной мною 28 марта, вероятно в искаженном и во всяком случае в преувеличенном виде. Поэтому считаю своим долгом передать Вашему Величеству дело как оно было.

Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявляемую ныне в таких небывалых размерах, веруя также, что русский народ в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решился с публичной кафедры исповедывать эту свою веру.

[1]) «Былое», № 10—11 (1918). Специальный номер 1-го марта 1881 года. Речь В. Соловьева была произнесена 28-го марта 1881 года.

Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время дает русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть Его на недосягаемую высоту и на незыблемом основании утвердит Его державу. Милуя врагов своей власти вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, Царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение Царской власти, покажет, что в нем живет высшая духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больше этого подвига.

Вот в чем заключается сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но и в прямом противоречии с ними.

Вашего Императорского Величества
верноподданный

Владимир Соловьев.

СОФЬЕ МИХАЙЛОВНЕ МАРТЫНОВОЙ [1]).

1.

Милый друг Софья Михайловна!

Письмо Ваше действительно подтверждает ту удивительную перемену, которую я заметил в прошлую пятницу утром и в которой напрасно усомнился-было к вечеру. Скорблю, но не отчаиваюсь, тем более, что имею основания приписывать эту перемену внешнему влиянию, а также своим собственным промахам. Пока эта перемена—утрата радужного сияния или признаков божественной Софии—касается только разговоров и лица, это еще пол-беды. А вот когда она распространится и на все тело — тут уж конец всему. Тогда у Вас останется только одно преимущество—быть самой умной

[1]) Письма к С. М. Мартыновой доставлены в неисправном виде; они интересны главным образом по большому количеству серьезных и шуточных стихотворений.

и оригинальной из женщин (из баб, из матерей). Это от Вас неот'емлемо, но это очень, очень мало, а для того света — совсем ничего. Впрочем, Ваше милое, хотя и безореольное письмо, огорчившее меня своим содержанием, очень порадовало своим благодушно-спокойным тоном. Спасибо Вам пока и за это. Пишу Вам не для того, чтобы оплакивать отлетевшую Мадонну, а для того, чтобы просить оставшуюся матрону сказать мне откровенно: могу ли я вместо понедельника приехать на несколько часов завтра, в пятницу,— ровно неделю спустя после моего последнего от'езда. Осмеливаюсь спрашивать об этом потому, что в письме Вашем хотя указан понедельник, но не исключена и пятница, а исключены только суббота и воскресенье (по причине гостей) и потом вторник с последующими днями (по причине сборов к переезду), так что я не нашел насчет своего приезда в Знаменское прямого приказания, которому должен был бы беспрекословно повиноваться. Если же Вы по каким-нибудь причинам или безо всяких причин прикажете мне не приезжать в пятницу, а приехать в понедельник, то, разумеется, я исполню это с благоговением. Мои же причины для предпочтения пятницы (если это Вам все равно) суть следующие: 1) я попал в скверную историю (благодаря своей неблагоразумной филантропии или филантропического неблагоразумия), вследствие которой, может быть, и доживу в Москве до следующей недели; 2) если доживу, то, может быть, в понедельник придется присутствовать при погребении моей старой приятельницы, добрейшей и почтеннейшей Прасковьи Михайловны Голынской, которой гроб привезут из Петербурга в Симонов монастырь между субботой и понедельником.

Пишу Вам в Москве, а пошлю из Моршихино, куда отправляюсь для окончательной ликвидации. Завтра утром приеду туда же за Вашим ответом и, смотря по содержанию, поеду или к Вам, или к брату.

«Неопалимая Купина» моя была в свое время напечатана в «Вестнике Европы».

A propos: княжна Прасковья Владимировна опять высекла розгой своего мальчика.

Посылаю Наде новый том ее любимого сочинения, а для Вас достал «Соловьева в Фиванде» и отдал переписывать.

Прилагаю начало нового цикла акростихов на новое Ваше имя.

До свидания—ci-devant София и Madonna—завтра, Бог даст, или в понедельник.

Ваш ci-devant *Влад. Сол.*

АКРОСТИХИ.

ЦИКЛ ВТОРОЙ: МАТРЕНА.

I.

*М*адонной была для меня ты когда-то:
*А*лмазною радугой лик твой горел,
*Т*аинственно все в тебе было и свято,
*Р*ыдал я у ног твоих тысячекрат и
*Е*два удавиться с тоски не успел,
*Н*о скрылся куда-то твой образ крылатый,
А вместо него я Матрену узрел.

II.

*М*айская роза давно уже отпета,
*А*вгуст... и август исчез.
*Т*очно как лысина старого Фета
*Р*оща твоя так печально раздета,
*Е*лью одною красуется лес...
*Н*овой природе сочувственно вторя,
*А*х, ты Матреною сделалась с горя.

2.

(1892).

Зачем слова? В безбрежности лазурной [1])
.....

Если, мой друг, Вы не в телепатическом настроении и такое имянинное приветствие Вам не угодно, то вот Вам другое с более простым выразителем моих чувств:

Не боюсь я холеры [2]),
Ибо приняты все меры, и т. д.

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-ье. СПб. 1900 г., стр. 30.

[2]) К стихотворению, напечатанному у Стасюлевича в III т., стр. 369, и в I т. «Писем», стр. 107, в этом письме есть прибавка—4 строки:

Но когда, микроб мой милый,
До моей немой могилы
Ты коснешься дивной ножкой,
Буду счастлив я немножко.

Не нравится и это? — так вот Вам и третье:

Мы сошлись с тобой не даром, и т. д. [1])

Это сочинено во сне и потому безобразно, есть что-то... А засим почтительнейше поздравляю Вас и Надю и Верочку с днем вашего ангела.—Я нахожусь в гриппе и трудах. Получил приятные письма от Figaro и от немецкого переводчика моей книги.

Соловьева в Фивaиде [2])
Вам описали в лучшем виде
В черную тетрадь.
Я хотел приехать в Сходню,
Чтобы завтрашнему ко дню
Вам ее послать.
Но меня бранили б строго
Вы за то, да и немного
Дней осталось ждать

до Вашего переезда в Москву, где надеюсь скоро Вас увидеть. Зайду в пятницу узнать, не привезли ли Вы Георгия, а то до воскресенья.

Ваш *Влад. Соловьев.*

3.

Мой милый друг, Вы вообще справедливо считаете меня идиотом, но в иных случаях и Вы ошибаетесь. Например, Вы нашли глупостью мое провожание К. И., а это оказалось замечательно умным поступком. Представьте себе, я приобрел у нее две Ваши фотографии, которых она мне прежде и не показывала. На радостях я ужасно целовался с Ленским.

На Сходню я приехал слишком рано, ждал более часа. В вагоне нашел Николая Лопатина, которому обрадовался вдвойне — как другу детства и как напоминанию об одном вечере у Соллогубов, когда я вместе с ним Вас видел.

Когда моя мечта на грани прежних дней
Тебя найдет за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

А на рубеже железной дороги я угостил Лопатина, не забыв и себя, так что весь провожральный анекдот прошел под дымкою туманной. Но фотографии у меня в столе, и это уж не туман.

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-ье. СПб. 1900, стр. 29.

[2]) Шуточное стихотворение гр. Соллогуба, описывающее пребывание Соловьева в Египте, напечатанное в 3-ьем томе «В. Соловьев в его молодые годы». С. М. Лукьянова. Петроград. 1921.

Я напишу Вам еще во вторник, а теперь вот Вам моя «Неопалимая Купина»; я ее припомнил. Но прежде о деле: У себя дома я нашел 9 писем и 3 посылки, одну корректуру телепатии [1]) и одну телеграмму. Между письмами два решили *пока* мою судьбу. Наследник моего умершего приятеля и должника, отвечая на мое соболезновательное письмо, предупредил мое обращение к нему за деньгами, предлагая взамен их выбрать книги из библиотеки его отца. Другой господин, долженствующий вручить мне 100 руб. и задаток за повесть от одного издателя, часть этих денег растратил на свои домашние нужды, а мне и 100 руб. для поездки были бы совсем в обрез.

Таким образом, до 15 октября я лишен свободы двигаться et Vous êtes condamnée a subir encore ma proximité. A propos, sans susceptibilité et arrière pensée aucune. Вы, милый друг мой, внали в некоторую естественную ошибку относительно моих посещений Знаменского. Правда, что в августе мы видались часто—из 31 дня одиннадцать были озарены для меня лучами Вашего реального присутствия,—но Вы забыли, мой друг, что это наполовину происходило в других местах: в Москве, в Нагорном, на вокзалах и дорогах. А в Знаменском я был в августе всего три раза: 1) двое неполных суток с вечера 5-го и до полудня 7-го (при княжне Мими), 2) сутки с вечера 15-го и до вечера 16-го (при г-же М. Бартоломей) и 3) несколько часов 25-го (накануне Вашего от'езда в Мих.),— а сентябрьский мой визит с Кат. Ив. и проч. был хотя долог, но, кажется, безупречен. Ах, друг мой милый!

Приложена «Неопалимая Купина», см. Стихотворения Вл. Соловьева, 3-ье изд. СПб. 1900, стр. 50.

Вл. Соловьев.

4 Сентября 1891.

4.

д. Морщиха, Суббота (1892 г.).

Здравствуйте, милая Софья Михайловна!

Зачем пропущено так много дней?

Надеюсь, понедельник продолжает быть *наверное*. Приеду часу в четвертом на извозчике и останусь, если позволите,

[1]) Т. е. книга Подмора и Гурнея о телепатии, вышедшая под редакцией В. Соловьева.

до полуночи. Я думаю, может быть ошибаюсь, что и со стороны житейских видимостей Вы сделали промах, откладывая так долго наше свидание. Кажется, даже дети полагали, что я приеду раньше. Mais ce qui est fait est fait (pas toujours du reste: quelquefois ce qui est fait (Фет) est Шеншин).

В ночь на 3-ье июня (первый в этой деревне) я произвел два стихотворения: одно—короткое и печальное—о западном ветре, а другое — длинное и веселое — о скипидаре. Оба не сочинены, а прочувствованы. Судите сами:

Ветер с западной страны
Слезы навевает,
и т. д., и т. д. [1]).

Странное дело. Только-что это выразилось и совершенно искренно в стихах, как сейчас же перестало быть истинным в действительности: не только вернулось сердце из края мертвецов, но и их самих твердо надеется вытащить на свет Божий и не только западных, но и восточных.

Из печальных стихов Вы можете основательно заключить, что пол моей дачи (разумею пол — planche, а не пол — sexe) уже обильно полит моими слезами. Но еще обильнее насыщен он скипидаром, как видно из нижеследующей баллады:

ТОРЖЕСТВО СКИПИДАРА [2]).

За это я думаю получить 36 руб. для покупки лошади разорившемуся крестьянину Алексею Харитонову. Прови-

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, изд. 3-ье. СПб. 1900, стр. 65.

[2]) Напечатано в архиве Стасюлевича (V, 366—369). Перепечатано — «Письма», т. II, стр. 366—367.

Только к строфе

«Ты римлянину для иного
Дела мог служить» — примечание:

По свидетельству древних писателей, римские щеголихи всегда любили терпентин за запах фиалок, который он сообщает некоторым повседневным выделениям организма, не имеющим (сами по себе) такого запаха. Сей удивительный и презящный эффект достигается не только приемом внутрь или натиранием, но и простым вдыханием насыщенного терпентином воздуха.

К тексту архива Стасюлевича прибавлены 3 строфы:

10.

Но покой — увы!—не долог:
Вижу новый враг —
Изо всех щелей и щелок
Повалил прусак.

дение хочет спасти меня quand même. Никуда от благотворительности скрыться не могу, а я читал в верных книгах, что *милостыня покрывает все грехи.*

5.

(1892).

«Вечерние Огни» Фета, выпуск I, стран. 55.

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
. . . . . .
Месяц *зеркальный* бежит по лазурной пустыне [1]).

Gagné.

Автор стихотворения (на правах дедушки) поручает (переписчику) передать напрасно отрицавшей его авторство, что она более, чем мила,— прелестна.

6.

ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ?

Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.
Люди живы той любовью
Что атом к атому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.
А когда не слишком смело
И себя причислить к людям, —
Жив я мыслию, что с милой
Мы навеки вместе будем.

Вл. С.

11.

Ах! и мне воинским жаром
Довелось гореть
И французским скипидаром
Прусаков огреть.

12.

Все погибли смертью жалкой,
Кончилась борьба,
Терпентином и фиалкой
Пахнет вся изба.

[1]) Очевидно, пари насчет того, что у Фета сказано именно месяц «зеркальный».

Имману-Эль [1])
(с нами — Бог)

Это для всех, а я еще владею одной тайной, которую и не скажу.

До завтра. *Вл. С.*

Янв.-Февр. 1888. 31 Дек. 91. Ян. 92, 5, 8, 12, 13, 15, 16 [2]).

О греза милая счастливого японца!
Уж я любовь отпел — и вдруг нежданно ты
Пришла,—приотворив души моей оконца,
В ней разом подняла заснувшие мечты.
Пусть осень ранняя смеется надо мною,
Пусть серебрит мороз мне темя и виски,
С весенним трепетом стою перед тобою
Исполнен радости и молодой тоски.
И с милым образом не хочется расстаться,
Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Японской сказкою считаю я теперь.

Влад. Соловьев.

Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?
Форму принять мое чувство боится...
О как бессильно холодное слово!

7.

Madame, voici encore une pièce de vers que je viens de composer ce matin, en me levant:

Нет! Так я не любил: мучительной и жгучей
Была она, любовь моей весны,
Но душу не звала в мир трепетных созвучий,
В прозрачные, серебряные сны.
Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступные кругом сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.
И вдруг посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкие крыла,
И в новую страну неистощимой грезы
Любовь-волшебница меня перенесла.

---

[1]) См. Стихотворения Вл. Соловьева, 3-е изд. 1900, стр. 63—64.

[2]) Это написано не рукой Вл. Соловьева (по всей вероятности, рукой С. М. Мартыновой).

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройные недвижимо стоят,
И эльфов нежный рой невидимо кружится,
И феи бледные задумчиво скользят.

Вл. С.

Слов нездешних шопот странный,
Аромат японских роз —
Фантастичный и туманный
Отголосок вещих грез.

8.

Дорогая Софья Михайловна!

Я здесь на очень короткое время, но все-таки непременно хочу побывать в Знаменском. Если на этой неделе какие-нибудь дни почему-нибудь Вам неудобны, то известите поскорее: Пречистенка, дом бывший Лихутина.

О способе моего передвижения не заботьтесь, так как я приеду из Крюкова. Я это лето провел довольно скверно в Петербурге и в холере. Лежа в судорогах, сочинил стихотворение, прилагаемое в знак воспоминания.

Вообще я процветаю и благодушествую. Поселяюсь навсегда среди скал и лесов Финляндии—для занятий, для экономии и для здоровья.

До скорого свидания.

Влад. Сол.

9.

НА ПАМЯТЬ ПАДЕНИЯ ИЗ ИЗВОЗЧИКА [1]).

1.

Смеялося солнце над нами,
И ты, мое солнце, смеялось.
Теперь, разделивши паденье,
Любовь разделить нам осталось.

От грязи тебя уберег я,
Простершись меж ней и тобою:
Так, верь мне, от всяческой злобы
Собою тебя я прикрою.

У двери меня прогнала ты,
Но в сердце моем ты осталась.
И так же все было легко мне,
И солнце все так же смеялось.

Влад. Сол.

Январь.

---

[1]) Писано, по всей вероятности, рукой С. М. Мартыновой.

2.

Три дня тебя не видел, ангел милый,
Три вечности томленья впереди,
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди.

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом все в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Все гордое сознанье,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

3.

Я был велик. Толпа земная
Кишела где-то там в пыли,
Один я наверху стоял,
Был с Богом неба и земли.

И где же горные вершины?
Где лучезарный свет и гром?
Лежу я здесь на дне долины
В томленьи скорбном и немом.

О как любовь все изменила.
Я жду во прахе недвижим,
Чтоб чья-то ножка раздавила
Меня с величием моим.

4.

Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо,
Не нужен я теперь царице дум моих.
Ей смертная любовь не принесет отрады,
И слов ей не дает мой неуклюжий стих.

Зато мой вечный дух свободный и могучий
К ее груди невидимо прильнет,
Навеет в сердце ей рой сладостных созвучий
И светлой грезою всю душу обовьет.

И ни на миг ее он не оставит,
Любовью вечною ее он озарит,
Стихию темную святым огнем расплавит
И от земных оков без боли разрешит.

1 Февраля.

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ ПРОТЕЙКИПСКОМУ.

1.

(1899).

Дорогой Виктор Петрович!

Эту записку передаст Вам г-жа Минаева, с которой Вы поговорите и примите в ней участие. Если Вы можете получить мой гонорар в «Мире Искусства», то из остатка (за уплатой долга) дайте ей 6 руб. Если же гонорар еще не может быть выдан, то не найдете ли какого-нибудь средства сейчас же ей выдать несколько рублей, а затем нужно будет, что-нибудь для нее придумать.

До свиданья

Ваш *В. Соловьев.*

14 Января 99 г. [1]).

2.

Среда, 27 Января 1900.

Если Вы здоровы, дорогой Виктор Петрович, то не будете ли так добры зайти ко мне завтра утром в 12-ом часу. Я сильно простудился и стараюсь меньше выезжать.

Так до завтра.

Ваш *Влад. Соловьев.*

3.

Москва. 1 Мая 1900 г.

Дорогой мой Виктор Петрович, Ваше письмо я получил гораздо раньше, чем типографскую корректуру (предисловие), которая дошла до меня только вчера (воскресенье). Большей частью Ваших редакционных указаний я воспользовался и от души Вам благодарен. Во избежание дальнейших задержек отправляю исправленную корректуру прямо в типографию для печатания. А Вас прошу зайти туда (Фонтанка, 86, Товарищество Труда) на этих днях между 4 и 7 ч. и, перенеся на Ваш корректурный лист (для газеты «Россия») окончательные исправления, отдайте лист в редак-

---

[1]) В «Мире Искусства» Вл. Соловьев поместил две статьи: «Речь о Мицкевиче» и «Идеал сверхчеловека»; первая в № 5, вторая в № 9—обе статьи напечатаны в 1899 году,—таким образом, письмо относится, по всей вероятности, к 1899 году.

цию газеты, о которой, пожалуйста, напомните в типографии Товарищества,—именно, чтобы оттуда известили газету о дне выхода книги[1]) *на каждое*.

В Петербурге надеюсь быть 6-го в субботу.

До скорого свидания.

Влад. Соловьев.

О. А. НОВИКОВОЙ (рожд. КИРЕЕВОЙ).

1.

1/13 Июля 1875.

Надеюсь, что Вы теперь в Мариенбаде, многоуважаемая Ольга Алексеевна, и еще более надеюсь, что Вы скоро будете в Лондоне. Я здесь третий день и еще ни у кого не был. Командировка моя опоздала, и я мог выехать из Москвы только 21-го июля. В Германии не останавливался нигде и через Остенде прибыл сюда. На море была буря, пароход качался, и я страдал. Теперь сижу в довольно мрачной комнате и через отворенное окно наслаждаюсь лондонским дымом.

Вот и все пока. Еще раз надеюсь Вас скоро увидеть.

С истинным уважением преданный Вам

Вл. Соловьев.

2.

Понедельник, 18 Октября.

Сожалею о недоразумении, многоуважаемая Ольга Алексеевна, завтра в 5 часов будем с Ковалевским у Вас. Очень рад, что Вы еще остаетесь в Лондоне.

Вл. Соловьев.

3.

Письмо А. А. Киреева получил. Зайду сегодня вечером. Приехал из Петербурга больной—по дороге простудился—поэтому не был раньше.

Вл. Соловьев.

4[2]).

Ужасно жалею, что не застал сегодня утром. Ваше письмо застало меня спящим, и потому я не мог со сна отвечать

[1]) Т.-е. второго издания «Повести об антихристе».

[2]) На визитной карточке.

как следует. Еду в Петербург завтра вечером. Постараюсь еще заехать.

5.

Спасибо Вам, многоуважаемая Ольга Алексеевна, я вчера вернулся из Орла только в 8 часов вечера и потому не мог быть у Вас по условию, а сегодня буду в 6 ч. От гр. Толстой не имел известия и сейчас посылаю ей телеграмму. С. П. доехала до Орла в добром здоровье.

До свиданья, преданный Вам

Вл. Соловьев.

6.

Многоуважаемая Ольга Алексеевна!

Графиня телеграфировала мне вчера, что не знает когда выедет. Я тоже не знаю.

Преданный Вам

Вл. Соловьев.

7 [1]).

25 Ноября 1875 (Каир).

Отправляясь на шесть недель гулять в Фиваидскую пустыню, спешу написать Вам несколько слов, многоуважаемая Ольга Алексеевна, хотя сомневаюсь, застанут ли они Вас в Лондоне.

Я живу здесь две недели, видел все, что можно видеть, но еще ничего для себя важного не понял. Зато нашел лето в ноябре и чувствую себя как нельзя лучше.

В феврале или марте отправляюсь в Индию, если будет угодно богам. Пишите мне, пожалуйста, в Каир на имя Лексы, это вернее. Жены его я еще не видал, ибо она находится в Палермо. Познакомился кое с кем, между прочим с Нубар-пашей, здешним Бисмарком армянской породы. Сфинксы, хедив и «прочие чуды» Вам кланяются. Надеюсь по возвращении из пустыни получить от Вас известие, в ожидании чего с чувством истинного уважения пребываю Ваш покорный слуга

Влад. Соловьев.

---

[1]) Письма №№ 7—9 перепечатаны из «Русского Вестника» 1901 г., декабрь.

8.

22 Мая 1878 г. СПб.

Ольга Алексеевна, сегодня победив силою бодрствующего духа слабость сонной натуры, я отправился в 10 часов утра (!!!) к Александру Алексеевичу[1]), но даже и в этот невозможно ранний час не застал его; он ушел в 9! Тем не менее надеюсь где-нибудь и когда-нибудь уловить его и тогда сообщу Вам о том, что воспоследует. А пока могу передать только что одна особа изрекла про меня: «Вот и этот нигилист». А другая особа, встретив меня на Невском, торжественно мне докладывала перед «изумленным Петроградом», что отрицать вечность геенны огненной гораздо хуже, чем отрицать бытие Божие. Это, конечно, глупости невинные, так как относятся к вопросу отвлеченному, но если вспомнить, что таковую же глупость различные особы проявляют и в других чисто-практических делах, то ça donne à penser.

Но я примечаю, что пора мне кончить письмо сие. До скорого свидания. Душевно преданный

Влад. Соловьев.

9.

2 Июня 1878 г. СПб.

Ольга Алексеевна, я виделся с Александром Алексеевичем и из разговоров с ним заключил, что я не только не буду сожжен, но что и никакой другой менее радикальный способ уничтожения мне не угрожает, о чем и имею удовольствие Вам сообщить. Опасаясь еще раз вызвать Ваше неудовольствие характером моего писания, прерываю оное.

До скорого свидания, всегда Вам преданный

Влад. Соловьев.

КНЯЗЮ ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЦЕРТЕЛЕВУ[2]).

(Без даты).

Увы, мой друг! Крепчайшими цепями
Прикован я к московским берегам.
Жду худшего: сидеть мне в темной яме
И там вздыхать по милым Липягам.

---

[1]) Кирееву, брату Ольги Алексеевны Новиковой.

[2]) Письма к князю Д. Н. Цертелеву помещены во II томе «Писем В. С. Соловьева». СПб. 1909, стр. 221—275.

Но если бы и я был на свободе,—
Могу ли голым ехать в дальний край?
Сие противно северной природе,
Да и жандарм в земной не верит рай.

А потому, покорствуя судьбине,
Здесь остаюсь покуда недвижим,
Но октября, надеюсь, в половине
Воспользуюсь призывом я твоим.

В самом деле, милый друг, я обречен теперь на неподвижность, а там — что Бог даст. Моршиху свою я принужден был оставить по многим причинам, как например:

1) вследствие близости хозяйской семьи ни спать, ни заниматься было невозможно; 2) у хозяйки оказался третичный сифилис; 3) кухарка, рекомендованная мне Катериной Ивановной, разрешилась от бремени незаконнорожденным младенцем, которому я и предоставил свою дачу. А сам пользуюсь гостеприимством А. Г. Петровского, покуда нашу квартиру переделывают (неведомо зачем).

Страдаю избытком спешных работ и недостатком времени. Впрочем, подобно таракану Достоевского, не ропщу и подобно Духовецкому—не унываю. Гартмана твоего жду к 1 сентября. Жене своей скажи, что мне уже теперь не до благородства. Передай усердный поклон мой княгине Варваре Семеновне и не поминай лихом искренно тебя любящего

Влад. Соловьева [1]).

Посылаю Вам, многоуважаемый Дмитрий Николаевич, два изображения Владимира Сергеевича моей работы. Я его снял сидящим в моем кабинете и читающим Ваше письмо. Отпечатки сделаны спешно и не вполне хорошо; но я надеюсь, что изображение Вашего друга, хотя и сделанное плохо, все-таки доставит Вам некоторое удовольствие, тем более, что В. С. не может теперь к Вам приехать «по независящим от него обстоятельствам». Свой портрет надеюсь прислать Вам осенью: теперь некому его снять,—В. С. к этому, кажется, неспособен, а то я попросил бы его. Осенью, впрочем, думаю видеть Вас в Москве и с нетерпением буду ждать Вашего приезда, о котором, надеюсь, Вы меня известите. Так пока до свиданья. Передайте, пожалуйста, мой усердный поклон Екатерине Федоровне.

Ваш *А. Петровский.*

---

[1]) К этому письму сделана приписка рукой А. Петровского.

ТЕРТИЮ ИВАНОВИЧУ ФИЛИППОВУ [1]).

1.

2 Мая 1885 г.

Глубокоуважаемый
Тертий Иванович!

После трех неудачных визитов я, наконец, застал преосвященного Алексия и прочел Ваше письмо с величайшим интересом (хотел сказать с величайшим удовольствием, но это слово мало согласуется с печальным предметом Вашего письма). Суждение мое по этому предмету может состоять только в выражении полнейшего согласия с тем, что Вы так верно и сильно изложили. Если бы даже Промысл Божий, который *διὰ τῶν ἐναντίων ἐργάζεται*, хотел вести Церковь к единству через разделение, то это его дело, а наша обязанность противиться разделению, если только мы не хотим служить единению Церкви так, как Иуда Искариот послужил делу искупления, предав на смерть Иисуса Христа.

Слышал я, что взгляды, изложенные в Вашем письме, многим лицам в Петербурге показались «преувеличенными» (toujours des exagérations). Но я a priori уверен, что эти лица в суждении своем руководятся точкой зрения одного раненого солдата-татарина, который говорил сестре милосердия, обращавшей его в христианство: «Весь ваше евангелие — чистые пустяки!». Хорошо еще, что этот русско-мусульманский взгляд не укоренился окончательно в Св. Синоде, где, как я слышал от Таврического, имели или скоро будут иметь суждение о предмете Вашего письма.

Решение вопроса о напечатании моей заметки в «Голосе М.» принадлежит Вам вполне. Что касается до существа дела, то оно, без сомнения, весьма сложно и заключает в себе многие трудности. Но признать его спорным я могу только в том общем смысле, что не все согласны в его решении (в каковом смысле нет на свете ничего бесспорного); сам уже я в истине «широкого» решения этого вопроса убежден совершенно. Почему убежден — об этом надеюсь побеседовать с Вами лично, а до тех пор, чтобы не показаться в Ваших глазах «самоуверенным невегласом», укажу только

---

[1]) Одно письмо от 1889 г. к Т. И. Филиппову напечатано во II томе «Писем В. С. Соловьева». СПб. 1909, стр. 328—329.

на два основания своего убеждения. Самое строгое (и единственно последовательное в этом направлении) решение вопроса о значении еретического таинства, впервые предложенное св. Киприяном Карфагенским, не было одобрено впоследствии великим Никейским собором, который вообще допустил действенность еретического крещения, так что после этого лишь вопрос об *из'ятиях* из общего правила, об ограниченных и частных его применениях может по справедливости считаться спорным с церковной точки зрения; сюда же, т.-е. к вопросу о частных применениях, относится и 1-ое правило св. Василия Вел. — На второе свое основание намекну Вам частным случаем, который стучится в наши двери. Представьте себе, что совершилось то, чего Вы справедливо страшитесь, и что наша Церковь вышла из того союза с апостольскими престолами, коим определяется ее православие. Неужели от этого все мы, т. е. десятки миллионов совершенно непричастного этому разрыву русского народа, вдруг превратимся в безблагодатных нехристей. Мне кажется, что этот случай, к несчастью, столь возможный и даже близкий, был бы наилучшим опровержением (per reductionem ad absurdum) Киприановой теории, которая вся вытекала из представления о *безусловно простом* и ненарушимом единстве *тела видимой* Церкви, — представления, к несчастью, совершенно фантастического.

Относительно заметки моей для «Гол. М.» позвольте предложить Вам одно соображение. Если бы изложенному в ней придать не аподиктическую, а проблематическую форму, что, мол, дело может быть представлено и совсем иначе, что, мол, вопрос не так прост и ясен, как кажется о.о. собеседователям, и что они напрасно толковали о предметах маловажных и легких, обходя важное и трудное, в *такой* форме не была ли бы моя заметка полезным протестом против непромокаемой самоуверенности наших псевдоконсерваторов как духовного, так и обер-прокурорского звания, а эту самоуверенность — воля Ваша — я считаю еще более зловредной, нежели упорство раскольников.

Если же Вы найдете, что и в таком виде моя заметка была бы неудобна к напечатанию, то я более полагаюсь на Вашу мудрость, нежели на свою неопытность, и принимаю Ваше мнение в этом деле как окончательное решение. Что касается до нового письма на одобряемую Вами тему, то постараюсь написать его, но наверное сказать ничего не

могу, так как в подобных вещах отрицательные решения я исполняю легче и охотнее, нежели положительные.

Жду Вашего ответа: переделывать ли мне заметку о иерархии или бросить совсем.

Искренно Вам благодарен за то, что Вашим письмом Вы удержали меня от шага, о котором я впоследствии мог бы сожалеть.

С глубоким уважением и преданностью

Ваш всепокорный слуга *Влад. Соловьев.*

Адрес мой: Москва, Пречистенка, д. Лихутина. Впрочем, на этих днях я уезжаю из Москвы, и, пожалуй, вернее будет писать мне (заказн. письма) так: Красный Рог (Черниговской г.), С. П. Хитрово, с передачей В. С. С.

Простые письма на мое имя нередко служат *исключительно для* удовлетворения посторонней любознательности, не доходя по адресу.

Константин Николаевич Леонтьев читал Вашу записку вместе со мною и, хотя не расположен верить в окончательный разрыв, но, впрочем, разделяет мое впечатление от Вашей прекрасной записки. Сам он за разными заботами и немощами до сих пор не мог написать Вам, но собирается.

2.

(1885 г.),

Глубокоуважаемый
Тертий Иванович!

Вследствие отлучки моей из Москвы во Владимир письмо Ваше от 12 апреля получил только 22. Был у преосв. Алексия, но не застал его. Завтра с'езжу еще. Сегодня отдал в «Голос Москвы» второе письмо и распорядился, чтобы послали Вам корректуру. Васильев доставил мне отчеты о собеседовании с старообрядцами, чем я и воспользовался для второго письма; а ту тему, которую я Вам сообщил, пришлось отложить до третьего.

Приехавший на-днях Н. Н. Страхов рассказывал мне, что *храмовая* сторона Мефодиева праздника была великолепна, а общественная — глупа и нескладна, рассказывал, какой непроходимый вздор проповедывался в собрании славянского Общества одним профессором, и каким монаше-

ским обедом председатель этого Общества чествовал память святых монахов.

Вообще на Славянское Общество (разумею Петербургский Комитет) просветительная деятельность святых братьев, повидимому, не оказала большого влияния и не упразднила ни языческих пиршеств, ни языческих жертвоприношений. Последней человеческой жертвой пал тот же мой приятель Страхов: Ламанский [1]) заклал его, и на ближайшей книжке «Славянских Известий» Вы уже не увидите его имени.

Говорить о наших деятелях—значит злословить, а потому не продолжаю. В половине мая надеюсь быть в Петербурге.

С глубочайшим уважением и преданностью

Ваш покорный слуга

Влад. Соловьев.

3.

(1885 г.).

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Глубокоуважаемый
Тертий Иванович!

Боюсь, что письмо мое к Вам, посланное (не заказным) недели три тому назад, не дошло по назначению, что уже неоднократно со мною случалось.

Я писал Вам, между прочим, об одном г. Эбермане, которому я вместе с И. С. Аксаковым и К. Н. Леонтьевым покровительствую уже четвертый год с большими тяготами для себя и малым успехом для него. Человек он способный и не лишенный некоторого литературного образования. Кое-какие его стихотворения были напечатаны в «Русском Вестнике» и «Руси», а одна статья (мною слегка исправленная) взята теперь Аксаковым и будет напечатана. При всем том этот несчастный Эберман, обремененный большим семейством, не имеет никаких средств и не может найти никакого места и занятия, перебиваясь почти исключительно «благотворительностью частных лиц». Пристроился он, было, к «Голосу Москвы» постоянным сотрудником, но

[1]) Проф. Вл. Ив. Ламанский, заместивший Страхова в качестве редактора «Славянских Известий».

вследствие постигшей эту газету катастрофы не успел даже получить заработанных им денег.

Не будете ли так великодушны, глубокоуважаемый Тертий Иванович, чтобы пристроить его куда-нибудь к любой из контрольных палат [1]) во всей Российской империи? Он человек лет 40 с небольшим и работать может. Если не ошибаюсь, при контроле существуют места неказенные,— к довершению всех бедствий, сей Эберман — *персидский* подданный! Простите великодушно, что утруждаю Вас этой просьбой, и обрадуйте ответом, когда удосужитесь. Я еще не знаю, когда соберусь в Петербург. Не всегда имею свободу движений. Слава Богу еще, что здесь могу жить беспечально. Невзирая на то, что статья моя о «государственной философии» [2]) была в Петербурге весьма замолчана, я не унываю и готовлю целых четыре для систематического и многостороннего развития той же темы.

Пишу более для очищения своей совести, а практического улучшения дел в России ожидаю только тогда, когда Вы получите возможность растолкать нашу заснувшую Церковь. Дай Бог Вам этого поскорее.

Истинно уважающий и душевно преданный Вам

Влад. Соловьев.

СУСАННЕ ДЕНИСЬЕВНЕ ЛАПШИНОЙ.

Весьма виноват перед Вами, многоуважаемая Сусанна Денисьевна, что доставил Вам напрасный труд своим необдуманным предложением. Хотя я не знаю, чтобы роман был уже издан на английском языке, но я думаю (как Вам, конечно, передал Иван Осипович [3])), что предпринимать перевод такого большого сочинения можно только при несомненной уверенности издать его с успехом. Надеюсь, что Вы не продолжали перевода после Вашего последнего письма.

Приехал Юркевич [4]) из Самары в весьма плачевном состоянии. Просит меня, чтобы до от'езда моего за границу я

---

[1]) Т. И. Филиппов был в это время государственным контролером.

[2]) См. «Собрание сочинений Вл. Соловьева», изд. 2-ое, том V, стр. 405 и след.

[3]) Иван Осипович Лапшин—муж Сусанны Денисьевны.

[4]) П. Д. Юркевич—профессор философии Московского университета.

читал лекции в университете, так как он не в состоянии. Поэтому мне раньше весны уехать не придется; в Петербурге же у Вас буду в ноябре.

Теперь я занят по горло: в десять дней должен был написать две статьи; через месяц окончу свою диссертацию и тогда доставлю Вам (и г. Бертольди) всю книгу, а до тех пор не имею отдельных экземпляров и потому не мог присылать Вам продолжения.

Этим летом стал я немного заниматься стихотворством и, кажется, не совсем безуспешно, при свидании прочту Вам. A propos des bottes: видели ли Вы моего брата? Знаете ли Вы, что он женится на м-ль Лямкерт [1])? Ecrivez-moi quelque chose là dessus. Вы, кажется, с нею знакомы? Я очень жалею обоих.

Будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь Ивану Осиповичу и всем Вашим.

Целую Ваню [2]).

Преданный Вам *Вл. Соловьев.*

21 Августа 74 г. Москва.

СЕРГЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ СЫРОМЯТНИКОВУ.

Заезжал узнавать про Вас и узнал, что Вы здоровы физически. А морально? Известите, пожалуйста, очень беспокоюсь и недоумеваю. Я к Вам особенно после последнего свидания искренно привязался.

Вл. Соловьев.

Гост. «Англия», № 49.

ВАСИЛИЮ ПЕТРОВИЧУ ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ [3]).

Милый друг
Василий Петрович!

(1896).

Одновременно с сим посылаю тебе «Каббалу» Гинцбурга (которая стоила мне немало труда) с моими исправле-

---

[1]) Старший брат Вл. Сергеевича — Всеволод Сергеевич.

[2]) Ваня — Иван Иванович Лапшин, профессор философии С.-Петербургского университета.

[3]) Письма к В. П. Преображенскому были напечатаны в I т. «Писем» Соловьева.

ниями, примечаниями и предисловием. Набирайте скорее и присылайте мне два или три экземпляра гранок (один для автора) по адресу ред. «Вести. Евр.» — Петербург, Галерная, 20.

Свою теократическую статью посылаю вслед за сим. Завален работой до чрезвычайности — не для одной философии. The rest is silence.

Обнимаю сердечно.

Твой *Влад. Сол.*

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ Х.

4/VI-95.

Многоуважаемый Владимир Николаевич![1])

Спасибо за письмо. Оттиски, вероятно, не замедлю получить. Книжка если не отправлена, то, пожалуйста, отправьте в редакцию «Вестника Европы», Галерная, 20, Петербург, на мое имя. А гонорар по другому, следующему адресу: Петербург, Вознесенский проспект, дом 16, казармы кадрового батальона, кв. 3. Е. В-нию Владимиру Дмитриевичу Кузьмину-Караваеву. — Пожалуйста, вышлите эти деньги по этому адресу теперь же, так как я скоро собираюсь в Финляндию. Еще раз спасибо.

Душевно преданный *Вл. Соловьев.*

К сентябрьской книжке готовлю статью «Безусловное начало нравственности», большую. Вы мне не написали, кто после 20 июля будет представлять журнал в Москве.

Многоуважаемый Владимир Николаевич![2])

В прошлом письме я, кажется, по рассеянности не написал Вам имени и отчества полковника Кузьмина-Караваева, на имя которого прошу выслать мой гонорар. Вот полный адрес: Петербург, у Синего моста, Вознесенский проспект, 16, кв. 3, полковнику Владимиру Дмитриевичу Кузьмину-Караваеву.

---

[1]) Владимир Николаевич, очевидно, заведывающий конторой журнала «Вопросы философии». На письме пометка: «101 р. и книга № 28 отправлены в гостиницу «Англия» 3/VI 95».

[2]) На письме пометка: «Для немедленного исполнения».

Если Вы еще не послали, то прошу послать немедленно, так как мне крайне нужны. Оттиски и книжку получил. Спасибо. До свиданья.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ПЫПИНУ.

1.

СПб. В. О. 5-ая линия, 28.
(Без даты).

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Корректура моего письма[1]) будет готова только вечером и послана Вам завтра. А сегодня посылаю две статьи Говорухи-Отрока[2]), пометивши более любопытные места.

Преданный Вам Ваш *Влад. Соловьев.*

2.

Гатчина. Кирочный пер., д.
(Без даты).

Александру Ник. Пыпину.

Сердечно поздравляю дорогого именинника, страдаю душевно и телесно, не двигаюсь, очень жалею, что не могу приехать.

Соловьев.

3.

(Без даты).

Многоуважаемый А. Н.!

По очень важному и неотложному делу должен быть сегодня вечером в противоположном от Вас краю Петербурга. Думаю, что вечер воскресенье у меня свободен, но наверное не знаю. Извещу Вас об этом завтра.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

---

[1]) Статья «История одной книги» по поводу статьи Д. Щеглова «своеобразный конкурс». Июнь.

[2]) По поводу статьи Соловьева «Идолы и идолы» статья озаглавлена «Иезуиты или легкомыслие».

4.

Воскресенье (1889).

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Сегодня я освобожусь очень поздно. Думаю, лучше другой вечер, именно среду — это уж *наверное*. В четверг или пятницу уезжаю в Москву, так как лекция моя провалилась.

До скорого свидания.

Истинно уважающий Вас *Влад. Соловьев.*

5.

(Без даты).

Многоуважаемый Александр Николаевич!

К большой досаде оказывается, что я еще более рассеян, чем Вы, ибо, говоря с Юлией Петровной, совершенно забыл, что в воскресенье уже обещал в другом месте и притом на противоположном конце города, на Сергиевской, так что вечером трудно будет попасть на Васильевский Остров.

Итак, пока до понедельника. А я все еще не могу разделаться с последствиями этой глупой эпидемии и эту ночь совсем не мог заснуть. Боюсь, что такое состояние не послужит к украшению моей литературы, которой предаюсь усиленно.

До скорого свидания.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

6.

(Без даты).

Многоуважаемый Александр Николаевич!

По двум причинам должен изменить моему намерению быть у Вас сегодня вечером. Во-первых, я простудился в бане, ощущаю горловую боль и крапивную лихорадку, а во-вторых, удручен и лихорадкою журнальною, ибо завтра утром должен доставить две рецензии в «Вестник Евр.». Для Вестника же Европы добыл я новый рассказ Лескова и посвятил нынешнюю ночь его чтению в ущерб рецензиям.

Надеюсь завтра быть здоровым.

Душевно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

7.

9/21 Августа 1893.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Приветствую Вас через два моря и множество озер и камней посередине. Если прилагаемые стихи не потонут в пучине морской (прежде чем потонут в Лете), то, может быть, они еще поспеют к сентябрьской книге. Ради этого тороплюсь и сокращаю письмо. Очень жалею, что не пришлось видеться с Вами перед от'ездом. В Москве я по причине болезни (невралгической) прожил неделю лишнюю и потому в Петербурге не имел времени для поездки в Петергоф, а редакционную среду проспал постыдно и глубоко. Напишу из места своей относительной оседлости, куда и Вас прошу известить меня о получении настоящего, а именно: France, Dinard (Isle et Vilaine), Villa Vallombreuse, Prince Troubetzkoy. Сердечно кланяюсь Вашим домашним, а также Вашему сонепременному сочлену по редакции.

Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

8.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Не будете ли столь добры переслать прилагаемую записку Геннадию Лермонтову-junior в соседнее от Вас жилище его отца?

До завтра.

Ваш *Влад. Соловьев.*

9.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Скажите, пожалуйста, Михаилу Матвеевичу, что я сижу безысходно по причине завтрашнего чтения, которое предполагается для апрельской книги «Вестн. Евр.»,— а о судьбах русской монархии — для майской. Посылаю билет для Веры Александровны. Я предупреждал, что не стоит, но вольному воля.

До свиданья.

Душевно преданный Ваш *Влад. Соловьев.*

Вот Вам и два билета, многоуважаемый Александр Николаевич.

До скорого свидания.

Ваш *Влад. Соловьев.*

10.

(ОТРЫВОК).

3 мая 1892.

Сестра моя...

Получил майский «Вестник Европы» *раньше его выхода* — comble аккуратности и любезности — и с удовольствием читаю Вашу критику Будиловича. Готовлю на лето византийские очерки.

Будьте здоровы.

Усердно кланяюсь Юл. Петр. и всем Вашим. Если это письмо дойдет к Вам до понедельничного обеда, то передайте мой сердечный привет милым хозяевам и гостям.

Душевно преданный Вам Ваш *Влад. Соловьев.*

11.

(1900)

Дорогой Александр Николаевич!

Кн. Ливен был у меня, когда я был в деревне, и на другой день прислал любезное, но бессодержательное письмо: он уверяет, что помнит о Мошкове, но что в настоящую минуту нет никаких вакансий и не предвидится в ближайшем времени.

Очень жалею, что не застал Вас.

Душевно преданный *В. Соловьев.*

ТЕЛЕГРАММЫ.

18/5 — 1900.

Узнал, что Ливен приехал, вернусь для него субботу.

Соловьев.

18/VI — 1900.

Очень жалею, что непредвиденные препятствия заставляют отложить поездку к Вам. До скорого свидания.

Соловьев.

8/II 1899.

Академику Бернштаму.

Прошу сообщить Александру Николаевичу, что от князя Ливена получил самый лучший ответ.

Соловьев.

Москва. 1897, 20/10.

Выеду воскресенье, вторник поручение исполнил.

Соловьев.

Саблино. 1897, 30/VI.

Повредил ногу, теперь лучше, еще не выезжаю. Пятницу надеюсь быть типографии.

Соловьев.

Петерб. 1890. 30 (дата неразобрана).

Пьем за Ваше здоровье. Подробности при свидании. Остаемся, Стасюлевич уезжает.

Соловьев.

СПб.

Со вторника сидя в инфлуэнце, заочно поздравляю Вас и Ваших с Новым Годом. Надеюсь понедельник выйти.

Соловьев.

22/XII — 1887.

Адрес Страхова: Торговый мост, дм. Стерлягов. Завтра вечером буду у Вас.

Соловьев.

29 — 1889.

Если можно, завтра четверг жду Вас 5 часов обедать и играть шахматы. Переменил комнату № 143. Все еще слаб.

Соловьев.

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ ЛЕОНТЬЕВУ [1]).

Воистину Воскресе, дорогой Константин Николаевич!

Я решительно ничего не хотел делать с Вашей рукописью кроме того, о чем Вы меня просили в сопровождав-

[1]) Одно письмо к К. Н. Леонтьеву помещено в III томе «Писем В. Соловьева». СПб. 1909, стр. 55.

шем ее письме, а именно: написать на обороте свои замечания или возражения для Вашего собственного употребления, так как Вы мне писали, что рукопись напечатана не будет. Теперь Вы, очевидно, переменили свое намерение, но я об этом узнал только здесь, в Петербурге, рукопись же осталась в Москве. Мои домашние уехали, кажется, на Кавказ, на квартире никого нет, и, следовательно, Вам придется подождать моего приезда в Петербург, что последует, вероятно, недели через три — четыре. В настоящую минуту я нахожусь в самых тяжелых обстоятельствах (личных). Наименьшая из моих неприятностей это то, что вследствие разросшегося за полгода счета в гостинице меня хотели оттуда выгнать [1]). Более беспокоит меня серьёзная болезнь Софьи Петровны и ее младшего сына, ее разрыв с гр. Толстой и полное расстройство их дел.

Тем не менее и rebus in arduis я должен предаваться литературе, и статья, Вас касающаяся, появится непременно, может быть не в «Новостях», а в «Р. М.» [2]) или «В. Е.» [3]). Будьте здоровы и верьте в искреннюю привязанность душевно Вам преданного

Влад. Соловьева.

Петерб. Европ. гостин. 7 Мая 91 г.

ВИКТОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГОЛЬЦЕВУ [4]).

1.

Красный Рог. 23 Авг.

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Надеюсь, моя статья прошла беспрепятственно. Если бы и могли быть какие-нибудь затруднения, то разве только из-за пустой фразы, которую ничего не стоит выпустить. Я несколько смущен насчет цензуры вследствие недавно полученного мною вполне достоверного известия, что московская Ф. [5]) доносила петербургской Ф. о неблагонадежности

---

[1]) Соловьев, уезжая из Петербурга, оставил в номере гостиницы чемодан с книгами; ему пришлось заплатить за комнату за все время своего продолжительного отсутствия.

[2]) Т.-е. в «Русской Мысли».

[3]) Т.-е. в «Вестнике Европы».

[4]) Напечатано в книге «Памяти Виктора Александровича Гольцева», Москва, 1910, 264—265.

[5]) Ф. — Феоктистов.

«Русского Обозрения», явствующей, главным образом, из помещаемых там статей Соловьева. Правда, петербургская Ф. нашла это неосновательным, но неровен час, если уже может возникать вопрос о неблагонадежности «Р. О.». На будущей неделе собираюсь в Москву.

Так до скорого свидания.

Истинно Вас уважающий *Вл. Соловьев.*

2.

Любезный друг!

Стыдно заседать целые ночи в каком-то прародительском или... обществе, когда есть сюжеты более интересные. Добрый царь Ирод на опыте доказал, что можно избивать младенцев без всякой педагогии, и пора считать этот вопрос исчерпанным.

До свидания в понедельник.

Твой *Соловьев.*

Уносит всё река времян,
Исчезнут все вельможи;
Победоносцев дон-Жуан,
Аскет Филиппов — тоже...

И моногамный Муравьев,
И молчаливый Витте,
И сообщительный Хилков,
Кого не назовите.

Один несокрушим вовек
Ни смертью, ни фортуной,
Один великий человек:
Делянов — вечно юный.

Владимир Соловьев.

ЛЬВУ МИХАЙЛОВИЧУ ЛОПАТИНУ.

1.

(С приложением корректуры статьи Л. М. Лопатина из энциклопедического словаря).

$18\frac{25}{VI}95.$

Милый Лёва!

Корректурная вырезка была мне вовсе не нужна, возвращаю тебе для устранения другого твоего недоразумения

о мнимом посягательстве редакции на истину твоего профессорства. Прочти сбоку стоящие слова (не моей рукой начертанные), и ты увидишь, что эта истина блещет с достаточной ясностью.

Некрологическую статью твою прочел с истинным удовольствием. Сказанное тобой о времени своевременно, и то, что говорилось о памяти, следует помнить всякому. Статью о «Каббале» в моей обработке посылаю на-днях. Корректуру прошу в двух экземплярах — один для меня, другой для автора. Вместе с обратной корректурой пришлю и свою о теократическом идеале. О Сашином романе надеюсь получить известие скоро.

Получил я письмо от Катерины Ивановны Баратынской со ссылкой на тебя и Грота о желании книгопродавца Карцева купить мою печатающуюся книгу. Условия подходящие, а деньги мне адски нужны. Не зная в Москве ли К. И., прилагаю ответ ей здесь. Передай или перешли скорее заказным письмом и сам напиши, что знаешь по этому делу (пиши в Петербург, Галерная, 20, редакция «Вестника Европы»). Усердно кланяюсь твоим. Что Трубецкие? Сегодня я всю ночь видел во сне одного из младенцев. Будь здоров.

Твой *Вл. Сол.*

Телеграмма из Цар. С. 2/I 1896.

Извести про Николю. Царское Село, Церковная улица, дом Мердера. Статью посылаю.

Соловьев.

(На отдельном листке).

Израиля ведя стезею чудной,
Господь зараз два дела сотворил:
Отверз уста ослице бессловесной
И говорить пророку запретил.

Далекое грядущее таилось
В сих чудесах первоначальных дней,
И ныне казнь Моава совершилась,
Увы! над бедной родиной моей.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Как некогда неверный Билеам:
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам.

—

Каюсь, древная ослица,
Я тебя обидел дерзко,
Ведь меж нашими ослами
Говорит и князь Мещерский.

Говорит такие речи,
Что, услышав их, от срама
Покраснела бы в Шеоле
Тень ослицы Билеама.

2.

21 Мая 1895.

Милый Лёва!

Одновременно с сим посылаю исправленную корректуру. Делать существенные изменения некогда, но есть опечатки вопиющие; например, безнравственный вместо бесправный, в ответе вместо в опыте; текст из Иоанна Богослова искалечен и т. п. Обрати свое или Ивановского внимание, чтобы ничего от таковых не проскользнуло в печать.

Однако, что же это вы паки и паки запаздываете? Кто выпускает книжки журнала слишком поздно, рискует не выпускать их вовсе.

Скажи Кате [1]), что безмолвие и полное спокойствие суть лучшие украшения женщины, тем более девицы, особенно же после поступков, находящихся в прямом противоречии с общим законом целесообразности человеческих действий. Сердечно приветствую ее и всех Ваших. В Москву пока не собираюсь. Пожалуй, увидимся на Балтийском море. Впрочем, довлеет дневи.

Будь здоров.

Твой *Владим.*

3.

(Без даты).

Милый друг Лева, если желаешь слышать о трех китах и еще кой о чем, то назначь один из двух вечеров: четверг или пятницу (мне удобнее *пятница*) и, известивши меня, приходи часов в 8.

До свиданья.

Твой *Влад.*

---

[1]) Сестра Л. М. Лопатина.

При окончательном исправлении прочитанного в прошлый раз я воспользовался некоторыми твоими замечаниями, желал бы также и теперь.

4.

Сокровище души моей!

Сии дрожащие письмена — плод руки ослабленной — да свидетельствуют о правде слов моих.

Вчера после обеда схвачен я лихорадочным пароксизмом, и ныне томлюсь разбитый и изнемогающий. Зайди сегодня вечером. Зайди сегодня, ибо завтра, быть может, будет уже поздно. Завтра, быть может, роковое сцепление причин и следствий своею беспощадною рукой выхватит меня из среды успокоения и бросит в темную пучину неожиданностей. Завтра, быть может, придя ко мне, ты найдешь лишь пустую и хладную комнату (символ бездушного тела) и услышишь грустные и озабоченные жалобы моих домашних: «исчез — внезапно — больной — с чемоданом — куда — зачем — неизвестно».

Левушка! Есть важность в составлении лекций, есть услаждение в кругу знакомых, но я знаю предмет сих обоих услаждений ценнейший, — ты угадал, что я говорю о дружбе.

Движение чувствительности, не находя довольно сопротивления в мозгах, недугом ослабленных, настраивает мою музу на грустные размышления, слегка озаряемые улыбкой невинности.

Левон, о Левон. Погляди на поток!
Неужели дружба — поблекший цветок,
Что волны уносят, играя?
Неужели сердце горит лишь на срок?
Неужели прав, торжествуя, порок,
А доблесть права — умирая?

СЕРЕНАДА.

На постели одинокой
Я лежу больной и хилый,
Ты явись, мой светлоокой,
Ты явись, Левон мой милый,
В близлежащем переулке,
Подкупивши санитара,
Приезжай: есть чай и булки

И медок, хотя не старый,
Но огнем старинной дружбы
Хмель я новый подогрею.
Без тебя, Левон, кому ж бы
Мне послать сию рацею:

Братец Миша вышел замуж,
Далеко моя подруга,
Я рукой махнул на дам уж,
Но тебя зову как друга.

Электричеством и газом
Вся Москва озарена,
Поднимайся, Лева, разом
С пообеденного сна.

Папирос набив умеренней
И лицо свое умыв,
Под'езжай на сивом мерине
Ты на дружеский призыв.

Клянуся сердцем и мечем,
Мы славно время проведем.

Владимир.

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЛОПАТИНУ.

1.

24 Авг. (1889). Москва, Пречистенка, дом Лихутина.

Дорогой многоуважаемый Михаил Николаевич[1]). Если наступившие холода не извлекут Вас преждевременно из-под сени струй, то надеюсь побывать у Вас[2]) в последних числах сего месяца. Но до тех пор имею к Вам две маленькие просьбы, одну из них весьма спешную. Издатель критико-биографического словаря русских писателей, благополучно кончающий букву *А*, желает получить от меня несколько страниц о покойной Анне Федоровне[3]), в виде приложения к большой биографии Ивана Сергеевича. Разумеется, я могу написать характеристику на основании личных воспоминаний, но по свойству издания, где это будет напечатано, нужно будет вставить это в фактическую рамку. Итак, не будет ли у Вас возможности узнать от Ив. Федоров. Тютчева как можно скорее (ибо издатель торопит к 1 сентября)

[1]) Отец Льва Михайловича Лопатина.
[2]) Калистово по Моск.-Ярославск. жел. дор. (надпись на конверте).
[3]) Т.-е. Аксаковой.

и сообщить мне: 1) год и место рождения А. Ф., 2) место воспитания и 3) год замужества — вот и все. Вторая просьба моя также касается А. Ф., но это не к спеху. А. И. Иванцов-Платонов сообщил мне, что после своей последней исповеди А. Ф. поручила ему передать мне кое-что, и между прочим сказал, что оставляет мне на память одну книгу (служебник, подаренный ей императрицей Марией Александровной). Не можете ли Вы узнать у Ив. Фед. насчет этого обстоятельства?

Тот раз в вагоне я до самой Москвы так ужасно кричал на Ник. Мих. Павлова и И. Серг. Толстого и говорил им такие неприятности, что потом извинялся. Но им, вероятно, мои крики напомнили покойную Анну Федоровну в одну из ее беспокойных минут, и они отнеслись ко мне благодушно.

Ездил к Безобразову [1]) в Дмитровку. У него старческая гангрена, опасно, но не безнадежно.

Что Лёва [2])? Если он не исполнит моего поручения в Париже, то да будет ему стыдно.

Передайте, пожалуйста, мое почтение Екатерине Львовне и сердечный поклон всем Вашим.

Совершенно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

ПИСЬМА К ЕВГЕНИЮ ТАВЕРНЬЕ [3]).

1.

Sämedi, 21 Juillet 1888.

Me voilà rentré dans la Ville-Lumière [4]), mon cher Monsieur Tavernier, et impatient de vous revoir. Faites moi savoir jour, heure, endroit.

---

[1]) Академик В. Безобразов. Сын его, Павел Владимирович, известный историк Византии, был женат на сестре Владимира Сергеевича, Марии, которая напечатала воспоминания о своем брате.

[2]) Лёва — Лев Михайлович Лопатин.

[3]) Eugène Tavernier—автор обширной статьи о Вл. Соловьеве, приложенной к его же переводу «Трех разговоров». Перевод вышел в 1916 г. в Париже.

[4]) En 1888, Vladimir Soloviev séjournait en France depuis le mois de mai jusqu'au mois de novembre. Il lut d'abord (25 mai), chez la princesse de Sayn-Wittgenstein la conférence *l'Idée russe.* Puis il s'occupa de terminer la rédaction de son livre français: *la Russie et l'Eglise universelle.* Il travaillait, tantôt à Paris, à l'hôtel, tantôt, plus souvent, à Viroflay, près de Versailles chez M. Anatole Leroy-Beaulieu, qui lui donnait la plus aimable hospitalité.

Je vous invite solonnellement à diner avec moi ce vendredi le 27 juillet — c'est mon jour de nom. Mais nous nous verrons sans doute plusieurs fois avant celà. J'aurais voulu inviter aussi M. Loiseau [1]) (est-il à Paris?), M. Nemours-Godré [2]) et surtout M. Loth [3]). Mais pour celui-ci je crains de troubler les habitudes de père de famille. Dans tous les cas j'aimerais mieux un autre jour. Quant au soir du 27 j'aurais préféré le passer tête-à-tête avec vous. Du reste nous en causerons.

Les 10 jours passés à la campagne m'ont fait du bien. Si j'ai des tristesses je n'ai plus de soucis et je regarde plus ou moins toute chose *sub specie aeternitatis* ou au moins *sub specie antechristi venturi.*

Merci pour les journaux. Les articles ne se ressemblent pas entre eux, mais chacun est bon à sa place...

Quant à l'excellent Père de Pascal [4]), il a été mon compagnon de villégiature et nous nous voyons tous les jours. Il va partir ainsi que Lorin [5]). Mais vous — j'espère que vous ne m'abandonnerez pas jusqu'à la fin de mon séjour à Paris.

Au revoir donc, à bientôt, donnez moi vite de vos nouvelles, je vous prie.

Votre dévoué

Vlad. Sol.

2.

(Sans date; probablement septembre 1888, Paris).

Jeudi.

Mon cher ami!

Ayant perdu (à $2^1/_2$ h.) tout espoir de vous voir aujourd'hui, je pars pour Viroflay. Demain je vous attends à $6^1/_2$ h., mais vous pouvez tarder d'une demi-heure. Si par extraordinaire vous ne pouvez pas venir tout à fait, je vous prie de me le faire savoir avant 5 heures.

Au revoir.

T. à V.

Vlad. Sol.

---

[1]) Ecrivain politique français.

[2]) Rédacteur de l'Univers.

[3]) Id.

[4]) Ancien dominicain.

[5]) Ancien élève de l'Ecole politechnique, voué aux œuvres d'apostolat religieux et social.

3.

Septembre 1888. Viroflay.

Mon cher ami!

Je regrette *beaucoup* qu'on a imprimé dans *l'Univers* l'article cracovien sans m'en avertir. Je ne connais pas l'auteur ni son intention, mais je trouve dans l'article des erreurs incroyables et une animosité contre la Russie, que l'Univers, à mon avis, ne devrait pas encourager. Mais puisque la chose est faite, je vous envoie une réfutation en vous priant de l'imprimer en mêmes caractères, mais aussi à la même place que l'article polonais, c'est à dire sur la première page [1]).

J'ai écrit à la hâte et je vous prie de bien corriger mon style. Quant au fond il n'y a rien à changer.

Si j'ai enlevé quelques heures au travail pressé qui m'occupe maintenant pour réfuter un article qui ne m'attaquait pas personnellement, celà vous prouve mon intérêt pour *l'Univers* et le désir que ses lecteurs soient bien renseignés.

Vendredi je vais à Paris et passerai au journal.

Au revoir, donc, à bientôt.

Votre dévoué

Vlad. Sol.

4.

4/16, Oct. 88.

Mon très cher ami!

Hourrah! J'ai trouvé la forme satisfaisante pour achever mon livre. Tout ce que je devais dire à la fin s'est arrangé d'une manière tout à fait inattendue. Hier (lundi) je n'ai pas du tout diné, je n'ai pris que du café noir et de l'eau sucrée, et cela m'a fait du bien. J'ai écrit depuis midi jusqu'à 11 heures dans la nuit. Le travail à faire—retrancher le superflu, accentuer l'essentiel dans ce que je vous ai lu et donner au tout une forme plus littéraire—est plus ennuyeux que difficile. J'espère que celà ne me prendra pas plus de 8 jours.

Ainsi suspendez votre jugement sur mon livre et ne dites à personne que j'étais mécontent de mon travail: on pourrait en profiter contre moi.

---

[1]) Vladimir Soloviev publia plusieurs articles dans l'Univers, sur *Saint Vladimir et l'État chrétien* (4, 11, 19 août; 22 septembre). C'est au dernier que cette lettre se rapporte.

La question matérielle ne va pas si bien... Ménard [1]) a parlé d'autres offres, mais dans tous les cas avec mon peu de prudence et de calcul je pourrais m'arranger pour quitter la France, sinon à mon aise, du moins honorablement.

Vous avez porté ma brochure et *le Contemporain* à la P-cesse Wittgenstein, n'est ce pas? Merci bien.

Si vous voyez Ménard, je vous prie: 1) de lui parler de mon livre non pas d'après votre dernière impression, mais d'après votre confiance en moi. Je vous donne ma parole comme Floquet! ce que j'ai fait sera bien fait. 2) Je vous prie de lui parler franchement sur..... X.....: J'ai presque la certitude qu'il s'est fourré dans mon affaire. Ménard le considère comme un ennuyeux plutôt qu'autre chose. Je cherche peut être midi à 14 heures; cependant la brochure de l'abbé apostat, où je suis accusé de favoriser les nihilistes et les régicides et d'insulter le Tzar (crime de lèse-majesté, peine capitale) n'est pas un soupçon mais un fait.

Adieu, écrivez moi, je vous écrirai encore.

Tout à vous affectueusement

V. S.

5.

19 Oct. 88. Viroflay.

Mon très cher ami!

Grand merci pour le télégramme qui a été le lendemain confirmé par une lettre de Savine qui m'invite à venir mardi causer sur la base de mille francs. Je n'ai par conséquent aucune nécessité d'aller à Paris avant mardi, et pour des causes que vous connaissez je dois me borner dans mes mouvements au strict nécessaire. Ainsi, j'ai télégraphié à Ménard que je viendrai mardi matin, et si vous êtes libre je vous donnerai rendez-vous chez lui à l'heure du déjeuner.

Grâce à Dieu, le travail définitif va bien, comme je vous l'ai annoncé d'avance. J'ai trouvé un épigraphe pour mon livre. Le voilà:

---

[1]) M. Joseph Ménard, mort député de Paris, avait mis Vladimir Soloviev en rapports avec M. Savine, éditeur, pour la publication du livre *La Russie et l'Eglise Universelle.*

— — μάθητὴς ποιμένος ἀγνοῦ.
ὃς βόσκει προβάτων ἀγέλας ὄρεσίν τε πεδίοις τε (sic),
ὀφθαλμοὺς ὃς ἔχει μεγάλους κάτὰ πάντα ὁρῶντας,
οὗτος γὰρ μ'ἐδίδαξε τὰ Ζωῆς γράμματα πιστὰ,
εἰς Ῥώμην ὃς ἔπεμψέ με τὴν βασιλέιαν ἀδρῆσαι
καὶ βασίλισσαν ἰδεῖν χρυσόρτολον, χρύσοπέδιλον,
λᾶον δ' εἶδον ἐχοῖ λαμπρὰν σφραγῖδα ἔχοντα.

(Moi) Disciple du pasteur innocent
Qui pais les troupeaux des brebis sur les montagnes et les pâturages,
Qui a de grands yeux surveillants le tout,
Car c'est lui qui m'enseigna les écritures fidèles de la vie.
A Rome il m'envoya pour contempler le Royaume
Et voir la Reine en robe d'or et avec des chaussures d'or.
Et j'ai vu là un peuple ayant le cachet brillant.

Il ne s'agit pas évidemment ici de la reine Marguerite, ni du peuple de M. Crispi.

Je viens de recevoir une lettre assez drôle du baron d'Avril [1]). Il me demande entre autre si je lui permets de se servir à l'occasion de ces termes: église désertante, disgrâce d'état, et Nabuchodonosor.

Au revoir, mon meilleur ami.

Votre très dévoyé
Vladimir Soloviev.

6.

28 Oct. 1888. Viroflay.

Mon excellent ami!

Je viens de recevoir une petite lettre quia produit de petits changements dans mes petits plans.

Je ne viens à Paris que mardi, je vous invite de venir ce jour à-6 heures partager mon ultra sobre repas (3, rue St. Roch), après lequel je vous lirai *la fin* de mon livre.

Quant aux nouveaux passages dans la partie que je vous ai lue, vous les verrez dans les épreuves. Il faut que notre lecture soit courte, parce que vers 9½ h. je dois aller chez Ménard avec vous, si celà vous convient. Il m'a été impossible de choisir une autre heure. Mercredi je porterai le manuscrit à Savine et reviendrai le soir à Viroflay pour écrire ma préface et la lettre à l'Empéreur. Samedi je vais avec le curé à Chartres, et dimanche déménagement définitif de Viroflay.

---

[1]) Ancien diplomate français; écrivain, érudit.

Rappelez moi, je vous prie, de vous dire quelque chose concernant *l'Univers*.

Au revoir mardi.

Tout à vous

Vladimir Soloviev.

7.

Agram, 28 Nov. 1888.

Frère de mon âme!

Me voici à Agram (mauvaise consonnance), à Zagreb, écrivant ma préface. Je lis dans les journaux des nouvelles troublantes concernant mon éditeur. On parle même d'une déportation administrative, qui m'arrangerait beaucoup moins que la mienne. Sans doute celà est très exagéré, mais je vous prie cependant de veiller un peu pour que mon manuscrit ne disparaisse pas dans cette bagarre. Je viens d'apercevoir que dans notre traité avec Savine il n'y a pas de clause concernant le temps de la publication, de sorte qu'il peut la remettre *ad calendas graecas*; cela ne serait pas grave dans d'autres circonstances, mais vu la grande probabilité d'un chaos prochain en France et en Europe le retard de la publication équivaudrait à la suppression du livre. Ainsi, je vous prie bien, pressez Savine, et s'il ne se décide pas d'envoyer immédiatement le manuscrit à l'imprimerie, prenez le en attendant chez vous. La préface sera finie après-demain, et dans une huitaine de jours vous la trouverez chez Savine. A-t-il reçu une petite lettre de moi? Pour finir avec les questions d'affaires: je vous prie bien, si l'impression du livre est commencée, ou commence bientôt, de m'envoyer les épreuves, non pas pour que je les corrige, ce qui ferait un retard, mais je voudrais les avoir. Vous pouvez me les envoyer d'abord ici (jusqu'au 10 décembre) Agram, Autriche-Hongrie, chez Mgr. le Chanoine Rački; Kaptol, 13. Puis (jusqu'au 20 décembre) à Cracovie à l'adresse du Père Moravski, que j'ai oubliée, mais que vous pourrez demander au P. Pierling. Et même après le 20 déc. il me sera possible d'avoir les épreuves, si vous les envoyez sous bande recommandée à *St. Pétersbourg, Académie Impériale des Sciences, S. Exc. M. le sénateur Bézobrazoff.*

Mais avant tout cela vous m'écrirez ici pour me donner de vos nouvelles, mon cher ami et frère en esprit. Je me porte bien, et la préface va bien. Le vin blanc d'Agram est très efficace contre les hémorroïdes et les migraines, mais mon hôte, le Cha-

noine, lui attribue encore des qualités d'un ordre plus élevé et ne manque pas chaque soir en me versant les dernières gouttes d'énoncer le syllogisme (ou plutôt sorite) suivant: *qui bene bibit, bene dormit, qui bene dormit non peccat, qui non peccat vadit in coelum, ergo: qui bene bibit vadit in coelum.*

Ne croyez pas du reste que je m'abandonne à des excès. Je me trouve au contraire, grâce à Dieu, dans un équilibre moral et un calme parfait. Imaginez vous que je me lève à 8 heures et me couche à minuit et demi! Cela me permet d'aller chaque jour à la messe dans la belle cathédrale gothique, où je pense à vous, mon bien cher ami.

Votre dévoué *Vlad.*

Salut cordial à tous les amis communs.

8.

28 Déc. 1888. Vienne. Prater, Hôtel Goldnes Lamm.

Frère de mon âme!

Sans doute j'ai reçu votre première lettre à Agram, et si je ne vous ai pas écrit combien elle m'a fait plaisir, c'est que j'ai un défaut, pour lequel (il parait que je commence à écrire comme X), pour lequel j'ai été souvent persécuté par les dames auxquelles (décidement c'est du X) j'ai fait la cour, à savoir (ce ne seront pas les dames que je vais vous nommer, mais le défaut), à savoir l'incapacité absolue de trouver les paroles correspondant à mes sentiments. Pour les idées et les faits j'en trouve quelquefois, mais pour les affections du coeur—jamais. Avec les dames on remplace encore tant bien que mal les paroles par les gestes, mais comment le faire avec un ami qui est aux bords de la Seine, quand on est sur la Save ou sur le Danube. Après cette préface je passe à la mienne. Elle était achevée à Agram, mais votre dernière lettre m'a fait voir qu'il n'y avait pas à se presser, et j'ai pris mon manuscrit à Diakovar pour en lire quelques pages à Mgr. Strossmayer avec lequel j'ai passé le Noël catholique. Il est malade, vieilli de corps, aigri d'esprit, mais toujours expansif et éloquent.

Je suis très content de l'avoir visité. Dieu sait si je le revois encore.

Pour revenir à ma préface, elle est énorme et pour ne pas donner aux employés hongrois la peine de la lire je me suis dé-

cidé à l'expédier d'ici. Ainsi vouz l'aurez dans une semaine et dans une quinzaine probablement la lettre à l'Empereur. L'affaire littéraire urgente, sur laquelle je vous ai télégraphié, était un article polémique, que m'avait demandé par télégraphe le directeur du «Viestnik Europy» pour le № de janvier de sa revue. J'ai dû l'achever sur place en 15 jours, et puisque le sujet ne touche pas directement aux questions religieuses, j'espère que l'article pourra paraître avec ou sans ma signature. Cet article et mon énorme préface (au moins 50 pages imprimées) ont pris tout le mois, que j'ai passé à Agram. Vous voyez que vous n'êtes pas tombé juste en parlant de Capoue.

Voilà plus de huit mois que je me trouve dans un état, qui trouble mon esprit: car il me serait absolument impossible de dire si c'est un état de grâce ou un état de M. Pobedonostsev. Peut être c'est fait exprès pour ne pas exciter mon orgueil d'un côté et pour me laisser une consolation de l'autre.

J'ai lu pas mal de journaux français les quatres jours, que je suis resté à Diakovar, et mon impression (peut être erronée) a été qu'il n'y aura aucun changement grave chez vous avant les élections générales. Cela m'a rassuré pour mon affaire, mais tout de même il faut que le livre paraisse au courant de l'hiver, et de grâce corrigez sans façons la troisième partie.

A la prochaine lettre, mon très cher ami. Ecrivez à Cracovie à l'adresse du P. Moravski, ou bien poste-restante. Mon salut cordial et mes meilleurs souhaits pour le nouvel an à tous les amis communs. J'écris aujourd'hui à M-elle Smirnov.

Votre très dévoué

Vlad. Solov.

9.

Cracovie (sans date, probablement janvier 1889).

Ami incomparable, frère de mon âme et bienfaiteur de mes enfants! Quand vous lirez ces lignes je serai déjà en Russie. J'espérais toujours pouvoir vous envoyer de Cracovie la lettre à «mon neveu». Elle est écrite depuis une semaine, mais la lecture que j'en ai fait ici et les observations pratiques que j'ai entendues m'ont convaincu qu'il faut l'écrire à neuf. La chose est trop importante pour la faire à la hâte. Je m'en occuperai donc à St.-Pétersbourg à tête reposée. Si je ne parviens pas à voir «mon neveu» et à lui remettre le mémoire russe je vous enverrai la traduction française (j'ai trouvé un moyen sûr pour cela), et alors

vous n'aurez qu'a l'imprimer immédiatement dans *l'Univers*. Le seul fait de recevoir ma lettre au neveu vous servira d'indice que toutes mes démarches n'ont pas réussi et que je recours au dernier moyen pour me faire entendre.

Dites, je vous prie, à M-lle Smirnov, que j'ai reçu ses lettres, que je la remercie beaucoup, que je lui écrirai de St.-Pétersbourg, que j'approuve sans réserves ses conseils et que je ne manquerai pas de les suivre [1]).

Gardé par la Providence j'ai mené à Cracovie une vie dissipée mais vertueuse. Entre autres choses je me suis épris d'une grande dame excessivement agréable et fort aimable pour moi, mais j'ai fini par m'apercevoir qu'elle était dans un état de grossesse très avancé.

Du reste j'ai fait ici quelques lectures. Outres des livres polonais, j'ai lu Molina: *De Concordia gratiae cum libero arbitrio;* et le traité postume du cardinal Franzelin: *de Ecclesia Christi.* En fait de romans j'ai parcouru les deux volumes de *l'Histoire du peuple d'Israël* [2]).

A propos le numéro de *l'Univers* avec votre article m'a fait beaucoup de plaisir. Je l'ai reçu juste au moment où je pensais à vous avec inquiétude.

Adieu, très cher ami. Je crois que le premier temps la correspondance entre Paris et Pétersbourg sera possible. Ecrivez moi donc et envoyez s'il est possible les épreuves (sans retour). Priez M-elle Smirnov d'écrire l'adresse russe.

Pardon, cher ami, j'allais oublier de répondre à votre question: sans doute mes citations sont textuelles et il faut les imprimer comme vous dites.

Je vous embrasse de tout mon coeur. J'espère vous écrire encore de la Russie. Je ne crois pas qu'il m'arrive quelque chose d'important avant deux mois.

Que Dieu vous bénisse.

10.

Moscou, 21 Fév./5 Mars — 89.

Que faites vous, o frère de mon âme, et que fait mon pauvre enfant?

---

[1]) M-elle Olga Smirnov, fille de M-me Alexandrine Smirnov. Elle résidait depuis assez longtemps à Paris, où elle est morte en 1894.

[2]) Renan.

J'ai attendu en vain les épreuves à St. Pétersbourg et me voilà à Moscou, où je veux travailler pendant quelques semaines pour revenir après sur les bords de la Néva et tâcher de finir là les affaires que vous savez.

Si je suis encore inquiet au sujet de mon livre, c'est seulement affaire de nerfs. Moralement je suis sûr que tout sera fait bien et à temps. J'aurais voulu seulement avoir pour certains de mes amis russes les épreuves du livre le plus tôt possible surtout de la préface et de la 3-me partie. Ecrivez toujours à Pétersbourg, Académie Impériale des Sciences, sénateur Bézobrazoff, c'est plus sûr.

Voici qu'on m'apporte votre lettre avec quelques mots de M-elle Smirnov. Je veux bien patienter pourvu que le manuscrit ne se perde pas, j'entends surtout la préface et la 3-me partie dont je n'ai pas d'autres exemplaires.

Pourquoi ne m'écrivez vous rien sur vos comptes avec Perrin [1]) et l'imprimeur (pour la brochure). J'en conclus que je vous dois quelque chose. Dites le moi donc sans vous gêner, et de mon côté je vous promets de ne pas me gêner pour être exact. Et pour vous prouver mon sans façon (que vous devez imiter) voici encore une commission. Ne pouvez vous pas faire copier (dans le cas d'un nouveau retard avec l'impression) la préface et la 3-me partie et me les envoyer à Pétersbourg. Ecrivez moi si vous croyez que cela vaut la peine, et combien cela peut couter.

Merci et pardon mille fois.

Je suis laconique sur mes affaires ici. Car il n'y a rien encore de décidé. Mais en général les pronostics sont plutôt favorables. J'ai perdu quelques amis (plus ou moins faux) en Russie, mais cette perte est plus que compensée par les vrais que j'ai gagnés ailleurs. Je pense à vous chaque jour, mon frère bien aimé, et je vous embrasse de tout mon coeur.

Vlad.

11.

11/23 Juillet 1889. Moscou.

Très cher ami et frère bien aimé, je vous prouve que je vous considère vraiment comme tel en m'abstenant de manifester spécialement la reconnaissanse que je vous dois pour toute la peine que vous a donnée mon livre. Tout de même il fallait depuis

[1]) Editeur de *l'Idée russe.*

longtemps vous écrire; mais je ne voulais le faire tant que j'étais sout l'impression maladivement exagérée que m'a faite cette drôle de faute à la page LII de l'introduction. Si d'après la diagnose compétente du célèbre docteur Botkine je ne souffrais pas d'une névrose au système ganglionnaire je n'aurais jamais envoyé mon télégramme désespéré à notre excellente amie M-elle Smirnoff. Aujourd'hui que mes nerfs sympathiques vont mieux grâce à l'argent nitré, à la belladone etc. je n'exagère plus la portée pratique de cet erratum agaçant, et il ne me reste que l'intérêt théorique à savoir: *comment* cette question intime évidemment adressée à Lorin ou à vous et nullement susceptible d'aucune espèce de publicité a pu passer inaperçue dans les quatre épreuves pour usurper une place qui ne lui appartenait pas du tout dans le texte du livre.

Je tiens le fait d'un certain M. Bilbassof (ami du P. Pierling), qui a lu le livre et qui a été frappé par cette parenthèse extravagante. Quant à moi même je ne l'ai vue de mes propres yeux que dans les troisièmes épreuves, car aucun exemplaire du livre ne m'est parvenu jusqu'à présent.

Après un voyage de deux mois dans la Russie orientale (sur la Volga et au-delà) je suis venu par Moscou à Pétersbourg, très malade, vers la fin de juin. Dans les deux capitales j'ai trouvé force lettres de M-elle Smirnoff et je lui ai télégraphié sur le champ avoir tout reçu. Mais après, en lisant cette correspondance en détail, j'ai vu mainte fois mentionnée une lettre de vous que je n'ai cependant jamais reçue et que je regrette beaucoup.

Ainsi vous voyez, mon cher ami, qu'il y a des circonstances atténuantes à mon silence.

A Pétersbourg j'étais venu 1) pour consulter le d-r Botkine et 2) pour achever dans la Bibliothèque Impériale «l'instrument» du second volume de ma «Théocratie» (dont la rédaction définitive je viens de commencer ces jours-ci et qui, je l'espère, sera prête pour être imprimée vers la fin de l'hiver prochain). Après quoi j'ai eu un certain temps l'intention d'entreprendre un grand voyage au Caucase et au-delà, mais j'ai abandonné ce plan et probablement je ne quitterai la province de Moscou que pour aller à Pétersbourg.

NB. Un mot dans *notre affaire de famille.* Il parait que j'aurai bientôt une dernière occasion d'agir directement sur le neveu de ....., cet homme si excellent, mais malheureusement victime d'une mauvaise société. Si je ne réussis pas à lui ouvrir les yeux (peu de chances!), je n'ai nullement abandonné le projet de l'ac-

tion indirecte et à distance, et je compte là-dessus sur votre secours. Il faudra seulement attendre qeulque occasion favorable pouvant donner à l'affaire un caractère plus objectif et plus intéressant pour la personne en question.

Pour revenir à mon livre, non seulement je ne l'ai pas vu, mais je ne sais rien du tout à son sujet excepté le seul fait de son apparition. S'il se vend, s'il a été remarqué, s'il y a eu des articles? J'attends là-dessus de nouvelles de vous, mais je vous préviens que je suis presque sûr que ces nouvelles doivent avoir un caractère négatif.

Voici la liste des endroits et des personnes auxquelles je voudrais faire parvenir mon livre: 1) Mgr. Strossmayer, Djakovar, Autriche-Hongrie. 2) Le Comte Vojnovie, professeur à l'université d'Agram, Autriche-Hongrie. 3) Madame Marie Strazewska, Cracovie, Autriche-Hongrie (à celle-ci, s'il est possible, 5 ou au moins 3 exemplaires pour d'autres amis). 4) Le Comte Angelo de Gubernatis, professeur à l'université de Florence, Italie. 5) Le Baron Vogelsang, rédacteur du journal «Vaterland», 5 Lorenzgasse, Vienne, Autriche. 6) Son A-sse Imp-le M-me la P-cesse Guillaume de Bade, Carlsruhe, Allemagne. 7) Sa Majesté la Reine Olga Constantinovna, au Palais, Athènes, Grèce. 8) Altesse Imp-le et R-le Madame la duchesse d'Edinbourg, au Palais à Péterhof, près de St. Pétersbourg, Russie. 9) Son Altesse Imp-le Madame la G-de Duchesse Alexandre Jossifovna, Palais de Pavlovski (près de St. Pétersbourg).

J'espère que Lorin, Loth, Loiseau, Leroy-Beaulieu, les Pères de Pascal, Martinov, Pierling ont depuis longtemps reçu leurs exemplaires. Il ne me reste donc que M. Welschinger (au Sénat) et le curé de Viroflay. Ces deux sont absolument nécessaires, et aussi encore un exemplaire au P. Pierling pour M-me de Villeneuve.

Si Savine n'est pas avare, pensez encore: au baron d'Avril, au comte de Rougemont et à deux dames, amies de Lorin, lequel leur remettra.

Si j'ai oublié quelqu'un, vous m'aiderez dans cette circonstance comme en tant d'autres.

A propos, je continue à ne rien savoir concernant ma petite dette à l'imprimerie de Dumoulin pour la brochure. Perrin en a-t-il vendu assez pour payer les 190 frcs. qui restaient. Je crains que vous l'ayez fait de votre poche et que vous voulez me le cacher. Probablement vous aurez fait un syllogisme dans ce genre:

Majeure: Soloviev a toujours abusé de mon temps. *Mineure*: Mais le temps est l'argent d'après le proverbe anglais (time is monney). *Conclusion*: *Ergo*, Soloviev voudra bien abuser de mon argent.

A celà je réponds:

Concedo majorem: *Nego* minorem, ut sophisticam. *Ergo, nego* consequentiam.

Je vous assure, ô frère de mon âme, que je fais des comptes très exacts aves mon frère cadet, qui, comme vous, m'aide et me soutient dans mes affaires littéraires et autres. Ce n'est pas une raison pour lui prendre encore de l'argent, ni à vous non plus. Ecrivez moi donc, o moitié de mon âme (la moitié de mon être complet est complètement absente), écrivez moi donc à Moscou, notre amie pourra vous inscrire l'adresse.

Je termine pour ne pas tarder encore d'un jour.

Je vous embrasse de tout mon coeur et je vous prie de saluer de ma part Loth, Loiseau et tout les amis que vous verrez.

Votre dévoué

Vlad. Sol.

12.

(Non datée. De Pétersbourg, 1894; probablement au commencement d'avril).

Ange inappréciable et frère de mon âme, je profite d'une occasion favorable pour vous «mettre sur la piste». Mon ami M. Cavos, demi-italien franco-russe et homme excellent sous tous les rapports, c'est chargé de vous remettre cette lettre que je n'aurais pas voulu confier à la poste.

Il s'agit d'un grave mouvement parmi les dissidents russes (ceux que l'on considère comme protestants et rationalistes, mais qui ne le sont pas en réalité) vers la *catholicité* (je ne dis pas encore *catholicisme*). Ils tiennent entre autres à avoir une hiérarchie valable, c'est à dire possédant la succession apostolique. Puisqu'il n'y a aucune possibilité pratique d'obtenir la chose voulue d'une source orientale il s'en suit...

La seconde éventualité—la seule qui reste—serait d'autant plus à désirer qu'elle réunirait à l'avantage de la valabilité celui de la régularité.—Vous comprenez l'impression personnelle que produisent sur mois ces horizons nouveaux ouverts d'une manière si innatendue. J'ai vu que je me suis préparé pendant ces douze dernières années (sans y penser et sans le prévoir) un rôle

pratique et indispensable, que je ne me suis pas trompé et que je n'ai pas travaillé en vain même au point de vue purement pratique. Il ne s'agit plus de «jeter la bonne graine», mais de préparer et de réaliser un acte historique d'un caractère tout à fait déterminé et d'une importance incalculable.

Je ne puis pas vous communiquer ces détails à présent. En automne vous aurez des nouvelles plus précises, de vive voix, je l'espère. Je vous prie de ne communiquer à personne le contenu de cette lettre excepté à Lorin et Ménard, ainsi qu'à votre excellente femme, qui me fait l'effet d'être exempte de certaines faiblaisses de son sexe.

Bientôt j'espère vous envoyer le manuscrit très refait de ma conférence sous le titre «Quelques pensées sur notre avenir à propos de l'amitié franco-russe».

Je voudrais bien qu'avec votre aide M. Cavos apprenne quelque chose sur la destinée des papiers laissés par notre amie défunte[1]) à mon nom, d'après ce que m'a écrit M. Onéguine[2]).

Mille amitiés à M. Desquers[3]) et à votre excellente femme. J'embrasse Lorin et Ménard. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Votre *V. S.*

Je me porte pas mal et travaille à de petites choses publiquement et à de grandes en secret.

13.

Tsarskoe-Selo. Mai—Juin 96.

Dimidium animae meae, le plus cher et le plus excellent de tous les Eugènes! Vraiment, votre lettre a été une grande joie pour moi; elle m'a transporté dans un monde de souvenirs agréables, mêlés à des pressentiments plus agréables encore. Je souffre de nostalgie cosmopolitique. Le patriotisme n'empêche pas d'être gêné par des frontières. C'est pour celà que j'adore la mer, qui n'en a pas ..

Il faut cependant que je vous explique ma lenteur à répondre, ainsi que l'insuffisance de ma lettre.

---

[1]) M-elle Olga Smirnoff.

[2]) M. Onéguine, le fondateur du Musée Pouchkine à Paris, avait informé Vladimir Soloviev, que des papiers lui étaient légués, parmi ceux que laissait, en grand nombre, M-elle Olga Smirnoff.

[3]) Mon beau-père.

En dehors des préoccupations qui ne sont pas faites pour une communication postale et des travaux littéraires accidentels, j'ai deux travaux quotidiens qui m'absorbent plus qu'il ne faut peut être.

1) Je publie un gros volume sur la philosophie morale qui sera suivi par deux pareils sur la métaphysique et l'esthétique dont une moitié est sous presse tandis que les derniers chapitres sont encore *in statu nascendi.*

2) Je rédige la section philosophique et en partie théologique d'une énorme encyclopédie russe (lettres A—L) parue en trente cinq volumes, deux mille feuilles d'impression, trente deux mille pages; la plupart des articles de ma section sont écrits par moi même, et la lettre M, à laquelle nous sommes arrivés, est infernale: matière, matérialisme, manichéisme, métaphysique, mystique, morale, monisme, monothéisme, monophysite, monothélète, mandéens, Maimonide, Malebranche, mille et un tos de termes russes que je vous épargne. Maintenant je profite de deux ou trois jours un peu plus libres entre Malebranche et matière pour vous répondre d'une manière très incomplète.

Je savais déjà quelque chose sur le mouvement anglo-romain par «la Quinzaine» que l'on m'envoie quelquefois. Je trouve ce mouvement non seulement très désirable en lui même, mais encore très tempestif au moment où certaine partie de Right Reverends commence à jeter des oeillades du côté Nord-East; ces oeillades platoniquement adultérines ne peuvent avoir qu'un seul résultat, celui d'embêter les bons et d'encourager les méchants; mais grâce au mouvement anglo-romain, ce triste effet sera quasi manqué.

Vous savez que selon mon avis, *tant que la chrétienté orientale est dans l'état où elle est, tout succès extérieur* pour elle ne peut être qu'un malheur pour la cause du Christianisme universel et partant pour les vrais intérêts de tous pays chrétiens, la Russie et la France comprises. Par contre dans l'état actuel des choses tout ce qui est succès pour la chrétienté occidentale dans le sens de son unification est un bonheur pour tout le monde.

Quant à votre demande de vous fournir des données pour un article concernant ma très maigre personne, je dois, pour des raisons que vous devinerez peut être, me borner à une courte exposition de mes principes religieux. Si les remarques qui suivent sont inutiles pour l'article en question, acceptez les tout de même comme une manifestation amicale.

Et pour commencer je commence par la fin.

Respice finem. Sur ce sujet il n'y a que trois choses certaines attestées par la parole de Dieu:

1) L'Évangile sera prêché par toute la terre, c'est à dire que la Vérité sera proposée à tout le genre humain, ou à toutes les nations.

2) Le Fils de l'Homme ne trouvera que peu de foi sur la terre, c'est à dire que les vrais croyants ne formeront à la fin qu'une minorité numériquement insignifiante et que la plus grande partie de l'humanité suivra l'Antechrist.

3) Néanmoins après une lutte courte et acharnée le parti du mal sera vaincu et la minorité des vrais croyants triomphera complètement. De ces trois vérités aussi simples qu'incontestables pour tout croyant je déduis tout le plan de la politique chrétienne.

Et d'abord la prédication de l'Evangile par toute la terre, pour avoir cette importance exchatologique qui lui a valu une mention spéciale de la part de Notre Seigneur lui même, ne peut pas être limitée à l'acte extérieur de répandre la Bible ou des livres de prières et de sermons parmi les nègres et les papous. Ce n'est là qu'un moyen pour le vrai but qui est de mettre l'humanité devant le dilème: d'accepter ou de rejeter la vérité en connaissance de cause, c'est à dire la *vérité bien exposée et bien comprise.* Car il est évident que le fait d'une vérité acceptée ou rejetée *par malentendu* ne peut pas décider du sort d'un être raisonnable. Il s'agit donc d'écarter non seulement l'ignorance matérielle de la révélation passée mais aussi l'ignorance formelle concernant les vérités éternelles, c'est à dire d'écarter toutes les erreurs intellectuelles qui empêchent actuellement les hommes de bien comprendre la vérité révélée. Il faut que la question d'être ou de ne pas être vrai-croyant ne dépend plus des circonstances secondaires et des conditions accidentelles, mais qu'elle soit réduite à ces termes définitifs et inconditionnée, qu'elle puisse être décidée par un pur acte volitif ou par une détermination complète de soi-même, absolument morale, ou absolument immorale.

Maintenant, vous conviendrez sans doute que la doctrine chrétienne n'a pas atteint actuellement l'état voulu et qu'elle peut encore être rejetée par des hommes de bonne foi à cause de réels malentendus théoriques. Il s'agit donc:

1) D'une instauration générale de la philosophie chrétienne, sans quoi la prédication de l'Evangile ne peut pas être effectuée.

2) S'il est certain que la vérité ne sera définitivement ac-

ceptée que par une minorité plus ou moins persécutée, il faut pour tout de bon abandonner l'idée de la puissance et de la grandeur extérieure de la théocratie comme but direct et immédiat de la politique chrétienne. Ce but est la justice, et la gloire n'est qu'une conséquence qui viendra de soi-même.

3) Enfin de la certitude du triomphe définitif pour la minorité des vrais-croyants ne doit pas nous mener à l'attente passive. Ce triomphe ne peut pas être un miracle pur et simple, un acte absolu de la toute-puissance divine de Jésus Christ, car s'il en était ainsi, toute l'histoire du christianisme serait superflue. Il est évident que Jésus Christ pour triompher justement et raisonnablement de l'Antechrist a besoin de notre collaboration; et puisque les vrais-croyants ne sont et ne seront qu'une minorité, ils doivent d'autant plus satisfaire aux conditions de leur force qualitative et intrinsèque; la première de ces conditions est l'unité morale et religieuse qui ne peut pas être arbitrairement établie, mais doit avoir une base légitime et traditionnelle, c'est une obligation imposée par la piété. Et, comme il n'y a dans le monde chrétien qu'un seul centre d'unité légitime et traditionnel, il s'en suit que les vrais-croyants doivent se rallier autour de lui ce qui est d'autant plus idoine qu'il n'a plus de pouvoir extérieur compulsif et que partant chacun peut se rallier dans la mesure indiquée par la conscience. Je sais qu'il y a des prêtres et des moines qui pensent autrement et qui demandent qu'on s'abandonne à l'autorité ecclésiastique sans réserve, comme à Dieu. C'est une erreur qu'il faudra nommer hérésie quand elle sera nettement formulée. Il faut s'attendre à ce que quatre vingt dix neuf pour cent des prêtres et moines se déclareront pour l'Antechrist. C'est leur bon droit et c'est leur affaire.

Quand on parle du loup on en voit la queue. Voici que j'ai dû interrompre cette lettre pour en recevoir une autre venant d'un moine galicien qui veut m'imposer à tout prix le dogme... de la peine de mo[illegible]. Il parait que c'est le point le plus important de sa «doctr[illegible] chrétienne». Bien qu'il appartienne à la Galicie d'Autriche et non pas à celle de l'Espagne, sa lettre n'a pas manqé de me rappeler qu'il y a des espagnols qui se disent espagnols, mais qui ne sont pas de vrais espagnols.

Pour revenir à nos propres affaires, dans quel sens doit on agir pour la vraie concentration chrétienne?

Je crois qu'avant tout il s'agit d'être pénétré par l'Esprit du Christ à un degré suffisant pour pouvoir dire en bonne conscience que telle ou telle action ou entreprise est une colaboration po-

sitive avec Jésus Christ. C'est le criterium définitif. Quant au côté pratique et purement humain de l'action, son exposition (en tant qu'il s'agit de la Russie) n'est pas faite dans les conditions données, ni pour la publicité, ni même pour la poste. Nous en parlerons à Paris. Quand! Je commence vraiment à croire que le nombre cinq est fatal pour mes visites en France et que j'y viendrai en 1898.

Ah! combien de choses aurons nous à nous dire. Et en attendant pourquoi ne me donnez vous aucun détail de votre vie privée? M. votre beau-père est il en bonne santé? Je vous prie de remettre mes salutations les plus cordiales à Madame Tavernier. S'il y a des amis à Paris qui se souviennent de moi (ce qui serait une preuve d'une très bonne mémoire et d'un coeur généreux vu mon silence absolu), embrassez les de ma part et je vous embrasse mille fois, mon ami sans pareil.

Tout à vous

Vladimir Soloviev.

14.

28 Mai (9 Juin) 1897.

Amice carissime dimidium animae mae! Vous me connaissez assez pour ne pas prendre en mauvaise part mon silence trop prolongé. A 44 ans on ne change pas d'habitudes (excepté habitude involvant péché mortel). J'espère aussi que vous me croirez que j'ai souvent pensé a vous avec mes meilleures pensées et que j'ai été très sensible à l'envoi que m'avait remis M. Stassulevitch de votre part. Vos progrès en langue russe m'ont vraiment réjoui, et si je ne vous ai pas encore envoyé mon gros volume sur la philosophie morale, c'est que je suis en train d'en publier une seconde édition revue et corrigée et partant plus digne de votre attention. Ce livre m'a attiré dans la presse russe les plus grandes injures et les plus grands éloges que j'ai jamais entendu. Pour être juste je dois dire que les éloges venaient des écrivains spécialement compétents en philosophie, ce qui n'est pas tout à fait le cas pour les autres.

Je veux vous faire rire, mon bon ami. Il y a juste un an que vous m'avez demandé une petite notice autobiographique pour le Dictionnaire de Vapereau. La voici cette notice [1]) qui a pris du

[1]) «Notice autobiographique» (rédigée par Vladimir Soloviev et mentionnée plus haut):

temps pour être composée. Rayez, je vous prie, ce qui peut être de superflu.

Quand viendrai—je en France? C'est très étrange, mais il paraît qu'il m'est impossible de transgresser la loi des 5 années: 1888, 1893, *1898*. Avant cette date fatale il n'y a aucune probabilité de voyage à l'étranger (time and monney faisant absolument défaut).

Mais quant à l'année 1898 elle est autant sûre que les choses humaines peuvent l'être. J'ai énorme soif de l'Océan et de l'Occident, pour le premier Oc c'est physique et héréditaire mais pour le second c'est moral et personnel, et je vous assure que le motif dominant c'est d'embrasser quelqu'un demeurant 64 rue Bellechasse.

Je salue cordialement Madame Tavernier et M. votre beau père.

Votre dévoué

Vlad. Sol.

Si vous voyez Lorin embrassez le cordialement de ma part. Ménard idem. Si vous voyez Huret [1]) remerciez le bien de ma part pour son livre que je n'ai pas encore vu, mais dont j'ai entendu parler ici.

15.

Janvier 1898—Pétersbourg.

Voici enfin, ô frère bien aimé de mon âme, cette lettre que je vous annonçais de Moscou il y a bien 40 jours. Je ne m'ex-

---

«Vladimir Serguéiévitch Soloviev, né à Moscou en janvier 1853, fils de l'historien russe Serguéi Mikhaïlovitch Soloviev, petit-fils d'un ecclésiastique du côté paternel et d'un amiral du côté maternel; fait ses études à un gymnase, puis à l'université de Moscou (faculté des sciences naturelles) et à l'académie théologique de St. Serge (près de Moscou). Obtenu les grades de magistre et de docteur en philosophie à l'université de St. Pétersbourg. Professé la philosophie à l'université de Moscou (1875—1876) et à celle de St. Pétersbourg (1880—1882). Principaux ouvrages publiés en Russie: «Crise philosophique en Occident» (1874); «Critique des principes abstraits» (1880); «Bases religieuses de la vie» (3-ème édition en 1897); «Question nationale en Russie» (3-ème édit. en 1891); «Le grand schisme et la politique chrétienne» (1883); «Un recueil de poésies» (2-ème édit. 1891); «Le droit et la morale» (1897); «La vérité du Bien, ou philosophie morale» (1897); «Un ouvrage (en russe) sur l'histoire et l'avenir de la Théocratie» a été publié à Agram, Autriche-Hongrie (1887); en langue française à Paris: «L'idée russe» (1888) et «La Russie et l'Eglise Universelle» (1889).

Depuis 1891 Soloviev prend part à la Grande Encyclopédie Russe de Brockhaus-Ephron comme rédacteur en chef de la section philosophique».

[1]) Auteur d'une enquête intellectuelle et morale faite en divers pays.

cuse pas de ce retard, car il ne tient ni à ma paresse épistolaire, ni à des occupations absorbantes qu'il est si facile de remettre pour 2 à 3 heures. Mais en écrivant au meilleur des français, je ne pouvais pas me taire sur des affaires très pénibles concernant la chose publique, et je ne voulais pas en parler au moment de votre chagrin domestique dont vous m'avez fait part d'une façon qui m'a vraiment ému jusqu'au fond de mon coeur et a fait venir des larmes à mes yeux.

Mais enfin il faut se décider. Vous devinez que par affaires pénibles j'entends surtout l'effervescence de l'antisémitisme incarné dans le scandale Dreyfus. Je ne veux pas entrer dans les détails des faits qui seraient peu importants en soi,—même s'ils étaient absolument certains. Mais voila ce qui est grave. J'ai lu les paroles de votre ministre des affaires étrangères proclamant qu'il vaut mieux faire périr vingt innocents que de porter atteinte à une institution nationale. Une opinion personelle de M. Hanotaux ne tirerait pas à conséquence, mais il est évident qu'il n'a pas parlé de son propre chef, mais comme «étant sacrificateur cette année là», et il parait que la grande majorité du public français a confirmé ses paroles.

Or, une institution quelconque, nationale ou autre, qui, pour être défendue ou maintenue, demande la condamnation ne fût-ce que d'un seul innocent ne mérite pas de durer un seul jour et doit nécessairement périr, s'il y a une providence dans le monde. Je suis très loin d'identifier la France avec la majorité d'un moment donné et je suis sûr que votre patrie sortira saine et sauve de cette crise morale, mais il me parait impossible que celà se fasse paisiblement sans grandes catastrophes. Et, quoique ma raison me prouve que tout ce qui arrive doit arriver pour le plus grand bien, cela n'empêche pas à mon sentiment d'être troublé.

Je n'insisterai pas sur le côté triste de mes prévisions. Et le bon côté le voilà. On a bien remarqué que la France, qui est toujours à la tête de l'humanité, quand elle entre dans une fausse voie, y marche plus loin que toutes les autres nations, arrive la première à l'absurde dans la direction donnée et abandonne cette direction définitivement avant tout le monde. La fausse route dont il s'agit maintenant c'est le pseudo—patriotisme qui met la patrie à la place de Dieu (tandis que le vrai patriotisme pour pouvoir adorer la patrie veut d'abord la rattacher à Dieu). Je crois que le point culminant est atteint chez vous et que M. Hanotaux a dit le dernier mot du faux patriotisme qui trouvera sa ruine en France comme il est déjà arrivé avec le faux monar-

chisme que vous avez à jamais renversé après l'avoir porté au comble. Il faut désirer, et on peut bien espérer que cette fois-ci le résultat voulu coûtera moins cher. Mais le ciel n'est pas serein, et je vois d'ici une *nave senza nochhiero in gran tempesta* [1]).

Je voulais vous parler encore sur l'antisémitisme et sur l'astuce du démon, mais je remets ces sujets compliqués au moment rêvé de notre entrevue à Paris: décembre 1898.

A propos du démon, vous me demandez ce que je pense du livre de M. P-v [2]). Je pourrais vous dire que je n'y pense pas du tout, comme le monsieur de votre anecdote (vous souvient-il à l'hôtel Vouillemont!) ne pensait pas à l'adultère parce que son intérêt ne commençait qu'à l'inceste. Mon intérêt pour M. P-v ne commence qu'à ses faits et gestes plus ou moins infernaux en dehors de la littérature. Tout de même j'ai parcouru le livre et voici le résumé de mon impression. L'ouvrage peut être divisé en trois parties inégales: 1) la meilleure contient des traductions tant avouées que non avouées d'auteurs anglais, américains, français et même d'un juif allemand (Max Nordau, source non avouée); 2) de longues pages tirées des vieux slavophiles russes qui, pour masquer le plagiat, sont traités avec dédain dans un endroit du livre; 3) la partie la moins recommandable contient des réflexions personnelles de l'auteur respirant le «boudhisme» des vieilles petites gens dont la foi est faible et le foie malade et qui ne tarissent pas de plaintes que tout le monde tourne au mal, que le café monte en prix et la rente baisse, que les enfants n'obéissent plus à leurs parents, etc. Le russe du livre est correct et élégant et ne manque pas d'un certain éclat dans les passages copiés chez Ivan Aksakov.

Parlons d'autres chose. Vous vous étonnez peut-être que je ne vous ai pas envoyé mon livre sur la morale. C'est que j'en prépare une nouvelle édition revue et augmentée qui sera plus digne de vous être présentée, et, en attendant, votre connaissance de la langue russe déjà très remarquable fera de nouveaux

---

[1]) Les paroles attribuées ici à M. Hanotaux et sur lesquelles argumentait Vladimir Soloviev sont une des innombrables formules absolument inexactes qui ont circulé partout pendant l'affaire Dreyfus et encore après. Vladimir Soloviev, comme tant d'autres personnages éminents, avait été mal renseigné.

J'ai voulu récemment vérifier le texte incriminé. Je n'en ai trouvé trace nulle part. Ensuite je me suis adressé directement à l'ancien ministre des affaires étrangères de la République Française. De la déclaration que M. Hanotaux a bien voulu me faire, il résulte qu'il n'a jamais prononcé cette phrase, ni rien dit qui pût prêter à une telle interprétation de sa pensée.

[2]) Pobedonostsev.

progrès qui vous permettront de me lire sans le moindre effort et partant sans ennui. Je ne voudrais pas du tout vous voir au nombre des personnes auxquelles je donne des ennuis et des embarras.

J'ai publié le premier chapitre de ma métaphysique dans une revue et j'espère achever le livre en quinze mois. Je suis en outre très occupé de Platon dont j'ai entrepris une traduction complète. Après avoir fini la métaphysique, Platon, une esthétique (la moitié achevée), un livre sur la poésie russe (achevé pour les $^3/_4$) et une histoire de la philosophie (pour laquelle je mettrai à profit mes articles dans l'Encyclopédie) je me concentrerai entièrement sur la Bible qui de la Genèse à l'Apocalypse est un cadre admirable pour tout ce qui peut dorénavant m'intéresser. Je ne sais pas encore si mon travail définitif prendra la forme d'une nouvelle traduction avec de longs commentaires, ou celle d'un système de philosophie historique basée sur les faits et l'esprit de la Bible.

Voici ce que je compte faire, Dieu aidant, dans l'avenir; avec vous, mon excellent ami, ma franchise n'a pas de bornes, et je vous dirai donc ma conviction que la réunion des églises, entre elles d'abord et avec la synagogue après, et l'avènement de l'Antechrist doivent être précédés par la publication de mon oeuvre publique. Ainsi, malgré la vieillesse qui approche (vendredi prochain j'aurai 45 ans) et toute espèce de difficultés et d'infirmités, je suis tout à fait tranquille dans mon esprit, d'autant plus que mon erreur possible ne toucherait que mon rôle personnel sans rien changer dans mes sentiments religieux.

Me voilà bien loin de l'Antechrist! Pour y revenir, je veux vous annoncer un petit projet pour la fin de cette année. Si les évènements chez vous le permettent, j'ai l'intention de publier à Paris deux petits livres: un résumé de ma philosophie morale et une étude sur Platon «le Drame de Platon» (j'entends le drame de sa vie). Qu'en dites vous? Mais je vous prie de n'en parler qu'à moi et surtout de n'en rien dire à l'excellent X, qui, avec toutes ses qualités, ne m'inspire pas une grande confiance.

Ah! comme je voudrais vous voir. J'ai bien pensé à vous et à Madame tout ce temps. Je vous prie de lui remettre mes sentiments de vraie sympathie et de respect affectueux.

Si vous voyez à Paris des amis qui se souviennent de moi saluez les, je vous prie, cordialement de ma part.

Ecrivez moi toujours au Вестник Европы, Галерная, 20, Петербург.

Je vous embrasse en mon âme où vous demeurez toujours, mon cher frère!

Vladimir Soloviev.

ЕВГЕНИЮ ТАВЕРНЬЕ [1]).

(Русский перевод).

1.

Суббота. 21 Июля 1888.

Вот я опять в Виль-Люмьере [2]), дорогой Таверньe, и жажду Вас видеть. Дайте мне знать когда это возможно, день, час, место.

Торжественно приглашаю Вас отобедать со мной в эту пятницу, 27 июля, это — день моего Ангела. Но мы, несомненно, еще не раз увидимся с Вами до этого. Я бы хотел также пригласить Луазо [3]) (в Париже ли он?), Немур-Годре [4]) и, в особенности, Лота [5]), хотя боюсь нарушить его привычки отца семейства. Во всяком случае, я предпочел бы для них выбрать другой день, а вечер 27 провести вдвоем с Вами. Впрочем, мы об этом еще поговорим.

Десять дней, которые я провел в деревне, пошли мне на пользу. Если мне и бывает грустно, у меня нет более забот, и я смотрю на все более или менее sub specie aeternitatis или, по крайней мере, sub specie antichristi venturi.

Спасибо за журналы. Статьи не сходны между собой, но каждая хороша на своем месте...

Что касается превосходнейшего отца де-Паскаль [6]), он был моим товарищем по даче, и мы видимся ежедневно. Он

---

[1]) Евгений Таверньe перевел на французский язык «Три разговора» Вл. Соловьева (Paris 1916) и снабдил перевод обширным введением (104 стр.).

[2]) В 1888 г. Владимир Соловьев пробыл во Франции с мая месяца до ноября. Он сначала прочел (25 мая) у княгини Сайн-Витгенштейн доклад: «L'idée russe» (Русская идея). Потом он занялся окончанием редактирования своей французской книги: «La Russie et l'Église Universelle» (Россия и Вселенская Церковь). Он работал то в Париже, в гостинице, то, чаще, в Вирофлэ, близ Версаля у Анатоля Леруа-Больe, который оказывал ему самое любезное гостеприимство.

[3]) Французский политический писатель.

[4]) Редактор Univers'a.

[5]) Тоже.

[6]) Бывший доминиканец.

уезжает на-днях так же, как и Лорин[1]). Но Вы, я надеюсь, меня не покинете до конца моего пребывания в Париже.

Итак, до свидания, до скорого, дайте мне знать о себе скорее, пожалуйста.

Преданный Вам *Владимир Соловьев.*

2.

(Без числа. Вероятно, сентября 1888. Париж).
Четверг.

Дорогой друг!

Потеряв (в $2^1/_2$ ч.) всякую надежду видеть Вас сегодня, уезжаю в Вирофлэ. Завтра жду Вас в $6^1/_2$, но Вы можете опоздать на полчаса. Если по чрезвычайным причинам Вы совсем не сможете быть, я прошу Вас сообщить мне об этом до 5-ти ч. До свидания.

Весь Ваш *Влад. Соловьев.*

3.

Сентябрь. 1888. Вирофлэ.

Дорогой друг!

Я *чрезвычайно* сожалею, что в l'Univers'e напечатали краковскую статью, не предупредив меня об этом. Я не знаю автора, ни его намерения, но я нахожу в статье невероятные ошибки и такую ненависть к России, которую l'Univers, по моему мнению, не должен был бы поощрять. Но так как дело сделано, я посылаю Вам опровержение, с просьбой напечатать его тем же шрифтом и на том же месте, как и польскую статью, т.-е. на первой странице[2]).

Я писал наспех и прошу хорошенько исправить мой слог. Что касается содержания — ничего менять не надо.

То, что я отнял несколько часов у спешной работы, которая меня теперь занимает, чтобы опровергнуть статью,

---

[1]) Бывший ученик политехнической школы, посвятивший себя делам религиозного и социального апостольства.

[2]) Владимир Соловьев напечатал несколько статей в Univers'e о Владимире Святом и Христианском государстве (Saint Vladimir et l'État chrétien): 4, 11, 19 августа; 22 сентября. Письмо касается этой последней.

лично меня не затрогивающую, доказывает Вам мой интерес к l'Univers'у и мое желание, чтобы читатели были лучше осведомлены.

В пятницу я буду в Париже и зайду в редакцию.

Итак, до свидания, до скорого.

Преданный Вам *Влад. Соловьев.*

4.

4/16 Окт. 1888.

Дражайший друг!

Ура! Я нашел удовлетворительную форму, чтобы закончить мою книгу. Все, что я должен был сказать в конце, устроилось самым неожиданным образом. Вчера (понедельник) я совсем не обедал, я пил только черный кофе и воду с сахаром, и это мне пошло на пользу. Я писал с 12 дня до 11 час. ночи. Предстоящая работа (сократить лишнее, усилить главное в том, что я Вам прочел, и придать всему более литературную форму) — работа более скучная, чем трудная. Я надеюсь, что это займет у меня не более восьми дней.

Итак, отложите Ваше суждение о моей книге и никому не говорите, что я был недоволен своей работой: этим могли бы воспользоваться против меня.

С материальным вопросом дело обстоит не так хорошо: Менар [1]) говорил мне о других предложениях, но во всяком случае с моим недостатком осторожности и расчетливости я мог бы устроиться, чтобы уехать из Франции если не с комфортом, то, по крайней мере, с честью.

Вы отнесли мою брошюру и «le Contemporain» (Современник) княгине Витгенштейн, неправда ли? Очень Вам благодарен.

Если увидите Менара, прошу Вас: 1) поговорить с ним о моей книге не по последнему Вашему впечатлению, но по Вашему доверию ко мне. Я даю Вам слово как Флокэ: то, что я сделал, будет сделано хорошо; 2) я Вас прошу поговорить с ним откровенно о... X... Я почти уверен, что он

---

[1]) Жозеф Менар, умерший депутатом от Парижа, ввел Владимира Соловьева в сношения с Савиным, издателем, для издания книги «La Russie et l'Église Universelle» (Россия и Вселенская Церковь).

сунулся в мое дело... Менар считает его просто докучливым человеком. Может быть, я ломлюсь в открытые двери (Je cherche midi à 14 heures), однако брошюра аббата-отступника, в которой меня обвиняют в том, что я покровительствую нигилистам и цареубийцам и ругаю Царя (оскорбление Величества, преступление, караемое смертной казнью), не предположение, но факт.

Прощайте, пишите, я Вам еще напишу.

Весь Ваш, искренно преданный *Вл. Сол.*

5.

19 Октября 1888. Вирофлэ.

Дорогой друг!

Большое спасибо за телеграмму, которая на другой день подтвердилась письмом Савина; он приглашает меня приехать во вторник поговорить с ним на основе тысячи франков. Мне, следовательно, нет никакой надобности ехать в Париж раньше вторника, а по причинам Вам известным я должен ограничивать свои движения самым необходимым. Поэтому я телеграфировал Менару, что приеду во вторник утром и, если Вы свободны, я назначаю Вам свидание у него в час завтрака.

Слава Богу, окончательная работа идет хорошо, как я Вам заранее предсказывал. Я нашел эпиграф для моей книги. Вот он [1]):

Очевидно, здесь речь идет не о королеве Маргарите и не о народе г-на Криспи. Я только-что получил довольно

---

[1]) Здесь даем только русский перевод:

(Я) ученик беспорочного пастыря,
Который пасет стада овец на горах и пастбищах,
Чьи великие очи глядят на всех,
Ибо он научил меня верным писаниям жизни;
В Рим послал он меня, чтоб созерцать царство
И видеть царицу в золотом платье и золотой обуви,
И видел я там народ, имеющий блистающую печать.

Эту надгробную надпись Аверкия В. Соловьев в русском переводе мог прочесть в великой Четьи Минеи митрополита Макария. Октябрь, дни 19—31. Греческий текст находится у Метафраста и издавался неоднократно. См. Die Grabschrift des Aberkios von Lüdtke und Nissen. Leipzig 1910. (ред.).

забавное письмо от барона д'Авриль[1]). Между прочим он спрашивает меня, позволю ли я ему при случае употреблять следующие выражения: дезертирующая церковь, немилость правительства и Навуходоносор.

До свидания, мой лучший друг.

Весьма преданный Вам *Владимир Соловьев.*

6.

28 Окт. 1888. Вирофлэ.

Мой превосходный друг!

Я получил маленькое письмецо, которое произвело маленькие перемены в моих маленьких планах.

Я приеду в Париж только во вторник и приглашаю Вас притти в этот день в 6 час. разделить мой ультра-скромный обед (№ 3, ул. С. Рок), после которого я Вам прочту конец моей книги.

Что касается новых мест в той части, которую я Вам уже читал, Вы их увидите в корректуре. Надо, чтобы наше чтение было короткое, потому что около $9^1/_2$ я должен итти к Менару с Вами, если это Вас устраивает. Другого часа я никак не мог выбрать.

В среду я отнесу рукопись Савину и вернусь вечером в Вирофлэ, чтобы написать мое предисловие и письмо государю. В субботу я с кюре еду в Шартр, а в воскресенье окончательный от'езд из Вирофлэ.

Напомните мне, пожалуйста, сказать Вам что-то касающееся l'Univers'a.

До свидания во вторник.

Весь Ваш *Владимир Соловьев.*

7.

Аграм. 28 Ноября 1888.

Брат души моей!

Вот я в Аграме (плохое созвучие) в Загребе, где пишу мое предисловие. Читаю в газетах тревожные известия, касающиеся моего издателя. Говорят даже об администра-

[1]) Бывший французский дипломат, писатель эрудит.

тивной высылке, которая гораздо менее меня устроила бы, чем моя собственная. Без сомнения, все это очень преувеличено, однако я прошу Вас следить за тем, чтоб моя рукопись не исчезла в этой суматохе. Я только-что заметил, что в нашем условии с Савиным нет пункта, касающегося времени издания, так что он может отложить его ad calendas graecas; это было бы неважно при других обстоятельствах, но в виду большой вероятности скорого хаоса во Франции и Европе, опоздание издания равнялось бы запрещению книги. Так что я Вас очень прошу, торопите Савина, и если он не решится немедленно отправить рукопись в печать, возьмите ее на время к себе. Предисловие будет готово послезавтра, а через неделю Вы найдете его у Lorin. Получил ли он мое письмецо. Чтобы покончить с деловым вопросом, я Вас очень прошу, если печатание книги началось или скоро начнется, присылать мне корректуры не с тем, что я буду их исправлять, это будет задержка, но мне хотелось бы иметь их.

Вы можете сначала присылать мне их сюда до 10 декабря: Загреб, Австро-Венгрия, Его Преосвященству канонику Рачки (Rački); Каптоль, 13. Потом (до 20 декабря) в Краков по адресу отца Моравского, который я позабыл, но Вы можете спросить его у о. Пирлинга. И даже после 20 декабря я могу получать корректуры, если Вы будете посылать их заказной бандеролью в С.-Петербург, Императорская Академия Наук, Его Превосходительству сенатору Безобразову.

Но раньше всего этого Вы напишете мне сюда, чтоб сообщить, что у Вас нового, дорогой мой друг и брат по духу. Я здоров, и предисловие идет хорошо. Белое аграмское вино очень действительно против геморроев и мигреней, но мой хозяин каноник приписывает ему еще качества более высокого порядка и каждый вечер, выливая мне последние капли, неизменно изрекает следующий силлогизм (или вернее сорит): qui bene bibit, bene dormit, qui bene dormit non peccat, qui non peccat vadit in coelum, ergo: qui bene bibit vadit in coelum.

Не думайте однако, что я предаюсь излишествам. Напротив, я, слава Богу, пребываю в полном душевном равновесии и спокойствии.

Представьте себе, что я встаю в 8 часов и ложусь в $12^1/_2$. Это дает мне возможность каждое утро ходить к обедне

в прекрасный готический собор, где я думаю о Вас, дорогой мой друг.

Преданный Вам *Влад.*

Дружественный привет всем общим друзьям.

8.

29 Дек. 1888. Вена. Пратер-Отель.

Брат моей души!

Конечно, я получил Ваше первое письмо в Загребе, и если я не написал Вам сколько удовольствия оно мне доставило, то потому, что у меня есть недостаток, за который (повидимому, я начинаю писать как X), за который меня часто преследовали дамы, за которыми (положительно это стиль X'а) я ухаживал, а именно (не дам я собираюсь Вам назвать, а недостаток), а именно — полнейшую неспособность находить выражения, соответствующие моим чувствам. Для мыслей и фактов я их иногда нахожу, но для движений сердца никогда. С дамами можно еще как-нибудь слова заменить жестами, но как это сделать с другом, который на берегах Сены, когда я на Саве или Дунае.

После этого предисловия перехожу к моему.

Кончил я его в Загребе, но из последнего Вашего письма я усмотрел, что спешить нечего, и взял свою рукопись в Дьяково, чтоб прочесть несколько страниц его преосвященству Mgr. Штроссмайеру, с которым я провел католическое Рождество. Он болен, состарился физически, ожесточился духом, но все так же экспансивен и красноречив.

Я очень рад, что навестил его. Бог знает увижу ли я его еще.

Но вернемся к моему предисловию, оно огромно, и чтоб не заставлять венгерских чиновников читать его, я решил отправить его отсюда. Вы его получите через неделю, а через две — письмо государю.

Спешное литературное дело, о котором я Вам телеграфировал, была полемическая статья, о которой по телеграфу просил меня редактор «Вестника Европы» для январьского № его журнала. Мне пришлось закончить ее на месте в 15 дней, и так как содержание ее не имеет прямого касательства к религиозным вопросам, я надеюсь, что статья эта сможет появиться за моей подписью или без нее.

Эта статья и мое огромное предисловие (по крайней мере, 50 печатн. страниц) заняли у меня весь месяц, который я провел в Загребе. Вы видите как Вы ошиблись, говоря о Капуе.

Вот более восьми месяцев как я нахожусь в состоянии духа, которое смущает меня, так как я положительно затрудняюсь сказать, что это — состояние благодати или состояние г-на Победоносцева. Может быть, это сделано нарочно, чтоб не возбуждать моего тщеславия, с одной стороны, и чтоб дать мне утешение — с другой.

Я прочел немало французских газет за четыре дня, которые я провел в Дьяково, и мое впечатление (может быть, ошибочное), что у вас до общих выборов никаких важных перемен не будет. Это меня успокоило относительно моего дела; тем не менее надо, чтоб моя книга появилась в течение зимы, и, ради Бога, исправляйте без стеснения третью часть.

До следующего письма, дорогой друг. Пишите в Краков по адресу о. Моравского, или до востребования. Мой сердечный привет и наилучшие пожелания к Новому Году всем нашим общим знакомым. Пишу сегодня m-lle Смирновой.

Преданный Вам *Владим. Соловьев.*

9.

Краков (без числа; вероятно, январь 1889 г.).

Несравненный друг, брат души моей и благодетель моих детей. Когда Вы прочтете эти строки, я буду уже в России. Я все надеялся послать Вам из Кракова письмо «моему племяннику». Оно уже с неделю как написано, но чтение его здесь и практические замечания, которые я услышал, убедили меня в том, что надо написать его наново. Дело слишком важное, чтобы делать его наспех. Я займусь им в С.-Петербурге с отдохнувшей головой. Если мне не удастся увидеть «моего племянника» и передать ему русскую записку, я Вам пошлю французский перевод (я нашел верное средство для этого), и Вам останется только немедленно напечатать его в l'Univers'e. Самый факт получения моего письма «племяннику» послужит Вам указанием, что все мои хлопоты не удались, и что я прибегаю к последнему средству, чтоб меня выслушали.

Скажите, пожалуйста, m-lle Смирновой, что я получил ее письма, что я очень ее благодарю и напишу ей из С.-Петербурга, что я вполне одобряю ее советы и не премину им последовать [1]).

Хранимый Провидением, я вел в Кракове жизнь рассеянную, но добродетельную. Между прочим, я увлекся одной знатной дамой чрезвычайно приятной и очень любезной ко мне, но в конце концов я заметил, что она в последнем периоде беременности.

Все же я здесь прочел кое-что. Кроме польских книг, я прочел Молина [2]) «De Concordia gratiae cum libero arbitrio» и посмертный труд кардинала Франценлина [3]) «De Ecclesia Christi». Из романов пробежал оба тома «Истории израильского народа» Ренана.

Кстати, номер l'Univers'a с Вашей статьей доставил мне большое удовольствие. Я получил его как-раз в ту минуту, когда думал о Вас с беспокойством.

Прощайте, дорогой друг. Я думаю, что первое время переписка между Парижем и С.-Петербургом будет возможна. Пишите же мне и присылайте корректуру (без возврата). Попросите m-lle Смирнову написать русский адрес.

Простите, дорогой друг, я чуть не забыл ответить на Ваш вопрос; конечно, мои цитаты текстуальны, и их надо печатать так, как Вы указываете.

Целую Вас от всего сердца. Надеюсь написать Вам еще из России. Не думаю, чтоб ранее двух месяцев со мной случилось что-либо важное.

Да благословит Вас Бог.

10.

Москва $\frac{\text{21 Февр. 89.}}{\text{5 Марта.}}$

Что Вы поделываете, брат души моей, и что делает мое бедное дитя?

Я напрасно прождал корректурные листы в Петербурге, и вот я в Москве, где хочу поработать несколько недель,

---

[1]) Ольга Смирнова, дочь Александры Смирновой. Она уже довольно давно жила в Париже, где и умерла в 1894 году.

[2]) «О согласии благодати со свободой воли».

[3]) «О Христовой Церкви».

чтоб потом вернуться на берега Невы и постараться окончить там дела, Вы знаете какие.

Если я еще беспокоюсь по поводу моей книги, то это исключительно дело нервов. Морально я убежден, что все будет сделано хорошо и во-время. Я бы только хотел иметь для некоторых моих русских друзей корректурные листы моей книги как можно раньше, в особенности предисловия и 3-ьей части. Пишите попрежнему в Петербург, Императорская Академия Наук, сенатору Безобразову, это — вернее.

Мне только-что принесли Ваше письмо с несколькими словами от m-lle Смирновой. Я согласен ждать терпеливо, лишь бы рукопись не затерялась, в особенности предисловие и 3-ья часть, другого экземпляра которых у меня нет.

Почему Вы мне ничего не пишите о Ваших счетах с Perrin [1]) и владельцем типографии (за брошюру)? Из этого я заключаю, что я Вам должен сколько-то. Скажите же мне не стесняясь сколько, а я с своей стороны обещаю Вам не стеснять себя, чтобы быть аккуратным. И чтоб доказать Вам свою бесцеремонность (которой Вы должны подражать), вот еще одно поручение. Не можете ли Вы отдать переписать (в случае новой задержки в печатании) предисловие и 3-ью часть и прислать мне их в Пбг. Напишите мне, стоит ли это сделать и сколько это будет стоить.

Спасибо и тысяча извинений. Относительно здешних моих дел я буду краток, потому что еще ничто не решено. Но в общем предвестники скорее благоприятны. Я потерял в России несколько друзей (более или менее неверных), но потеря эта более чем вознаграждена новыми, более верными, которых я приобрел в других странах. Я думаю о Вас ежедневно, брат мой любимый, и целую Вас от всего сердца.

Влад.

11.

11 (23) Июля 1889 г. Москва.

Дорогой друг и любимый брат, — что я действительно считаю Вас таковым, доказывает то, что я воздерживаюсь от выражения Вам особой благодарности за все хлопоты, которые доставила Вам моя книга. Тем не менее давно надо было написать Вам, но я не хотел делать это, пока я был под впе-

[1]) Издатель «Русской идеи».

чатлением болезненно преувеличенным, которое произвела на меня эта странная ошибка на стран. LII Введения. Если бы я не страдал, согласно компетентному диагнозу знаменитого доктора Боткина, неврозом ганглиозной системы, я бы не послал моей отчаянной телеграммы нашему превосходному другу m-lle Смирновой. Сегодня, когда мои симпатические нервы несколько поправились благодаря ртути, белладоне и т. д., я уже не преувеличиваю практического значения этого досадного erratum, и у меня остается только теоретический интерес, любопытство узнать: *как* этот интимный вопрос, очевидно обращенный к Lorin или к Вам и отнюдь не подлежавший преданию гласности, мог пройти незамеченным в четырех корректурах, чтоб занять совсем неподобающее ему место в тексте книги.

Я узнал об этом от некоего г-на Бильбасова (друга о. Пирлинга), который читал книгу и был поражен этой экстравагантной вставкой. Что касается меня, то я увидел его собственными глазами только в третьих корректурных листах, так как ни один экземпляр книги до сих пор до меня не дошел.

После двухмесячного путешествия по восточной России (по Волге и за нею) я вернулся в Петерб. через Москву совсем больной в конце июня. В обеих столицах я нашел немало писем от m-lle Смирновой и тотчас же телеграфировал ей, что все получил. Но после, читая эту корреспонденцию детально, я заметил, что в ней много раз упоминается об одном Вашем письме, которого я никогда, однако, не получал и которого мне очень жаль.

Итак, Вы видите, мой дорогой друг, что есть обстоятельства, смягчающие вину моего молчания.

В Петерб. я приехал 1) чтоб посоветоваться с доктором Боткиным и 2) чтоб докончить в Императорской Библиотеке «орудие» для второго тома моей «Теократии» (окончательную редакцию которой я только-что начал на этих днях и которая, надеюсь, будет готова для печати к концу будущей зимы). Потом я некоторое время имел намерение предпринять большое путешествие на Кавказ и далее, но отказался от этого плана, и если уеду из окрестностей Москвы, то, вероятно, только для того, чтобы поехать в Петербург.

Но вернемся к нашему *делу о раскопках*. Повидимому, я скоро буду иметь последний случай повлиять непосредственно на племянника... этого прекрасного человека, к сожалению,

являющегося жертвой дурного общества. Если мне не удастся открыть ему глаза (надежды мало), я отнюдь не отказался от намерения действовать окольным путем и на расстоянии, и в этом я рассчитываю на Вашу помощь. Только придется подождать более благоприятного случая, который бы придал делу характер более об'ективный и более интересный для означенной особы.

Возвращаясь к моей книге—я не только ее не видал, но даже ничего о ней не знаю, исключая факта ее появления. Продается ли она, была ли замечена, были ли статьи. Жду об этом известий от Вас, но предупреждаю Вас, что почти уверен, что эти известия должны иметь характер отрицательный.

Вот список мест и лиц, которым я желаю, чтобы книга была доставлена:

1. Mgr Штроссмайер, Djakovor, Австро-Венгрия.

2. Граф Войнович (Vojnovic), профессор Аграмского университета, Австро-Венгрия.

3. M-me Marie Strazewska, Краков, Австро-Венгрия (этой, если возможно, 5 или, по крайней мере, 3 экземпляра для других друзей).

4. Граф Анджело де-Губернатис (Angelo de Gubernatis), профессор университета во Флоренции, Италия.

5. Барон Фогельзанг (Vogelsang), редактор журнала «Vaterland» Lorenzgasse, Вена, Австрия.

6. Ее Импер. Высочество принцесса Вильгельмина Баденская, Карлсруэ, Германия.

7. Ее Величество королева Ольга Константиновна, дворец, Афины, Греция.

8. Ее Императ. и Королевск. Высочеству герцогине Эдинбургской, Петергофский дворец, близ С.-Петербурга, Россия.

9. Ее Импер. Высочеству вел. княгине Александре Иосифовне, Павловский дворец (возле Петерб.).

Я надеюсь, что Лорин (Lorin), Лот (Loth), Луазо (Loiseau), Леруа-Болье (Leroy-Beaulieu), отцы: Паскаль (de Pascal) и Мартынов (Martinov), Пирлинг (Pearling) давно получили свои экземпляры. Остаются только, значит, г-н Welschinger (Вельшингер) в сенате и кюре из Вирофлэ. Этим двум непременно; еще надо дать один экземпляр о. Пирлингу для m-me de Villeneuve (де-Вильнев).

Если Савин не скуп, подумайте еще о бароне d'Avril

(д'Авриль), о графе de Rougemont (де-Ружемонт) и о двух дамах, приятельницах Лорина, который им и передаст.

Если я забыл кого-нибудь, Вы мне поможете в этом случае, как раньше во многих других.

Кстати, я попрежнему ничего не знаю о моем маленьком долге типографии Дюмулен (Dumoulin) за брошюру. Или Перрин достаточно их продал, чтобы уплатить остававшиеся 190 франков? Я боюсь, что Вы уплатили их из своего кармана и хотите скрыть это от меня. Вероятно, Вы составили силлогизм в роде следующего:

Бо́льшая посылка: Соловьев всегда злоупотреблял моим временем.

Ме́ньшая посылка: Но время—деньги, согласно английской поговорке: time is money, время—деньги. Заключение: Ergo, Соловьев наверное захочет злоупотреблять моими деньгами.

На это я отвечаю:

Допускаю бо́льшую; отрицаю ме́ньшую, как софистическую; следовательно, отрицаю вывод.

Уверяю Вас, о брат моей души, что я веду очень точные счеты с моим младшим братом, который, как и Вы, помогает мне и поддерживает в моих литературных и прочих делах. Это еще не причина, чтобы брать еще у него деньги, как и у Вас также.

Пишите же мне, о половина души моей (половина моего целого положительно отсутствует), пишите же мне в Москву, наша приятельница может надписать Вам адрес.

Кончаю, чтоб опять не опоздать еще на день.

Целую Вас от всего сердца и прошу кланяться от меня Loth'y, Loiseau и всем друзьям, которых Вы увидите.

Преданный Вам

Влад. Соловьев.

12.

(Без числа из Петербурга, 1894 г.; вероятно, в начале апреля).

Ангел неоценимый и брат моей души, пользуюсь благоприятным случаем, чтоб «навести Вас на след». Мой друг, m-r Cavos, полу-итальянец франко-русский и превосходный человек во всех отношениях, взялся доставить Вам это письмо, которое я бы не хотел доверить почте.

Дело идет о важном движении между русскими диссидентами (которых считают протестантами и рационалистами, но которые в действительности не таковы) *к кафоличеству* (я еще не говорю *католицизму*). Они, между прочим, стоят за законную иерархию, т.-е. обладающую апостольскою преемственностью.

Так как нет никакой практической возможности получить желаемое из восточного источника, следовательно...

Второе предположение — единственное остающееся — было бы тем более желательно, что оно к преимуществу законности присоединило бы правильность. Вы понимаете какое личное впечатление производят на меня эти новые горизонты, открывшиеся так неожиданно.

Я увидел, что я приготовил себе за эти последние двенадцать лет (не думая об этом и не предвидя) роль практическую и неизбежную, что я не ошибся и что я работал не напрасно даже с точки зрения чисто-практической. Дело идет уже не о том только, чтобы «бросать семена добрые», но подготовить и привести в исполнение исторический акт совершенно определенного характера и неисчислимой важности.

Не могу сообщить Вам сейчас подробностей. Осенью Вы получите более точные сведения, устные, я надеюсь. Прошу Вас никому не сообщать содержания этого письма, исключая Лорин и Менар, а также Вашей превосходной супруги, которая, как мне кажется, лишена некоторых слабостей своего пола.

Надеюсь в скорости выслать Вам рукопись, сильно исправленную, моего доклада под названием: «Несколько мыслей о нашем будущем по поводу франко-русской дружбы».

Я бы очень хотел, чтобы с Вашей помощью г. Кавос узнал бы что-нибудь о судьбе бумаг, оставленных нашей покойной приятельницей [1]) на мое имя, как писал мне Онегин [2]).

Тысяча приветствий Декэру [3]) и Вашей превосходной жене. Целую Лорина и Менара. Целую Вас от всего сердца.

Ваш *В. С.*

---

[1]) Ольга Смирнова.

[2]) Онегин — основатель Пушкинского музея в Париже — уведомил Вл. Соловьева, что из оставленных в большом количестве Ольгой Смирновой бумаг, часть завещана ему.

[3]) Мой тесть.

Я чувствую себя недурно и работаю явно над маленькими вещами, а тайно — над крупными.

13.

Май-Июнь. 96. Царское-Село.

Dimidium animae meae, любимейший и превосходнейший из всех Евгениев. Право, Ваше письмо было для меня большой радостью: оно перенесло меня в мир приятных воспоминаний, смешанных с еще более приятными предчувствиями. Я страдаю космополитической ностальгией. Патриотизм не мешает мне быть стесненным границами. Вот почему я так люблю море, у которого его нет.

Надо, однако, об'яснить Вам медленность моего ответа и неудовлетворительность моего письма.

Помимо забот, которых нельзя сообщить по почте, и случайных литературных работ, у меня есть два ежедневных труда, которые поглощают меня, может быть, более, чем бы следовало.

1) Я издаю толстый том по нравственной философии, за которым будут следовать два такие же по метафизике и эстетике; первая половина уже печатается, тогда как последние главы in statu nascendi (в состоянии зарождения).

2) Я редактирую философский и отчасти богословский отделы огромной русской энциклопедии (буквы А — Л), которая вышла в 35 томах; две тысячи печатных листов, 32 тысячи страниц; большая часть статей моего отдела написана мною, а буква М, до которой мы дошли,—буква адская.

Материя, материализм, манихеизм, метафизика, мистика, мораль, монизм, монотеизм, монофизиты, монофениты, мандеяне.

Маймонид, Малебранш, Милль и куча русских выражений, от которых я Вас избавляю.

Теперь я пользуюсь двумя или тремя днями более свободными между Малебранш и материей, чтоб дать Вам весьма неполный ответ.

Об англо-романском движении я уже знал кое-что из «La Quinzaine», который мне иногда присылают. Я нахожу это движение не только чрезвычайно желательным в самом себе, но еще весьма своевременным в момент, когда некоторая часть Right Reverends начинает делать глазки в сторону Северо-Востока; эти платонически прелюбодейные за-

игрывания не могут иметь другого результата, как только надоесть добрым и поощрить злых; благодаря англо-романскому движению такого печального результата не получится.

Вы знаете, что по моему мнению, пока христианские народы Востока находятся в том состоянии, в котором они есть, всякий внешний успех их был бы несчастьем для дела христианства всемирного и, следовательно, для истинных интересов всякой христианской страны, в том числе для России и Франции. И наоборот, при настоящем положении вещей все, что является успехом для западных христиан в смысле их об'единения, будет счастьем для всех.

Что касается Вашей просьбы сообщить Вам данные для статьи, касающейся моей скромной особы, я должен по причинам, о которых Вы, может быть, догадаетесь, ограничиться кратким изложением моих религиозных взглядов. Если нижеследующие заметки не нужны для означенной статьи, все же примите их как дружественное из'явление.

Для начала начинаю с конца. Respice finem. На этот счет есть только три истины, засвидетельствованные словом Божьим.

1. Евангелие будет проповедано на всей земле, т.-е. Истина будет предложена всему человеческому роду или всем народам.

2. Сын человеческий найдет мало веры на земле, т.-е. истинно верующие составят под конец только незначительное по численности меньшинство, бо́льшая же часть человечества последует за антихристом.

3. Тем не менее после краткой и ожесточенной борьбы поборники зла будут побеждены, и меньшинство истинно-верующих одержит окончательную победу.

Из этих трех истин, столь же простых как и неоспоримых для каждого верующего, я вывожу весь план христианской политики.

И прежде всего проповедывание евангелия по всей земле по причине того эсхатологического значения его, которое вызвало особое упоминание о нем самого Спасителя, не может быть ограничено таким внешним действием, как распространение библии или молитвенников и проповедей среди негров и папуасов. Это только средства для настоящей цели, которая состоит в том, чтобы поставить человечество перед дилемой: принять или отвергнуть истину, познав ее, т.-е. истину, правильно изложенную и хорошо понятную.

Потому что очевидно, что факт истины, принятой или отвергнутой по недоразумению, не может решать судьбу разумного существа. Дело идет, следовательно, о том, чтоб устранить не только материальное неведение прошлого откровения, но также формальное неведение вечных истин, т.-е. устранить все духовные заблуждения, которые в настоящее время мешают людям правильно понимать открытую нам истину. Надо, чтобы вопрос быть или не быть истинно-верующим не зависел бы от второстепенных обстоятельств и случайных условий, но чтобы он был сведен к такой окончательной и безусловной форме выражения, чтоб он мог быть разрешен чистым и волевым актом или определенным решением каждого самого за себя, абсолютно моральным или абсолютно имморальным.

Теперь Вы согласитесь, без сомнения, что христианское учение в настоящее время не достигло желаемого состояния и что оно еще может быть отвергнуто верующими из-за настоящих теоретических недоразумений. Дело, значит, идет:

1) Об общем установлении христианской философии, без чего проповедывание евангелия не может быть осуществлено.

2) Если несомненно, что истина будет окончательно принята только более или менее гонимым меньшинством, надо раз навсегда отказаться от идеи могущества и внешнего величия теократии, как прямой и немедленной цели христианской политики. Цель ее — справедливость, слава же есть следствие, которое придет само собой.

Наконец уверенность в окончательной победе для меньшинства истинно-верующих не должна вести нас к пассивному ожиданию. Эта победа не может быть простым и чистым чудом, абсолютным актом божественного всемогущества Иисуса Христа, ибо в таком случае вся история христианства была бы излишней. Очевидно, что Иисус Христос, чтоб восторжествовать истинно и разумно над антихристом, нуждается в нашем сотрудничестве; и так как истинно-верующие и есть и будут только меньшинством, они должны тем более удовлетворять условиям своей качественной и внутренней силы; первое из этих условий, это — единство нравственное и религиозное, которое не может быть установлено произвольно, но должно иметь законную и традиционную основу; это — обязанность, налагаемая благочестием. И так как в христианском мире есть только один центр единства законного и традиционного, — следовательно, все истинно-

верующие должны об'единиться вокруг него, что тем легче следать, что он не обладает более внешней принудительной властью, так что каждый может примкнуть к нему в той мере, какую указывает ему совесть. Я знаю, что есть священники и монахи, которые думают иначе и требуют подчинения церковной власти без ограничений, как Богу. Это — заблуждение, которое придется назвать ересью, когда оно будет ясно формулировано. Надо быть готовым к тому, что девяносто девять священников и монахов из ста об'явят себя за антихриста. Это их полное право и их дело.

О волке речь, а он навстречь (Quand on parle du loup, on en voit la queue). Мне пришлось прервать это письмо, чтоб получить другое от одного галицийского монаха, который хочет во что бы то ни стало навязать мне догмат.... смертной казни. Повидимому, это самый важный пункт его «христианского учения». Хотя он принадлежит австрийской Галиции, а не испанской, письмо его напомнило мне, что есть испанцы, которые называют себя испанцами и которые совсем не настоящие испанцы.

Возвращаясь к нашим собственным делам, как надо действовать для настоящей концентрации христианства?

Я думаю, что прежде всего надо быть проникнутым духом Христа в степени достаточной, чтоб иметь возможность по совести сказать, что такое или такое-то дело или предприятие есть действительное сотрудничество с Иисусом Христом. Это окончательный критерий. Что касается практической и чисто человеческой стороны дела, ее изложение (поскольку это касается России) при данных условиях не годится ни для прессы, ни даже для почты.

Мы поговорили об этом в Париже. Когда? Я положительно начинаю думать, что 5 число действительно роковое для поездки во Францию, и что я приеду в 1898 г.

О, сколько нам нужно будет сказать друг другу! А пока что, почему Вы ничего мне не пишите о Вашей частной жизни? Здоров ли Ваш тесть? Прошу Вас передать от меня г-же Тавернье самые сердечные приветствия. Если есть в Париже друзья, которые помнят обо мне (что было бы доказательством очень хорошей памяти и великодушного сердца, в виду моего абсолютного молчания), поцелуйте их за меня, Вас целую тысячу раз, мой бесподобный друг.

Весь Ваш

Владимир Соловьев.

14.

14 Мая / 9 Июня 1897.

Amice carissime, dimidium animae mae!

Вы достаточно меня знаете, чтобы сердиться на меня за мое слишком продолжительное молчание. В 44 года не меняют привычек (исключая привычки, вовлекающей в смертный грех). Я надеюсь также, что Вы поверите, что я часто думал о Вас при моих лучших мыслях и что меня очень тронула посылка, переданная мне от Вас Стасюлевичем. Ваши успехи в русском языке очень меня порадовали, и если я Вам еще не послал моего толстого тома по нравственной философии, так только потому, что я собираюсь выпустить второе издание пересмотренное и исправленное, следовательно, более достойное Вашего внимания. Эта книга навлекла на меня в русской прессе величайшую ругань и величайшие похвалы, какие я когда-либо слышал.

Чтобы быть справедливым, я должен сказать, что похвалы исходили от писателей специалистов по философии, чего нельзя сказать о других.

Я хочу посмешить Вас, дорогой друг. Ровно год тому назад Вы просили у меня краткие автобиографические сведения для словаря Ваперо. Вот эти сведения [1]), для составления которых потребовалось немало времени.

---

[1]) АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

(составленные Владимиром Соловьевым и упомянутые выше):

«Владимир Сергеевич Соловьев родился в Москве в январе 1853 г.; сын русского историка Сергея Михайловича Соловьева, внук духовного лица со стороны отца и адмирала со стороны матери; учился в гимназии, потом в Московском университете (факультет естественных наук) и в Духовной академии св. Сергия (под Москвой); получил степень магистра и доктора философии в Петербургском университете; был профессором философии в Московском университете (1875—1876) и в Петербургском (1880—1882). Главные произведения, изданные в России: «Кризис западной философии» (1874); «Критика отвлеченных начал» (1880); «Религиозные основы жизни» (3-ье изд. в 1897); «Национальный вопрос в России» (3-ье изд. в 1891); «Великий спор и христианская политика» (1883); Сборник стихотворений (2-ое изд. (1891); «Право и нравственность» (1897); «Оправдание добра или нравственная философия» (1897). Одно произведение (на русском яз.) об «Истории и будущем теократии» было напечатано в Загребе

Вычеркните, пожалуйста, что найдете в них лишнего.

Когда я приеду во Францию? Это очень странно, но я, повидимому, никак не могу нарушить закон пятилетия: 1888, 1893, 1898. Раньше этого рокового срока нет никакой вероятности путешествия за границу (ибо решительно нет ни времени, ни денег).

Что касается 1898 г., это верно, насколько могут быть верны дела человеческие. Я страшно жажду Океана и Запада, первого — физически и наследственно, второго — морально и индивидуально, и уверяю Вас, что главная побудительная причина — поцеловать кого-то, живущего Bellechasse 64.

Сердечно кланяюсь m-de. Тавернье и Вашему тестю.

Преданный Вам

Влад. Соловьев.

Если увидите Лорин, обнимите его сердечно от меня, также и Менара. Если увидите Huret [1]), поблагодарите его за его книгу, которой я еще не видал, но про которую слышал здесь.

15.

Январь 1898. — Петербург.

Вот, наконец, о возлюбленный брат души моей, пксьмо, обещанное Вам из Москвы уже дней 40 тому назад. Я не извиняюсь за это опоздание, потому что оно не зависит ни от моей лености писать письма, ни от усиленных занятий, которые так легко отложить на 2—3 часа. Но, принимаясь писать лучшему из французов, я не мог молчать об очень тягостных делах, касающихся общественного блага, а не хотел говорить об этом в момент Вашего семейного горя, о котором Вы мне сообщили так, что оно тронуло меня до глубины души и вызвало слезы на глаза.

в Австро-Венгрии (1887); на французском языке в Париже: «Русская идея» (1888) и «Россия и Вселенская Церковь» (1889).

С 1891 Соловьев принимает участие в большой русской энциклопедии Брокгауза и Ефрона, как главный редактор философского отдела».

[1]) Автор интеллектуальной и моральной анкеты, произведенной в разных странах.

Однако же надо было решиться. Вы понимаете, что под тягостными делами я подразумеваю, главным образом, возбуждение антисемитизма, воплощенного в скандале Дрейфуса. Я не хочу входить в подробности фактов, неважных самих по себе, даже если бы они были безусловно верны. Но вот что важно. Я прочел слова Вашего министра иностранных дел, об'явившего, что лучше погубить двадцать невинных, чем нанести удар национальному учреждению. Личное мнение г-на Ганото не имело бы значения, но он, очевидно, говорил не как частное лицо, но «будучи жрецом на этот год», и, повидимому, бо́льшая часть французской публики подтвердила его слова [1]).

Однако всякое учреждение национальное или другое, требующее для своей защиты или сохранения обвинения хотя бы одного невинного, не имеет права существовать даже один день и неминуемо должно погибнуть, если есть на свете Провидение. Я очень далек от мысли отожествлять Францию с большинством данного момента, и я уверен, что Ваша родина выйдет здравой и невредимой из этого морального кризиса, но мне кажется невозможным, чтобы это произошло спокойно, без больших катастроф.

И хотя разум доказывает мне, что все, что случается, случается для величайшего блага, мое чувство возмущено.

Я не буду настаивать на печальной стороне моих предвидений, но вот их хорошая сторона. Замечено, что когда Франция, которая всегда во главе человечества, вступает на неверный путь, она идет по нем дальше всех других наций, первая доходит до абсурда в данном направлении и покидает его окончательно раньше всех. Ложный путь, о котором сейчас идет речь, это — псевдопатриотизм, который ставит родину на место Бога (тогда как настоящий патриотизм, чтобы иметь возможность поклоняться родине, хочет сначала сое-

---

[1]) Слова, приписываемые здесь г-ну Ганото и о которых рассуждает Владимир Соловьев, одно из многочисленных изречений абсолютно неточных, которые циркулировали везде во время дела Дрейфуса и после него. Владим. Солов., как и многие другие выдающиеся лица, был плохо осведомлен.

Недавно мне захотелось проверить инкриминируемый текст. Я нигде никакого следа о нем не нашел. Затем я прямо обратился к бывшему министру иностранных дел Французской республики. Из об'яснения, любезно данного мне г-м Ганото, выяснилось, что он никогда не произносил этой фразы и ничего не говорил такого, что могло бы дать повод приписать ему такую мысль.

динить ее с Богом). Я думаю, что кульминационный пункт вами уже достигнут, и что г. Ганото сказал последнее слово ложного патриотизма, который найдет свою погибель во Франции, как это уже случилось с ложным монархизмом, который вы навсегда свергли, вознеся его сначала сверх меры.

Надо желать и можно надеяться, что на этот раз желанный результат обойдется вам не так дорого. Но небо не безоблачно, и я отсюда вижу nave senza nocchiero in gran tempeste [1]).

Я хотел еще поговорить с Вами об антисемитизме и о лукавстве дьявола, но откладываю эти сложные темы до желанного момента нашей встречи в Париже: декабрь 1898.

Кстати о дьяволе: Вы спрашиваете меня, что я думаю о книге г-на Победоносцева.

Я бы мог Вам сказать, что я вовсе о ней не думаю, как господин в Вашем анекдоте (помните, в отеле Vouillemont) не думал о прелюбодействии, потому что интерес его начинался только с кровосмешения. Мой интерес к г-ну П-ву начинается только с его действий и поступков более или менее инфернальных, вне литературы. Тем не менее, я книжку пробежал, и вот мое впечатление вкратце. Книга может быть разделена на три неравные части: 1) лучшая, содержит как признанные, так и непризнанные переводы авторов английских, американских, французских и даже одного немецкого еврея (Макса Нордау, источник непризнанный); 2) длинные страницы, извлеченные из старых русских славянофилов, о которых, чтобы скрыть плагиат, автор в одном месте книги отзывается с презрением; 3) наименее рекомендуемая содержит личные размышления автора, которые дышат «буддизмом» старых маленьких людишек, у которых вера слаба, а печень больная и которые жалуются не умолкая, что все на свете плохо, что кофе повышается в цене, а рента падает, что дети не слушают своих родителей, и т. д.

Язык книги правильный и изящный, не лишенный даже некоторого блеска в строках, списанных с Ивана Аксакова.

Поговорим о другом. Вы, может быть, удивляетесь, что я не прислал Вам моей книги *о нравственности.*

---

[1]) Корабль без кормила в великую бурю.

Дело в том, что я готовлю новое издание, просмотренное и дополненное, которое будет более достойно быть Вам поднесено, а тем временем Ваше знание русского языка, и теперь уже весьма замечательное, сделает новые успехи, что позволит Вам читать меня без малейшего усилия, а следовательно, без скуки. Я вовсе не хотел бы видеть Вас в числе людей, которым я доставлял затруднения и огорчения.

Я напечатал первую главу моей метафизики в журнале и надеюсь окончить книгу в 15 месяцев. Кроме того, я очень занят Платоном, которого я задумал перевести целиком. Покончив с метафизикой, Платоном, эстетикой (наполовину доконченной), книжкой о русской поэзии (окончен. на $^3/_4$) и историей философии (для которой я использую мои статьи в энциклопедии), я сосредоточусь всецело на библии, которая от Бытия до Апокалипсиса является чудесной рамкой для всего, что может впредь меня интересовать. Я еще не знаю, примет ли мой окончательный труд форму нового перевода с длинными комментариями или это будет система исторической философии, основанной на фактах и духе библии.

Вот что я рассчитываю сделать с Божьей помощью в будущем; с Вами, мой превосходный друг, моя откровенность безгранична, и я скажу Вам, что убежден, что выход в свет моего библейского труда должен предшествовать соединению церквей сначала между собой, а потом с синагогой, и пришествию антихриста.

Итак, несмотря на приближающуюся старость (в будущую пятницу мне будет 45 лет) и всякого рода затруднения и немощи, я совершенно спокоен духом, тем более, что в случае моего заблуждения оно коснется только моей личной роли, ничего не меняя в моих религиозных чувствах.

Вот как я далек от действительности. Чтоб вернуться к ней, я хочу Вам сообщить о маленьком проекте в конце этого года.

Если обстоятельства у вас это позволят, я намерен издать в Париже две маленькие книги: краткое изложение моей нравственной философии и этюд о Платоне: «Драма Платона» (т.-е. драма его жизни).

Что Вы об этом скажете? Но я Вас прошу ни с кем, кроме меня, об этом не говорить и в особенности не проговориться превосходному X, который при всех его достоинствах не внушает мне большого доверия.

Ах, как я хотел бы Вас видеть. Я много думал о Вас и о Вашей жене все это время.

Прошу Вас передать ей мои чувства истинной симпатии и глубокого уважения.

Если увидите в Париже друзей, которые помнят меня, пожалуйста, кланяйтесь им сердечно от меня.

Пишите попрежнему: «Вестник Европы», Галерная, 20, Петербург.

Целую Вас в душе моей, где Вы постоянно пребываете, дорогой мой брат.

Владимир Соловьев.

А. А. ФЕТУ.

1 [1]).

(1892).

Дорогой и до бесконечности любезный Афанасий Афанасьевич! [2])

На крыльях души ежедневно летаю в Воробьёвку; надеюсь, почти уверен, что приеду и на паре (не своих, а локомотивном), но боюсь, что к 22 не поспею. Дух бодр, плоть немощна.

Строго говоря, я уже умер, на что имею даже доказательство. Вот эпитафия, высеченная (вопреки закону, избавляющему женский род от телесных наказаний) на моем могильном камне.

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом, и т. д. [3])

Убедившись в моей духовной смерти, Вы, может быть, пожелаете узнать о моей телесной жизни, на это я также имею стихотворный документ:

Душный город стал несносен,
Взявши сак-вояж.... и т. д. [4])

Я одержим, как видите, стихоблудием, за последнее время я сочинил 36 стихотворений. В следующем первая строфа

---

[1]) «Русск. Обозр.» 1901, I, 104.

[2]) Письмо относится к 1892 г., судя по стихотворениям, приведенным в нем.

[3]) Отпечатано в первом томе «Писем», стр. 198.

[4]) Отпечатано в настоящем томе, стр. 58.

постольку хороша, поскольку пахнет Фетом. Вторая от собственных усталых мозгов — слабая.

Нет вопросов давно, и не нужно речей [1]),
Я стремлюсь к тебе словно к морю ручей, и т. д.

А вот еще:

Тесно сердце твое для меня [2]),
А разбить его было б мне жаль, и т. д.

Но не песням и сказкам, а мне, очевидно, пора замолчать. Если не 22, то в августе очень хочу и надеюсь быть у Вас. Целую ручки Марии Петровне. Кланяюсь сердечно Катерине Владимировне и Юрию Николаевичу, если он еще у Вас.

Истинно Вас уважающий и душевно преданный

В. Соловьев.

2 [3]).

Тысячу раз собирался писать Вам, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот в тысячу первый приписываю. Часто соединившись с Вами в духе, ругал иссушителей нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение средне-азиатских пустынь. Надеюсь однако, что Воробьёвка останется в числе немногих оазисов. А я все сижу над пустынею византийского богословия или многословия, которое наглядно доказывает, что и сухое может быть водянистым. — В «Русском Вестнике», не предупредивши меня, напечатали «Гафиза», так что я не успел послать Вам на просмотр в рукописи. Не просмотрите ли в печати. Грехи стихосложения я, кажется, все исправил. — Напишите мне, пожалуйста (по адресу Ник. Ник.). Сердечно кланяюсь Марии Петровне, которой хотел телеграфировать 22, но побоялся Вас рассердить.

Душевно преданный Вам

Влад. Соловьев.

---

[1]) См. Стихотворения, изд. 3-ье, СПб. 1900, стр. 27.

[2]) См. Стихотворения Вл. Соловьева. СПб. 1900, стр. 28; в печатном тексте первая строка читается: Тесно сердце, я вижу, твое для меня, и т. д.

[3]) Приписка Вл. С. Соловьева на письме Н. Н. Страхова А. А. Фету от 27 июля 1885 г. из СПб. (Автограф хранится в Пушкинском доме при Российской Академии Наук).

3 [1]).

Относительно Шопенгауэровского комитета, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, оба коринфянина согласны с Вами, что сие неосуществимо. Если же Вы устроите неофициальный сбор в Москве, то я по приезде туда приму в оном участие своим дырявым карманом, а также карманом двух—трех друзей. Я лично отдам «цену беззакония», а именно, гонорар за две статьи и никуда негодные стихотворения, которые у меня взял Берг в свою ниву. Через месяц с небольшим надеюсь обнять Вас. На Юг не еду. Сердечно кланяюсь Марии Петровне.

Преданный Вам
Влад. Соловьев.

Что ж Вы меня не поблагодарите за «бесов», которых вы и знать не хотели?

4 [2]).

Не удивляйтесь и не порицайте меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за упорный коллективизм сих посланий. Это есть хороший способ ускорения движения для таких медлителей, как мы с Н. Н. — Я говорю ему: когда же Вы напишете Афанасию Афанасьевичу. Я бы приписал. — А он написавши дает мне листок, говоря: припишите поскорей, я сегодня и в ящик опущу. — Стихи Ваши читал и восхвалял, особенно второе. Сам я упражняюсь в греко-латино-русской прозе:

Зову властительные тени
И их читаю письмена.

Это Ваши стихи в эпиграф к моей прозе. — Сегодня или точнее сею ночью здесь свирепствовала буря, способная, по выражению одного писателя, вырвать рога у несчастнейшего из супругов. По поводу рогов: хоть я и не могу их иметь, тем не менее пытаюсь бодать Каткова в «Руси» за его отрицание философии и унижение религии, а главное за непрактичность его консервативного доктринёрства. Видите, я поверил Вашему убеждению в моей практичности.

---

[1]) Тоже на письме от 21 августа 1885 г. из СПб. (Автограф там же).
[2]) Тоже на письме от 17 сентября 1885 г. из СПб. (Автограф там же).

Сегодня собираюсь в Пустыньку на неделю, обработать кое-что касательно моей idée fixe, именно обзор полемики по вопросу о соединении Церквей. А там по малом времени — и в Москву, под родной и дружественный кров на Пречистенке и Плющихе. Очень кланяюсь Марии Петровне и обнимаю Вас. До скорого свидания.

В. В. *Влад. Соловьев.*

5 [1]).

Сейчас был обрадован Вашим письмом, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. А я все-таки еду в Воробьёвку. В среду 15-го отправляюсь в Красный Рог на несколько дней, а оттуда к вам также на несколько дней. Итак, до скорого свидания. Целую руки Марии Петровне. Кланяюсь Екатерине Владимировне.

В. В. *Влад. Соловьев.*

П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ [2]).

1.

7 Августа 75 г.

Вероятно, одновременно с этим письмом, многоуважаемый Петр Алексеевич [3]), Вы получите статью об «Ирвингизме», принадлежащую дьячку здешней русской церкви, магистру богословия Орлову. Я не читал статьи, но знаю, что он изучал предмет по источникам и близко знаком с теперешней ирвингитской церковью. Предмет же, по моему мнению, довольно интересен, так как ирвингизм представляет крайнее проведение одной из главных сторон протестантского принципа. Поэтому не можете ли Вы поместить статью в «Православном Обозр.»?

Что касается до меня самого, то при всем моем желании услужить Вам — не могу обещать ничего. Впрочем, Вы не в праве на меня за это обижаться, так как я вообще теперь

---

[1]) Тоже на письме от 13 августа 1890 г. из Москвы. (Автограф там же).

[2]) Эти письма извлечены из журнала «Мысль и Слова», II, 1. Москва, 1918—1921.

[3]) Священник Петр Алексеевич Преображенский (1828—93) — один из основателей журнала «Православное Обозрение»; письма Вл. Соловьева относятся к тому времени, когда Преображенский был редактором-издателем «Обозрения».

воздерживаюсь от всякой журнальной работы, и ответ мой Кавелину будет моей последней журнальной статьей. Дело в том, что я теперь занят очень большим и, если не обманываюсь, важным трудом, который требует напряжения всех моих сил и не позволяет отвлекаться ни для чего другого.

Устроился я в Лондоне довольно порядочно, пользуюсь лучшим учреждением в мире — Британским музеем и чувствую себя хорошо.

Будьте здоровы, очень был бы рад получить от Вас известие. С истинным уважением преданный Вам

Вл. Соловьев.

39, Great Russel Street W. C. London (opposite the British Museum).

2.

СПБ. 10 Марта 78.

Многоуважаемый Петр Алексеевич! Вчера я имел удовольствие слышать вторую статью М. И. Каринского о явлении и действительности. Статья превосходна во всех отношениях, и было бы желательно видеть ее поскорее напечатанною. Поэтому, если есть какая-нибудь возможность напечатать первую в мартовской книжке (вместо моей второй лекции, которую вместе с третьей придется поместить в апрель), то я со своей стороны усердно прошу Вас об этом.

Мое шестое чтение вследствие одержавшей меня зубной боли было ужасно, но, к удивлению моему, не отбило публику, и сегодня я имел возможность поправиться.

Профессор Вагнер просит позволения перепечатать в журн. «Свет» из «Православного Обозрения» одну или две лекции по его выбору. Предоставляю Вам решение по сему пункту. Напишите мне об этом, а также и о том, не встретились ли цензурные затруднения с первою лекцией.

Извините, что рукопись была в таком ужасном виде, но я на Вас полагаюсь как на столь же хорошего корректора, как и редактора.

Будьте здоровы. Если не сожгут меня за ересь, в первых числах апреля увидимся. Истинно Вас уважающий

Влад. Соловьев.

3.

27 Окт. 78, Петерб.

Многоуважаемый Петр Алексеевич!

Я с удовольствием готов сделать об'яснительное примечание ко второй половине чтений; изменять же текст не считаю возможным. Впрочем, прежде чем принять какое-нибудь решение, поговорю с вел. кн. Конст. Ник., с Васильевым и другими. О результате напишу Вам, а может быть и сам скоро приеду в Москву.

Передайте мой сердечный поклон Алекс. Мих. [1]). Будьте здоровы.

Вл. Сол.

4.

(1881 г. между апрелем и сентябрем).

Многоуважаемый Петр Алексеевич! Вот Вам, наконец, окончание «Чтений о богочеловечестве». Этим кончиком я доволен гораздо больше, чем всем предыдущим; и во всяком случае это есть лучшее из всего мною написанного до сих пор. Поэтому рекомендую это свое порождение Вашему особенному вниманию и прошу напечатать его в ближайшей книжке «Православного Обозрения» (не разделяя). Того, что я читал три года тому назад о «последних вещах», я решил совсем не касаться, ибо это завело бы слишком далеко. Думаю, так кончить будет лучше.

Сегодня я уезжаю обратно в Черниговскую губернию, где жил с апреля месяца, приезжая в Москву только на несколько дней. Жалею очень, что не застал Вас. До свидания в сентябре.

Влад. Соловьев.

5.

(Октябрь, 1885 г.).

Многоуважаемый Петр Алексеевич! Я оканчиваю переписывать свой обзор полемики о соединении Церквей; вышло подробнее, чем я думал, и кажется не безынтересно. Если возможно, оставьте место в ноябрьской книжке,—к 10 числу я непременно доставлю. А если уж поздно, то в декабрьскую нужно непременно, а для нового года я Вам другое приго-

[1]) Иванцову-Платонову.

товлю. Если готовы оттиски 2 статей («Первон. судьбы теокр.» и о «Церкви»), то доставьте их, пожалуйста. До свиданья.

Душевно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

6.

(Март, 1886 г.).

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич, на будущей неделе посылаю Вам большой (листов около 5) отрывок из своей книги под заглавием «Теократия праотцов». Он уже был давно мною написан, но я давал ему время вылежаться, а теперь обчищаю. Покорнейше прошу Вас прислать мне сто рублей, мне крайне нужно — и чем скорее, тем лучше. Пошлите на имя моей невестки по следующему адресу: Петербург, Спасская, 6 (угол Надеждинской), Ее Всбл. Ольге Осиповне Соловьевой.

Я последние месяцы усердно занимаюсь еврейским языком, что отчасти было причиной замедления статей «Реформация в Германии». Тем не менее надеюсь вручить их Вам не позже лета так же, как и два еще открывка из книги, а именно «Теократия закона Моисеева» и «Теократия дома Давидова», — а может быть, и больше двух, если только (Св. Ив.[1]) не будет слишком сердит.

К концу Святой полагаю приехать в Москву на несколько дней перед от'ездом за границу, откуда надеюсь вернуться к июлю.

Что, был ли какой-нибудь ответ на «Догм. разв.» в «Вере и раз.»? — Здесь 250 экз. моей книжки разошлись сразу, и я послал еще за сотней в Москву.

Будьте здоровы. До свиданья.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

7.

10 Апр. 1886 г.

Благодарю Вас, глубокоуважаемый Петр Алексеевич, за скорый ответ и присылку. Вот Вам начало моей статьи, а конец привезу сам.—Перевод *Διδαχή* был, вероятно, задержан болезнью брата, который страдает образованием камней в почках и этою зимой имел несколько жестоких припадков.

---

[1]) Прот. Степан Иванович Зернов, бывший тогда духовным цензором.

Насколько я знаю А. А. Киреева, я полагаю, что фраза о «доверителях» есть только неудачная фигура речи, а не намеренная клевета, на каковую, я уверен, он не способен. Что касается вообще его статьи, то вот Вам, если угодно, мое мнение:

1) Так как Вы находите, что его ответ более пространен, нежели серьёзен, и к тому же заключает в себе фразы, которые могут быть поняты в смысле предосудительном для вашего давнишнего и постоянного сотрудника, то предложите А. А. К-ву сократить статью и выпустить все сомнительные выражения. Это будет тем справедливее, что и мои статьи иногда подвергались цензурным, а иногда (в «Руси») и редакторским урезкам. Если он согласится, тогда у Вас не будет особенных препятствий к напечатанию, а не согласится—будет достаточное основание возвратить ему статью.

2) Вы можете ему сказать, что во всяком случае предоставляете мне, Соловьеву, то право, которым пользовались мои оппоненты в «Изв. Слав. общ.», в «Руси» и в «Вере и разуме», а именно, что Вы мне покажете статью Киреева в рукописи, дабы, если понадобится, я сделал тут же свои возражения.

Впрочем, как бы Вы ни поступили в этом и других подобных случаях, знайте, что я сердиться не буду, и верьте в неизменность моей дружеской приязни и душевной преданности, с каковыми остаюсь

Ваш *В. Соловьев.*

Забыл два известия: 1) Я вступил в наилучшие отношения с здешней Академией в лице инспектора о. архимандрита Антония[1]) и других молодых монахов.

2) Ответ мне, написанный Стояновым, задерживается преосвящ. Амвросием, который находит его слабым и вообще очень сердится на всю эту историю.

8.

(1886, напис. на пасхальн. неделе; Пасха в 86 г. была 13 апр.).

Христос Воскресе!

Только что я отправил Вам, глубокоуважаемый Петр Алексеевич, на прошлой неделе свою рукопись и письмо на-

[1]) Впоследствии епископ Волынский.

счет А. А. Киреева, как в тот же день увидался с ним неожиданно у его сестры О. А. Новиковой. Он говорил мне как-раз в смысле моего письма к Вам, и я с удовольствием увидел, что Вы сами уже решили так, как я Вам писал; а именно К-в сообщил мне, что сомнительная фраза исключена, что Вы дадите мне его статью на предварительное прочтение, и даже предложил мне от себя списываться с ним относительно всех мест в статье, которые мне покажутся почему-нибудь неудобными. — Я, разумеется, воспользуюсь этим сообща с Вами, и при таких условиях напечатание его ответа не будет, мне кажется, представлять никаких затруднений.

Вторая (бо́льшая) половина моей статьи переписывается во время моего отсутствия из Петербурга, и если меня самого что-нибудь задержит, то будет Вам выслана по почте. Во всяком случае в конце месяца думаю увидеться с Вами в Москве. Завтра беру уже здесь заграничный паспорт.

Будьте здоровы. Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

9.

(1886).

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич!

Наконец я еду и везу с собою всех патриархов с лестницей Иаковлевой включительно. Переписчик задержал, а теперь уж посылать не стоит, когда сам на-днях буду в Москве. Если Вы уже переезжаете в Пушкино, и я Вас не увижу (ибо пробуду в Москве недолго—заграничный паспорт уж в кармане), то потрудитесь, пожалуйста, распорядиться, чтобы я мог просмотреть статью Киреева. — Я его здесь видел еще раз. Он хороший человек, но с большими странностями.

Будьте здоровы. Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

10.

Гапсаль, 5 Июня (1886).

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич!

Посылаю Вам (в редакцию) целый трактатец об *Διδαχή*. Не найдете ли возможным сообщить корректуру Александру Михайловичу. В том же заказном письме посылаю предисловие ко второму изданию «Догмат. разв.» и экземпляр самой брошюры с изменениями и дополнениями. Покончивши эти

два дела, выезжаю за границу — морем на Данциг, а оттуда железной дорогой через Познань, Бреславль, Вену в Загреб.

Вы, может быть, слышали о постигшем меня злоключении — похищении 500 р. из бумажника. Сначала я не знал что делать, но потом удалось занять почти столько же, так что я обеспечен до возвращения из за границы.

В предисловии к «Догм. разв.» я говорю о статье Киреева, как о напечатанной. Если она не будет напечатана, тогда сообщите мне, чтобы сделать соответствующие изменения.

Последние дни моего пребывания в Москве, кроме личной неприятности по случаю украденных денег, я был занят еще другою неприятною историей, которая, впрочем, как я сейчас узнал, окончилась наилучшим образом. Я говорю о кознях Троицкого [1]) против Л. Лопатина. По моему совету Лёва приготовил такую вступительную речь, которая заранее парализовала главную атаку его противника, а затем декан Г. А. Иванов так искусно прочел язвительный отзыв Троицкого, что никто не заметил его язвительности. Подробности диспута сообщил мне А-др М-ч письмом. Не худо было бы поместить вступительную речь в «Правос. Обоз.».

Будьте здоровы. Душевно Вам преданный *Влад. Соловьев.*

11.

(Лето 86 г.; из Вены).

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич!

10 июня послал Вам из Гапсаля «Введение» в *Διδαχή* и экземпляр «Догмат. разв.» с предисловием и вставками для второго издания. В конце моего «Введения» в *Διδαχή* есть у меня полемическая заметка по адресу переводчика в «Трудах» Киевской духовной академии. Боюсь, не вышло ли слишком резко, а главное — не показалось бы оскорбительным для самой духовной академии, чего я никак не желал бы и не желаю. Не заблагорассудите ли смягчить, хотя бы совсем исключивши несколько фраз. Вообще предоставляю Вам, если понадобится, сделать какие угодно изменения (разу-

[1]) Проф. Моск. унив. М. М. Троицкий, который был настроен враждебно по отношению к диссертации друга Соловьева — Л. М. Лопатина.

меется, не противоречащие прямо моей главной мысли, которую, впрочем, я уверен, Вы одобрите).

После некоторых злоключений, отчасти Вам известных, я, наконец, благополучно прибыл в Вену, а на-днях отправляюсь далее—к академической типографии в Загребе. Если понадобится Вам сообщить мне что-нибудь относительно моих исканий, то повторяю на всякий случай куда писать: Австро-Венгрия. Via Varsovie. Autriche-Hongrie. Agram. Academie des Sciences. Mr. le Président, Dr. F. Rački pour remettre à M. V. Solovieff.

Будьте здоровы. Душезно преданный Вам *Влад. Соловьев.*

ПРИБАВЛЕНИЕ.

ИЗ «АЛЬБОМА ПРИЗНАНИЙ» Т. Л. СУХОТИНОЙ [1]).

1. Главная черта Вашего характера? Упрямство и уступчивость.
2. Какую цель преследуете Вы в жизни? Не скажу.
3. В чем счастье? В вере в любовь.
4. В чем несчастье? Сидеть рядом с г-м Астафьевым.
5. Самая счастливая минута в Вашей жизни? Надеюсь еще будет, а, может быть, прогулял.
6. Самая тяжелая минута в Вашей жизни? Встреча с г. Астафьевым [2]).
7. Чем или кем желали бы Вы быть? Собою, вывороченным налицо.
8. Где желали бы жить? В России и в Египте.
9. К какому народу желали бы Вы принадлежать? Пока к русскому.
10. Ваше любимое занятие? Писать, когда пишется, и слушать милых людей.
11. Ваше любимое удовольствие? (*Ответа нет*).
12. Ваша главная привычка? Смотреть на солнце, чтобы чихнуть.
13. Долго бы Вы хотели жить? Безразлично.
14. Какой смертью хотели бы Вы умереть? Христианской.
15. К чему Вы чувствуете наибольшее сострадание? К покинутым женщинам.
16. К какой добродетели Вы относитесь с наибольшим уважением? К правдивости.
17. К какому пороку Вы относитесь с наибольшим снисхождением? К пьянству.
18. Что Вы всего более цените в мужчине? Постоянство.
19. Что Вы более всего цените в женщине? Сердечность.

---

[1]) Сообщено Г. П. Блоком. Альбом хранится в Толстовском музее в Москве. Копия с записи В. Соловьева снята с разрешения хранителя музея В. Ф. Булгакова. Текст вопросов отпечатан в альбоме типографским способом, и имеется отметка: «Дозволено цензурой 29 ноября 1888 г.». Следующая запись датирована 10 июля 1890 г. Этим определяется приблизительно время, когда внес свою запись В. Соловьев.

[2]) П. Е. Астафьев — профессор философии в Ярославском Демидовском лицее.

20. Ваше мнение о современных молодых людях? Страдают собачьей старостью.
21. Ваше мнение о современных молодых девушках? Мало знаю.
22. Верите ли в любовь с первой встречи? Да.
23. Можно ли любить несколько раз в жизни? По настоящему—нельзя.
24. Были ли Вы влюблены и сколько раз? Серьёзно один раз, а так— 27 раз.
25. Ваше мнение о женском вопросе? Пустое занятие.
26. Ваше мнение о браке и супружеской жизни? Abusus non tollit usum.
27. Каких лет следует жениться и выходить замуж? Ну при чем же тут года?
28. Что лучше: любить или быть любимой?
29. Покоряться или чтобы Вам покорялись?
30. Вечно подозревать или часто обманываться?
31. Желать и не получить или иметь и потерять?

} Не служил в легкой кавалерии.

32. Какое историческое событие вызывает в Вас наибольшее сочувствие? Конец экспедиции Ашинова [1]).
33. Ваш любимый писатель (в прозе)? Гофман.
34. Ваш любимый поэт? Пушкин и Мицкевич.
35. Ваш любимый герой в романах? Архивариус Саландер [2]).
36. Ваша любимая героиня в романах? Золотая змейка [3]).
37. Ваше любимое стихотворение? Посвящение к Полтаве и пролог Конрада Валленрода.
38. Ваш любимый художник? Мурильо.
39. Ваша любимая картина? Непорочное зачатие.
40. Ваш любимый композитор? Моцарт и Глинка.
41. Ваше любимое музыкальное произведение? Дон-Жуан и Руслан и Людмила.
42. Каково настроение Вашей души в настоящее время? Благонамеренное.
43. Ваше любимое изречение? Соллогуб у меня его похитил [4]).
44. Ваша любимая поговорка? Начихать на голову.
45. Следует ли всегда быть откровенным? Не следует ни в чем быть педантом.
46. Искренно ли Вы отвечали на вопросы? Вполне.
47. Расскажите самое выдающееся событие в Вашей жизни? Ожидаю его в будущем.

Влад. Соловьев.

---

[1]) Известный авантюрист, предпринявший экспедицию в Абиссинию в 80-ых годах.

[2]) Архивариус Саландер — одно из действующих лиц в «Золотом горшке» Гофмана, переведенного Соловьевым на русский язык.

[3]) Золотая змейка — см. «Золотой горшок» Гофмана.

[4]) На одной из предыдущих страниц того же альбома есть запись гр. Соллогуба, который против 43-го вопроса выписал поговорку: «Бог не выдаст, свинья не съест».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза 121.
Абаза Ю. Ф. 142.
Аверкий 208.
Авраам 6.
д'Авриль бар. 209, 216.
Аксаков А. Н. 20, 87, 139.
Аксаков П. С. 3, 13—27, 30, 85, 86, 92, 119, 168, 182, 226.
Аксакова А. Ф. 14—16, 22—24, 26, 28, 33, 106, 109, 114, 182, 183.
Александр III 22, 30, 149, 209, 211.
Александра Иосифовна вел. кн. 216.
Александровский 93, 134.
Алексей преосв. 165, 167.
Алексей (слуга) 97.
Амвросий преосв. 235.
Антоний архим. 235.
Арсеньев К. К. 55 69.
Астафьев П. Е. проф. 238.
Ауэр 132.
Ауэр З. 132, 133.
Ашинов 240.
Баадер 8.
Баранов Н. М. 142.
Баратынская К. И. 106, 153, 154, 164, 179.
Баратынские 86.
Бартенев П. И. 42.
Бартоломей М. 154.
Безобразов В. П. 39, 183, 210, 214.
Безобразов П. В. 183.
Безобразова М. С. 183.
Беме Я. 8.
Берг 230.
Бернштам акад. 176.
Бертольди 170.
Бильбасов 215.
Бисмарк 109, 162.
Блаватская 11.
Блок Г. П. 238.
Боборыкин 136.
Бональд де 107.
Борда-Демулин 107.
Боткин д-р. 44, 215.
Брокгауз 117.
Брюс Р. 130.
Будилович 175.
Буланже 78.
Булгаков В. Ф. 238.
Булгарин Ф. 52.
Бунге Н. Х. 71.
Буренин 136.
Буслаев 134.
Бутлеров 20.
Вагнер проф. 232.
Валентин гностик 55.
Ваперо 223.
Варнава о. 114.
Василий Великий 166.
Васильев 167, 233.
Вейнберг 136, 137.
Вельшингер 216.
Венгеров 121.
Веселовский 119.
Вильгельмина Баденская пр. 216.
Вильнёв 216.
Вильямс 139.
Виргилий 54, 105, 106.
Витте С. Ю. 49, 178.
Владимир великий князь 206.
Владимир Монах 77.
Вогюе 121.
Войнович гр. 216.
Волконская кн. 112.
Волконский кн. 115, 145.
Волынский 137.
Вольтер 78, 90, 112.
Воронова 61.
Ганото 225, 226.
Гартман 95, 164.
Гезен 116.
Гейне Г. 41, 58.
Гелленбах Л. 87.
Герцен А. 18.
Герье 35, 134.
Гец 107.
Гиляров 91.
Гинцбург бар. Г. 48, 49, 62, 79.
Гинцбург бар. Д. Г. 140, 141, 170.
Гихтель 8.
Глинка 240.
Говорухо-Отрок Ю. Н. 172, 229.

Гоголь Н. В. 117.
Голенищев-Кутузов гр. 52, 93, 135.
Голохвастов 17.
Голынская П. М. 151.
Гольцев В. А. 177.
Гончаров А. 54.
Горбов Н. М. 120.
Горемыкин И. Л. 49.
Гофман Э. Т. А. 240.
Грот 131, 179.
Губернатис А. гр. де 125, 216.
Гудлет 119.
Дампто принц 71.
Данилевский Н. Я. 29, 32, 34, 35, 91, 94, 95, 100, 102, 104.
Дант 22, 27.
Декарт 87.
Декэр 218, 222, 224.
Делянов 49, 178.
Демчинский 83.
Дмитриев (попеч.) 19.
Дмитриев Ф. М. 35.
Донберг 82.
Достоевский Ф. М. 19, 28, 115, 120, 164.
Дрейфус 225.
Дреммонд 6.
Дубенский П. Н. 145.
Духовецкий 164.
Дювернуа 113.
Елена Павловна в. кн. 142.
Жемчужников 64.
Жуковский 132
Зернов С. И. 115, 234.
Иван Грозный 45.
Иванов Г. А. 237.
Ивановский 180.
Иванцов-Платонов А. М. 14, 15, 19, 23, 24, 148, 188, 233, 236, 237.
Иконников В. С. 38. 117.
Икскуль бар. В. И. 137.
Иловайский 141.
Иоанн Богослов 23, 180.
Ионин 18.
Кавелин 232.
Кавос М. А. 136, 217, 218.
Кальвин 78.
Карбасников 132, 135.
Кареев И. В. 148.
Кареев Н. И. 147, 148.
Кареева Е. О. 148.
Карицкий М. И. 232.
Карл XII 123.
Карцев книгопрод. 179.
Катков М. Н. 18, 28, 30, 31, 36, 44, 71, 88, 89, 91—93, 105, 112, 115, 230.
Катковы 137.
Катулл 144.
Кетчер 134.
Киприян Карфагенский 166.
Киреев А. А. 161, 163, 235—237.
Киреев 109, 111.
Киреева О. А., см. Новикова.
Ковалевский М. М. 147, 161.
Коваленская О. М. см. Соловьева.
Кони А. Ф. 81, 142.
Константин Николаевич в. кн. 234.
Конт О. 8.
Кортес 41.
Корш Е. Ф. 131.
Крамской 93.
Кристи 203.
Кристи 111.
Кудрявцева Е. В. 229, 231.
Кузьмин-Караваев В. Д. 46, 121, 123, 129, 133, 171.
Кутузов 111, 127.
Лаврова Е. В. 137.
Лаврова М. А. 137.
Ламанский В. И. 40, 104, 168.
Ламмене 107, 125.
Лапшин И. О. 13, 19, 20, 141, 169, 170.
Лапшин И. И. 170.
Лапшина С. Д. 169.
Ледерле 132.
Лемке М. Н. 3.
Ленский 153.
Леонид архим. 35.
Леонтьев К. Н. 40, 89, 167, 168, 176.
Лермонтов Ген. 174.
Лермонтов М. Ю. 75, 76, 122.
Леруа-Болье А. 38, 116, 205, 216.
Лесков Н. С. 89, 173.
Ливен кн. 175, 176.
Лилиенфельд 117.
Лопатин Л. М. 61, 85, 86, 106, 109, 110, 114, 120, 131, 178—183, 237.
Лопатин М. Н. 120, 134, 182.
Лопатин Н. М. 60, 64, 114, 137, 138, 153, 179, 237.
Лопатина Е. Л. 183.
Лопатина К. М. 180.
Лорин 206, 210, 215—218, 224.
Лот 205, 216, 217.
Луазо 205, 216, 217.
Луговой А. А. 3, 144, 145.
Лукьянов С. М. 153.
Любимов Н. А. 137—139.
Людтке 208.
Лямкерт 170.
Магомет 71.
Маймонид 219.
Макарий митр. 208.
Малебранш 219.
Манси 89.
Маргарита королева 208.
Марий 88.
Марков 91.
Мария Александровна имп. 183.
Марконет А. Ф. 84, 107, 125.
Маркс А. Ф. 145.
Мартенс Ф. Ф. 79.
Мартынов о. 107, 108, 216.
Мартынова С. М. 4, 150—159.
Маршан 78, 79.
Массарик проф. 107.
Менар 207—209, 218, 224.
Метафраст 208.
Мей 124.
Мещерский кн. 28, 31, 50—53, 113, 111, 180.
Миварт 95.
Микель-Анджело 41.
Миллер О. 38, 40, 115.
Милль 219.
Минаева 160.
Минский 124.
Мицкевич 160, 240.
Молер 107.
Молина 213.
Моравский о. 210, 212.
Моцарт 240.
Мошков 175.

Муравьев Н. В. 49, 178.
Мурильо 240.
Муромцев 134.
Муханов 131
Навуходоносор 55, 209.
N. В. Н. 171.
Немур-Годре 205.
Нефтали 46.
Никанор архиеп. 30, 119.
Никифоров Л. П. 5—8.
Ниссен 208.
Новикова О. А. 161—163, 236.
Нордау Макс 226.
Нотович 48.
Нубар-паша 162.
Оболенский А. Д. 127, 141.
Олсуфьев гр. Д. А. 149.
Ольга Константиновна королева эллинов 216.
Онегин А. Ф. 218.
Онкен 120.
Орлов 231.
Павел апостол 100.
Павленков 71, 125, 133, 134.
Павлов М. Н. 183.
Павлов проф. 125.
Паскаль де о. 205, 216.
Поссарт 90.
Перрин 214, 217.
Перроне 88.
Перье Казимир 78.
Петр Великий 54, 105, 136.
Петров 112.
Петровский А. Г. 164.
Пизарро 41—42.
Пирлинг о. 38, 109, 115, 210, 215, 216.
Писаренко 97.
Писемский 148.
Платон 204, 227.
Плиний 86.
Победоносцев К. П. 19, 20, 30, 49, 55, 72, 86, 93, 109, 127, 178, 212, 226.
Поливанов Л. 134, 148.
Полонский Я. П. 146.
Полянская Е. И. 86.
Попов Н. А. 97, 120, 125.
Попова В. С. 97.
Порядж 8.
Преображенский В. П. 170.
Преображенский П. А. 92, 95, 96, 97, 100, 101, 231—238.
Прессансе 106.
Протейкинский В. П. 160.
Прудон 18.
Прутков Кузьма 15, 47, 66, 71, 129.
Пушкин А. С. 75, 81, 83, 104, 110, 240.
Пыпин А. Н. 3, 63, 67, 69, 75, 82, 172—176.
Пыпина В. А. 174.
Рабинович 89, 90.
Раден бар. 22.
Радлов 109, 119.
Ратьков-Рожнов 71.
Рачки 99, 103, 106, 107, 188, 210, 238.
Рафаэль 73.
Рачинский 117.
Ренан Э. 147, 213.
Репин 145.
Розанов 67.
Розенбах 135.
Романова Е. В. 132.
Рубин 89, 93.
Рувье 147.
Ружемонт гр. 216.
Руссо Ж. Ж. 78.
Сабуров А. А. 17.
Савин 207—210, 216.
Сайн-Витгенштейн кн. 205, 207.
Саломон А. П. 52 53.
Салтыков 44.
Самарин Ю. Ф. 18, 107, 108.
Сарторнус 107.
Селевина Е. В., см. Романова.
Сен-Мартен 8.
Сергиевский 134.
Скотт В. 63.
Слиозберг 83.
Слонимский 44, 69, 82, 83.
Смирнова А. 213.
Смирнова О. 212—215, 218.
Собещанская 61.
Соколов 134, 148.
Соллогуб гр. 113, 153, 240.
Соловьев Всев. С. 11, 122, 126 (?), 170.
Соловьев Е. 47.
Соловьев М. П. 72.
Соловьев М. С. 3, 22, 74, 84—99, 100—106, 108—124, 126, 128—130, 132—136, 141, 182, 234.
Соловьев С. М. (стар.) 223.
Соловьев С. М. (мл.) 106, 107, 120, 121, 122, 124, 129, 131, 132, 133.
Соловьева В. С. (см. Попова) 97, 113, 153.
Соловьева М. С., см. Безобразова.
Соловьева О. М. 84—86, 88, 91—93, 96, 98, 99, 101, 102, 105, 106, 111, 119—122, 124, 126, 129, 132, 133.
Соловьева О. О. 234.
Соловьева П. В. 33, 75, 105, 112, 120, 122, 129, 135, 141, 149.
Спасович В. Д. 65, 69, 82.
Спенсер Герб. 75, 76.
Станкевич 134.
Стасов В. В. 34.
Стасюлевич Л. И. 28, 36, 36—44, 46—49, 54, 55, 59, 60, 62—66, 68—70, 72, 73—77, 79—84.
Стасюлевич М. М. 3, 28—49, 53—55, 57, 59, 60, 62—65, 69—78, 80—83, 106, 107, 118, 119, 122, 133, 155, 136, 152, 155, 174, 176, 223.
Стоянов 235.
Стразевская М. 216.
Страхов Н. Н. 15, 17, 32, 33, 34, 35, 39, 40, 41, 45, 67, 104, 115, 117, 118, 119, 127, 167, 168, 176, 229, 230.
Студниц фон А. 139.
Суворин А. С. 105, 107, 110.
Сухотин М. С. 15.
Сухотина Т. Л. 238.
Сыромятников С. Н. 170.
Таврический 165.
Таверньe Е. 3, 205—228.
Тиле 116.
Тиллуа аббат 113.
Тихомиров 67.
Тихонравов 134.
Толстая гр. С. А. 57, 93, 125, 137, 138, 162, 177.
Толстая Т. Л. гр., см. Сухотина.
Толстой гр. А. К. 57, 58, 68, 69, 84, 93.
Толстой гр. Д. А. 30, 44.
Толстой И. С. 183.

Толстой гр. Л. Н. 7, 15, 30, 54, 58, 59, 64, 65, 97, 98, 136, 144, 145.
Тондини ди Кваренги о. 46.
Троицкий М. М. 237.
Трубецкой, Е. Н. кн. 4.
Трубецкой С. Н. кн. 41, 59, 60, 64, 114, 127, 131, 174, 179.
Тютчев И. Ф. 182, 183.
Тютчев Ф. И. 14, 27.
Утин Е. И. 45.
Ухтомский Э. Э. кн. 72.
Федоров Н. Ф. 118, 120.
Феоктистов Е. М. 29, 69, 177, 178.
Фет А. А. 86, 88, 93, 105—107, 110, 112, 126, 128, 152, 155, 156, 228—231.
Филиппов Т. И. 3, 14, 28, 40, 104, 153, 165—169, 178.
Флеров 90.
Флокэ 207.
Фогельзанг бар. 216.
Фокс К. 20.
Франк Виктор 38, 117.
Франценлин кард. 213.
Франциск 134.
Фруг 124.
Харитонов А. 155.
Хилков кн. 178.
Хитров М. И. 86, 90, 106, 135.
Хитрово 75.
Хитрово Г. 85.
Хитрово Е. 85.
Хитрово М. 17, 75.
Хитрово В. 131.
Хитрово С. П. 57, 84—86, 93, 116, 125, 126, 130, 142, 162, 167, 177.
Хомиховский 33, 66.
Хомяков 55, 107, 108.
Цертелев кн. Д. Н. 43, 54, 115, 146, 163, 164,
Цертелева В. С. 164.
Цертелева Е. Ф. кн. 164.
Чаадаев П. Я. 38, 117.
Чайковский В. Г. 84.
Чичерин Б. Н. 22, 24, 35.
Шарапов С. Ф. 109.
Шекспир В. 145.
Шеншин А. А., см. Фет.
Шеншина М. П. 126, 229—231.
Шмидт А. Н. 8—13.
Штраус 112.
Штроссмайер еписк. 27, 99, 101, 103, 118, 119, 211, 216.
Шуберт 61.
Щеглов Д. 172.
Эберман 14, 168, 169.
Эдинбургская герц. 216.
Энгельгардт 14—16.
Юркевич П. Д. 169.
Юрьев 90, 131.
Янжул И. И. 134, 146.
Янсен 89, 91, 93.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Письма к Льву Павловичу Никифорову 5
Анне Николаевне Шмидт 8
Ивану Сергеевичу Аксакову 13
Михаилу Матвеевичу и Любовь Исааковне Стасюлевич . 28
Брату Михаилу Сергеевичу Соловьеву 84
Михаилу Альбертовичу Кавосу 136
Николаю Алексеевичу Любимову 137
Барону Давиду Горациевичу Гинцбургу 140
Матери 141
Юлии Федоровне Абаза 142
Петербургскому Градоначальнику Н. М. Баранову . . . 142
Студентам Московского Университета 143
Александру Алексеевичу Луговому 144
Якову Петровичу Полонскому 146
Ивану Ивановичу Янжулу 146
П. И. Кареев 147
Графу Дмитрию Адамовичу Ольсуфьеву 149
Императору Александру III 149
Софье Михайловне Мартыновой 150
Виктору Петровичу Протейкинскому 160
Ольге Алексеевне Новиковой 161
Князю Дмитрию Николаевичу Цертелеву 163
Тертию Ивановичу Филиппову 165
Сусанне Денисьевне Лапшиной 169
Сергею Николаевичу Сыромятникову 170
Василию Петровичу Преображенскому 170
Владимиру Николаевичу X 171
Александру Николаевичу Пыпину 172
Константину Николаевичу Леонтьеву 176
Виктору Александровичу Гольцеву 177
Льву Михайловичу Лопатину 178
Михаилу Николаевичу Лопатину 182
Евгению Таверье (с русским переводом) 183
Афанасию Афанасьевичу Фету 228
Петру Алексеевичу Преображенскому 231

Прибавление.
Из «Альбома признаний» Т. Л. Сухотиной, урожд. гр. Толстой. 238

Указатель имен 240

APR - 1939

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pis'ma Vladimira Sergieevich solov'eva.
197 S689P, suppl.
D80012974V